

801-16

1263

801-78

14506

ФЕДОНЪ.

Диалогъ объ идеѣ „безсмертіе“ философа классической древности Платона.

Н. Виноградова.

Преподавателя Виенской Духовной Семинаріи.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страсс. бульв.

1891.

ФЕДОНЪ

Н. Виноградова

3/15

Дозволено цензурою. Москва, сентября 25 дня 1891 года.

57977-10

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

Диалогъ философа классической древности Платона, именуемый «Федонъ», разсуждающій объ истинѣ безсмертія души столь важной и существенной въ дѣлѣ нашего умственного и нравственного самоусовершенствованія, читанъ былъ въ устной бесѣдѣ философомъ Платономъ въ основанномъ героемъ Академомъ учебномъ заведеніи на сѣверо-западѣ отъ Афинъ для обученія гимнастикѣ. По преемству отъ своего учителя Сократа безсмертный Платонъ въ теченіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ читалъ свои лекціи въ формѣ диалоговъ, имѣвшія своимъ предметомъ раскрытіе и уясненіе нравственныхъ понятій справедливости, благочестія, красоты и другихъ видовъ добродѣтели; предметомъ одной серіи его чтеній было подтвердить въ сознаніи многочисленныхъ слушателей истину безсмертія души человѣческой, какъ начала простого, недѣлимаго, содержащаго и проявляющаго истину и знанія путемъ воспоминанія. Замѣчательно, что когда Платонъ читалъ о безсмертіи, то его рѣшился дослушать только Аристотель.

Въ Платоновомъ диалогѣ о безсмертіи приводятся доказательства въ пользу утѣшительной идеи о безсмертіи теоретическія и нравственно-практическія. И тѣмъ живѣе представляется сознанію читателя эта идея съ ея всесторонними и разнообразными признаками и примѣненіями, что въ диалогѣ выводится у Платона разговаривающимъ Сократъ, который, какъ говорится въ одномъ изъ публичныхъ чтеній ¹⁾ Эрнеста Навиля, озаглавленномъ «мысли человечества», излагаетъ и защищаетъ положеніе, что человѣкъ въ переходящей оболочкѣ

¹⁾ Переведенныхъ съ французскаго профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета, теперь протопресвитеромъ Н. А. Сергіевскимъ въ книгѣ „Вѣчная жизнь“. М. 1862 г. Стр. 46.

тѣла носить начало божественное. Задавался таинственнымъ вопросомъ что такое смерть (θάνατος), ¹⁾ Сократъ, согласно съ общимъ убѣжденіемъ, считаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Затѣмъ изслѣдуетъ, какъ говорить Эрнестъ Навиль, отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ, стараясь уразумѣть истину, во всю свою жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, ибо тѣло своими чувствами, чрезъ которыя умъ смотритъ на внѣшній міръ, какъ чрезъ «рѣшетку темницы» ²⁾, закрываетъ отъ него истину; безъ истины же и разумѣнія невозможна никакая добродѣтель. Самое отрѣшеніе души отъ тѣла, какъ свидѣтельствуемъ Платонъ въ діалогѣ чрезъ уста Сократа, состоитъ въ отрѣшеніи души отъ чувственныхъ грубыхъ удовольствій и воспріятій, и стремленіе ея къ познанію сущности предметовъ. Но въ силу своего философскаго соображенія, что полное освобожденіе души отъ тѣлесныхъ ощущеній и страстей, а также созерцаніе ея чистой истины наступитъ лишь за предѣлами гроба, когда душа правая не только будетъ обладать истиннымъ знаніемъ, но украсится различными душевными добродѣтелями, истинный философъ при мысли о смерти долженъ только радоваться, а не скорбѣть. Такое соображеніе само собою ведетъ Сократа, по изображенію Платона, къ увѣренности, что душа человѣка безсмертна. Первое доказательство истины безсмертія души, развиваемое въ главахъ 14—17 діалога, Сократъ, по взгляду на него Платона, заимствуетъ изъ представленія безчисленныхъ переходовъ, подмѣчаемыхъ въ явленіяхъ природы, и въ основѣ имѣющихъ начала: засыпаніе и пробужденіе,—начала аналогическія со сномъ и бодрствованіемъ человѣка, предвоаемыхъ, съ одной стороны, засыпаніемъ, а съ другой, пробужденіемъ. Не смотря однако на такой переверотъ и смѣну своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ состояній, душа че-

¹⁾ Слово это по производству отъ основнаго корня значитъ выдыханіе, а не то, что разрушеніе (mors).

²⁾ По выраженію Платона.

ловѣка остается сама себѣ вѣрною, на сколько проявляетъ въ себѣ идеи истины, добра и красоты. Эти высшія идеи разума человѣческаго имѣютъ свой источникъ, по словамъ Сократа, протолкованнымъ чрезъ Платона, въ Верховномъ Божествѣ (θεῖοι) и есть ничто иное какъ воспоминаніе того, что знала душа раньше, до соединенія съ тѣломъ. Второе доказательство безсмертія души берется Платономъ въ діалогѣ «Федонъ» отъ представленія простоты души, необходимо связанной съ простотою идей, сознаваемыхъ единымъ духомъ человѣка—тѣмъ духомъ, который правитъ тѣломъ человѣка и есть въ немъ начало божественное, и, какъ такое, не подлежитъ разрушенію. Развитие двухъ помѣченныхъ доказательствъ безсмертія души составляетъ первую часть трактата діалога Федонъ; за ней слѣдуетъ вторая часть, въ которой представляются возраженія Симмія и Кевиса по вопросу о безсмертіи души, опровергаемые Сократомъ.

На взглядъ Симмія душа человѣка, въ высшемъ своемъ проявленіи именуемая духомъ, есть нѣкоторая гармонія, долженствующая возникать изъ свойствъ частей тѣла. Какъ по разрушеніи частей лиры исчезаетъ извлекаемый изъ нея звукъ, такъ вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла уничтожается душа.

На взглядъ другаго собесѣдника Сократова Кевиса душа существовала прежде, чѣмъ явилась въ этой жизни, и въ живомъ тѣлѣ она есть начало давнее, тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени она можетъ ослабѣть и потратиться. Когда заявленіемъ подобныхъ взглядовъ на судьбу души всѣ были ошеломлены, Сократъ сказалъ, что не слѣдуетъ такъ тревожиться, чтобы совершенно отчаяваться въ дѣйствительности отыскиваемой истины.

Мнѣніе Симмія Сократъ опровергаетъ тремя соображеніями.

Во 1-хъ, онъ говоритъ, что если всякое знаніе основано на воспоминаніи, и если душа уже дѣйствовала прежде своего появленія въ тѣлесной жизни, то она не можетъ быть гармоніей, такъ какъ гармонія возникаетъ и развивается отъ

составныхъ частей лиры, и слѣдовательно является по сочетаніи ихъ. Во 2-хъ, онъ замѣчаетъ, что, если душа есть гармонія, то нарушеній ея не можетъ быть и, наконецъ, въ 3-хъ, какъ скоро душа управляетъ тѣломъ, то по этой причинѣ она не можетъ погибнуть отъ условій тѣла.

Возраженія Кевиса опровергаются Сократомъ всесторонне. Вторично Сократомъ излагается, что Кевисъ самъ путемъ своего образованія зналъ о безсмертіи душъ. Съ мнѣніемъ по этому вопросу, высказаннымъ Анаксагоромъ и физиками, извѣстными Кевису, Сократъ не соглашается, такъ какъ съ точки зрѣнія этихъ философовъ вопросъ о безсмертіи не можетъ быть рѣшенъ обстоятельно. По ученію объ идеяхъ, вложенному въ сознаніе Сократа Платономъ, всякая вещь или предметъ существуютъ именно такимъ, какимъ выдаютъ его относящіяся къ нему идеи. Вещь, въ которой есть какая-либо идея, не принимаетъ въ себя идею, которая ей противоположна.

Въ душѣ нашей есть идея жизни; понятіе смерти, которая противоположна жизни, эта идея исключаетъ, такимъ образомъ душу надо признать безсмертною. Поелику же душа безсмертна, то ею никакъ нельзя пренебрегать не только въ жизни настоящей, но и въ будущей. Смотри потому какъ душа будетъ воспитана, ея состояніе будетъ добрымъ или злымъ.

Чѣмъ болѣе просвѣчиваетъ сознанію мысль, какимъ быть можетъ состояніе душъ послѣ этой жизни, воображенію философа въ перспективѣ рисуется нѣчто правдоподобное. Земля кажется ему раздѣленною на три части: въ серединѣ мы живемъ; въ низшихъ сферахъ, но на различныхъ мѣстахъ имѣютъ обращаться тѣ, которые жили посредствомъ или мерзко; въ верхнихъ слояхъ витаютъ всѣ святые и философы. Поэтому долженъ быть у всѣхъ, обитающихъ на землѣ, духъ высшей рачительности. Въ заключеніе діалога рассказываются слова и дѣла Сократа, которые были достойны мужа мудраго и добраго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы приступаемъ къ изданію на Русскомъ языкѣ діалога „Федонъ“ въ той увѣренности, что этотъ діалогъ можетъ раскрыть предъ глазами внимательной Русской публики развитую въ немъ идею безсмертія, такъ какъ всѣ раздѣляютъ безповоротно вѣру въ цѣнность и значимость этой идеи, въ силу чего діалогъ „Федонъ“, всеяющій увѣренность въ значимости этой идеи, при времени своего первоначальнаго появленія на свѣтъ, находилъ себѣ много слушателей преимущественно изъ класса лицъ богатыхъ.

По своему стройному составу¹⁾, а также и по развитію частныхъ мыслей въ пользу и несомнѣнность идеи безсмертія діалогъ „Федонъ“ съ давняго времени заслуживалъ вниманія лицъ, интересовавшихся его содержаніемъ. Въ силу этого полагаемъ неизлишнимъ познакомить читателя съ переводомъ этого діалога.

Сар. I Ехекр. Самъ ты, Федонъ, пребывалъ подлѣ Сократа въ тотъ день, въ который Сократъ въ темницѣ выпилъ ядъ, или ты получилъ извѣстіе объ этомъ чрезъ другаго.

Фед. Самъ я, Ехекрать, былъ при немъ.

Ехекр. Что же этотъ человекъ высказалъ предъ своею смертію и какъ онъ скончался? Ибо я желалъ съ охотою

¹⁾ По послѣднимъ открытіямъ литературныхъ находокъ въ Египтѣ текстъ „Федона“, дошедшій до насъ, заключаетъ въ себѣ вставки и измѣненія, какія сдѣланы были въ александрійскій періодъ: „Новое время“ 2-го (14-го) ноября 1891 г. № 5632. Стр. 4.

слышать его. Никто изъ гражданъ Фліасійскихъ въ настоящее время не прибывалъ на долгое время въ Аены и отсюда въ продолженіе долгаго времени не приходило ни одного друга, который намъ могъ бы дать рѣшеніе относительно этого, исключая извѣстія, что онъ умеръ, такъ какъ выпилъ ядъ; отъ остальныхъ передатчикъ ничего не умѣлъ возвѣстить.

Фед. Такимъ образомъ вы не узнали, какъ судъ надъ нимъ произошелъ?

Ех. Да, это намъ возвѣстилъ нѣкто, и мы удивлялись что, послѣ того какъ этой процессъ произошелъ, онъ много позднее этого, какъ кажется, умеръ. Итакъ чѣмъ это было, Федонъ.

Фед. Произошелъ съ нимъ, Ехекратъ, нѣкоторый случай, ибо въ предшествующій день процесса случайно была увѣнчана корма корабля, который посылаютъ Аеняне въ Делосъ.

Ех. Какъ это произошло?

Фед. Это былъ корабль, какъ говорятъ Аеняне, на которомъ Фезей нѣкогда отправлялся съ семьєю оными парами ¹⁾ и спасъ его и самъ спасся. Поэтому молились, какъ говорятъ, тогда Аполлону, если спасутся, то отсылать каждый годъ посольство въ Делосъ, которое они ежегодно, какъ и теперь, съ того времени сопровождаютъ съ помощію Божією. Какъ скоро они такимъ образомъ начинали празднество, у нихъ былъ законный обычай въ это время очищать городъ и никого всенародно не убивать, прежде чѣмъ корабль достигнетъ Делоса и отсюда опять возвратится. Это требуетъ иногда много времени, когда вѣтры задерживаютъ ихъ. Началомъ же празднества былъ тотъ моментъ, когда жрецъ Аполлона увѣнчиваетъ корму корабля. Поэтому много времени протекло у Сократа въ темницѣ между осужденіемъ и смертію.

¹⁾ Лица посвященныхъ ежегодно Миносу владѣтелю Критскому.

Сар. II. Что были за обстоятельства самой смерти, Федонъ? Что говорилось и дѣлалось, и какіе изъ его друзей находились при этомъ человѣкѣ? или начальство не позволило ему присутствовать, но онъ скончался вдали отъ друзей?

Фед. О нѣтъ! Но онъ былъ посѣщенъ друзьями и притомъ многими.

Ехекр. Это все ты будь расположенъ возможно точнѣе объяснить намъ, если ты не имѣешь какого либо недосуга.

Фед. Да я имѣю досугъ и хочу вамъ рассказать; и дѣйствительно мысль о Сократѣ, буде самъ я говорю о немъ, или слышу отъ другаго говорящаго мнѣ, всегда болѣе всего пріятна.

Ехекр. Теперь истинно, мой Федонъ, находишь ты въ насъ другихъ людей такого же рода, намѣреющихся слушать, но попытайся разслѣдовать все, какъ можно обстоятельно.

Фед. Да я испытывалъ удивительное при прибытіи. Именно я не чувствовалъ никакого состраданія, какъ можно было ожидать (разнчт. wie man doch erwarten konnte), когда я былъ при смерти этого друга. Ибо мнѣ казался этотъ человѣкъ счастливымъ, Ехекратъ, и по своему характеру и по своимъ рѣчамъ, такъ какъ онъ умеръ столько же безстрашнымъ, сколько и благороднымъ, такъ что мнѣ представляется, что онъ идетъ въ мѣсто ада не безъ божественнаго опредѣленія и тамъ находится въ счастливомъ положеніи, какъ иной кто либо. Поэтому не возникло во мнѣ совершенно никакого чувства состраданія, какъ можно предположить при каждомъ, кто былъ свидѣтелемъ печальнаго происшествія, и чувства удовольствія я не получалъ, какъ во время нашего обыкновеннаго философскаго занятія. И дѣйствительно разговоры были приблизительно такого рода; но имѣло силу при этомъ совершенно рѣдкое ощущеніе и не обыкновенное смѣшеніе радости и скорби при одной мысли, что этотъ человѣкъ долженъ былъ въ то время умереть. И всѣ присутствующіе испытывали почти одно и тоже настрое-

не, то мы смѣялись, то мы плакали, въ особенности именно Аполлодоръ; знаешь ты этого человѣка и характеръ его?

Ехекр. Какъ мнѣ не знать?

Фед. Онъ чувствовалъ себя совершенно такимъ образомъ и я самъ встревоженъ былъ, и остальные.

Ех. Какіе же, Федонъ, находились друзья именно при немъ?

Фед. Изъ туземцевъ былъ этотъ Аполлодоръ и Критовулъ и отецъ его и кромѣ того Гермогенъ, Епигентъ, Есихинъ. Антисѳенъ; былъ Ктезиппъ, Пѳанійскій Менексенъ и другіе нѣкоторые изъ туземцевъ; Платонъ, думаю, былъ боленъ.

Ех. Были при этомъ нѣкоторые иностранцы?

Фед. Да именно Симмій Фивейскій, Кевисъ, Федонъ изъ Фивъ, Евклитъ, Терпсионъ изъ Мегары.

Ехекр. Какъ однако, были Аристиппъ и Клеомбротъ?

Фед. Нѣтъ, они вѣдь находились, какъ говорили, въ Эгинѣ¹⁾.

Ехекр. Былъ еще ктонибудь тамъ?

Фед. Я думаю, что только это были присутствующіе.

Ехекр. Что далѣе были за разговоры, говоришь ты?

III. Фед. Я постараюсь сообщить тебѣ сначала обо всемъ; мы всегда имѣли обыкновеніе въ предшествующіе дни приходить и я и остальные къ Сократу, когда мы собирались поутру въ судилищѣ, гдѣ и производился судъ, ибо онъ былъ близко при темницѣ. Мы ожидали такимъ образомъ каждый разъ, пока не отворялась темница; отворялась она именно не рано. Когда она отворялась, мы входили къ Сократу и большее время проводили съ нимъ. И дѣйствительно тогда собирались рано. Ибо въ предшествующій день когда мы выходили изъ темницы вечеромъ, мы получили извѣстіе, что корабль пришелъ изъ Делоса²⁾.

¹⁾ Эгина островъ на Сароническомъ заливѣ при Аргосѣ въ средней Греціи.

²⁾ Однѣ изъ острововъ цикладскихъ.

Итакъ мы общали другъ другу возможно раньше приходилъ въ обыкновенное мѣсто. И мы приходили, и къ намъ выходящій придверникъ, который имѣлъ обыкновеніе подслушивать, говорилъ, чтобы мы ожидали и не вступали, пока самъ намъ прикажетъ. Ибо, прибавлялъ онъ, одиннадцать снимаютъ съ Сократа ковы и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть. Спустя недолгое время онъ пришелъ и приказалъ намъ взойти. При нашемъ вступленіи мы захватили Сократа развязывающимъ свои оковы и Ксантиппу, вѣдь ты ее знаешь, съ своимъ дитятей подлѣ. Когда насъ увидѣла Ксантиппа, она возвысила голосъ и сказала такія рѣчи, какія имѣютъ обыкновеніе высказывать женщины, на подобіе слѣдующихъ: „ахъ, Сократъ, въ послѣдній разъ твои друзья будутъ говорить съ тобою и ты съ ними. Тогда Сократъ посмотрѣлъ на Критона и сказалъ: пусть отведетъ ее кто либо домой. И отвели ее нѣкоторые изъ свиты Критона, между тѣмъ какъ она кричала и била себя въ грудь. Но Сократъ, поднявшись на постели, подогнулъ ногу, потеръ ее рукою и потирая вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: сколь рѣдкимъ, господа, кажется, намъ тѣ, что люди называютъ пріятнымъ, сколь удивительно связывается это съ его видимою противоположностію, когда оба состоянія ни когда въ одно время не бываютъ у человѣка, между тѣмъ какъ тотъ, кто преслѣдуетъ и достигаетъ одного, почти всегда поставленъ въ необходимости испытывать и другое, какъ будто два эти состоянія соединены въ одной вершинѣ. И я думаю, что Эзопъ, если бы онъ подумалъ объ этомъ, то составилъ бы басню такого содержанія, что богъ, желая примирить это вражду, послѣ того какъ не могъ, соединилъ ихъ вершины въ одномъ, и что каждому, у кого является одно, слѣдуетъ послѣ и другое. Какъ и мнѣ самому кажется; послѣ того какъ отъ оковъ была въ ногѣ боль, кажется, приходитъ вслѣдъ затѣмъ пріятное ощущеніе.

IV. Кевисъ, подхвативъ слово, сказалъ: правда, мой Сократъ, ты хорошо сдѣлалъ, что припомнилъ мнѣ. Относи-

тельно твоихъ поэтическихъ работъ, которыя ты составлялъ, когда разбиралъ басни Эзопа и гимнъ въ честь Аполлона и нѣкоторые другіе, меня спрашивали, а недавно и Евенъ о томъ, что ты имѣя въ виду, по пришествіи сюда, дѣлалъ, между тѣмъ какъ прежде никогда ничего подобнаго не дѣлалъ. Если у тебя въ мысляхъ, чтобы я для Евена далъ отвѣтъ, когда онъ опять спроситъ, (а я знаю, что онъ спроситъ), то скажи, что должно говорить. Скажи ему, мой Кевисъ, онъ правду замѣтилъ, что я занимался этимъ невѣрнымъ намѣреніемъ, выступить противъ него и его произведеній въ качествѣ соперника, ибо я зналъ, что это не легко бы было; но чтобы оцѣнить значеніе извѣстныхъ сновидѣній и примириться, буде дѣйствительно сны должны внушать этотъ родъ словеснаго ¹⁾ искусства. Дѣло было именно таково: въ протекшей жизни часто мнѣ одинъ и тотъ же сонъ въ различныя времена всегда являлся въ разныхъ видахъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Сократъ, внушалъ онъ, занимайся музыкой собств.: наукой и упражняйся въ ней.“ Теперь я вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, но первое время, сонъ увѣщевалъ и поощрялъ меня дѣлать то, что я уже и дѣлалъ, подобно какъ и зрители, ободряющіе борцовъ, и сновидѣніе настойчиво побуждало меня къ тому, чѣмъ я и занимался—изучалъ именно стихотворное искусство, такъ какъ философія, когда я ею занимался, есть величайшее стихотворное искусство. И теперь, когда судъ состоялся и моя казнь чрезъ праздникъ въ честь бога задержалась, я думалъ не противорѣчить сновидѣнію, буде оно дѣйствительно должно было приказывать упражненіе въ этомъ обыкновенномъ искусствѣ. Ибо мнѣ казалось, безопаснѣе не уходить, прежде чѣмъ не исполнить долга, сочиняя стихотворенія и повинуюсь сну. Такимъ образомъ прежде всего и

¹⁾ Въ подлинникѣ музыкальнаго искусства, такъ какъ слово музыка музыкальный, будучи производнымъ отъ названія „Музы“, означало всякій родъ искусства и науки. См. нашъ переводъ діалога Платонова „Гажесъ“ М. 1890. Стр. 22.

сочинилъ гимнъ въ честь бога, которому посвящено настоящее празднество. Вслѣдъ за гимномъ въ честь бога, я, поймавъ, что поэту нужно, если онъ намѣренъ быть поэтомъ, сочинять сказанія, а не рассужденія, и что самъ я не былъ искусенъ въ составленіи сказаній, и такъ поэтому изъ басней Эзопа, которыя имѣлъ подъ рукою и зналъ, переложилъ въ стихи тѣ, на которыя прежде всего наткнулся.

V. Итакъ, Кевисъ, скажи это Евену, чтобы онъ былъ здоровъ и, если благоразуменъ, то чтобы, какъ можно скорѣе, послѣдовалъ за мною; а я уйду, какъ кажется, сего дня. ибо Аѣиняне приказываютъ. Тогда Симмій возразилъ: какъ приказываешь сказать это Евену, Сократъ? ибо я уже много встрѣчалъ этого человѣка; итакъ почти изъ этого я заключаю, что онъ ни коимъ образомъ не будетъ повиноваться тебѣ добровольно. Какъ такъ? сказалъ онъ, Евенъ развѣ не философъ? „Мнѣ кажется, что онъ философъ, сказалъ Симмій „Итакъ и Евенъ и всякій, который достойнымъ образомъ участвуетъ въ этомъ занятіи, захочетъ послѣдовать моему совѣту. Однако онъ вѣроятно не совершитъ насилія надъ собою, потому что это, говорятъ, не позволено. И говоря это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опустилъ свои ноги на землю и сидя такимъ образомъ рассуждалъ.

Тогда Кевисъ спросилъ его: „какъ это ты говоришь, Сократъ, что не позволено налагать руки на самихъ себя, а между тѣмъ философу позволительно желать слѣдовать за умирающимъ?“ „Какъ Кевисъ? развѣ ты и Симмій не слышали о такого рода предметахъ, хотя вы и имѣли сношеніе съ Филолаемъ“. „Ничего яснаго, по крайней мѣрѣ, Сократъ“. Но и я говорю объ этихъ предметахъ по слуху. Однако о томъ, что я слышалъ, объ этомъ я хочу рассказать, не задерживаясь. Ибо для того, кто находится въ намѣреніи путешествовать туда, позволительно въ особенности стараться постичь путешествіе туда и высказать догадку, какъ мы его можемъ представлять. Что же другое долженъ былъ дѣлать кто либо въ благоприятный срокъ до заката солнца?

VI. Насколько мой Сократъ справедливо говорятъ, что самоубійство не позволительно? Я вѣдь уже слышалъ отъ Филолая о томъ, о чемъ ты теперь спрашиваешь, также отъ нѣкоторыхъ другихъ, что не должно этого дѣлать; однако яснаго объ этомъ я никогда ничего не слыхалъ. Но должно быть расположеннымъ послушать, замѣтилъ онъ; ибо скоро ты объ этомъ услышишь. Можетъ быть впрочемъ тебѣ кажется удивительнымъ, что это утверждение единственно изъ всѣхъ остальныхъ просто и никогда для человѣка, какъ и въ остальныхъ случаяхъ, въ извѣстномъ положеніи, не лучше умереть, чѣмъ жить. Пожалуй тебѣ представляется удивительнымъ, что для тѣхъ людей, для которыхъ лучше умереть, нечестиво благодѣтельствовать самому себѣ въ этомъ смыслѣ, но должно ожидать другаго благодѣтеля. На это Кевисъ, говоря на своемъ собственномъ нарѣчій, спокойно улыбувшись, возразилъ: „пустъ знаетъ это богъ“, „да дѣйствительно, сказалъ Сократъ, покажется это тебѣ безмыслицей; тѣмъ не менѣе, можетъ быть, это имѣетъ твердое основаніе. Мысль, которая въ таинственномъ ученіи дается въ пользу того ученія, что мы люди находимся какъ бы на нѣкоторомъ посту и не должно намъ освобождать себя отъ него или убѣгать отъ него, мнѣ кажется, возвышенна и не легка для умозрѣнія; тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, это сказано хорошо, что боги наши охранители и мы люди одно изъ стяжаній (созданій) божіихъ, или ты такъ не думаешь?“ „Я такъ думаю, замѣтилъ Кевисъ“. И такъ сказалъ Сократъ, если бы какой либо изъ твоихъ рабовъ убилъ самого себя, хотя бы ты не подавалъ знака, что желаешь его смерти, то развѣ ты не разсердился бы на него и, если бы ты имѣлъ какое либо наказаніе, то не наказалъ ли бы его? „Конечно“, сказалъ Кевисъ.“ И такъ можетъ быть, это не лишено смысла, что не должно убивать себя, прежде чѣмъ богъ пошлетъ какую нибудь необходимость, какъ теперь намъ.

VII. Да, замѣтилъ Кевисъ, это мнѣ кажется справедливымъ; но то, что ты теперь утверждаешь, что философы легко желаютъ умереть, похоже на безмыслицу, особенно когда соображеніе, о которомъ мы говорили, высказано хорошо, что богъ заботится о насъ и мы суть его созданія. Ибо то (обстоятельство), что самые умные люди не гнѣваются, выходя изъ той службы, въ которой боги, будучи самыми лучшими изъ существующихъ попечителей, заботятся о нихъ (т. е. объ умныхъ людяхъ), не имѣетъ смысла. Ибо самъ человѣкъ не надѣется лучше заботиться о себѣ, если онъ дѣлается свободнымъ. Но неразумный человѣкъ, пожалуй, будетъ держаться того взгляда, что онъ долженъ убѣгать отъ своего господина, не думая, что по крайней мѣрѣ не должно избѣгать добраго господина, но должно по возможности ожидать его потому, что неразумно было бы его избѣгать. Но разумный долженъ желать всегда пребывать при томъ, кто лучше, чѣмъ онъ. Конечно такимъ образомъ, Сократъ, справедливо противоположное сказанному. Ибо разумнымъ прилично бы было, чтобы они умирали съ негодованіемъ, а неразумные съ радостію.

Когда Сократъ услышалъ это, то, мнѣ кажется, обрадовался умственному оживленію Кевиса и, взглянувъ на него, сказалъ! „Кевисъ всегда отыскиваетъ нѣкоторыя основанія и не совершенно вдругъ хочетъ довѣрять тому, что ему говорятъ. И Симмій прибавилъ: да точно, Сократъ, Кевисъ, какъ и мнѣ самому думается, сказалъ правду. Ибо съ какою цѣлію истинно мудрые мужи могли бы бѣжать отъ господъ, дѣйствительно лучшихъ, нежели сами, и легко отчуждаться отъ нихъ? Притомъ мнѣ кажется, Кевисъ направляетъ рѣчь противъ тебя, потому что ты такъ легко переносишь разлуку съ нами и съ добрыми правителями, какъ ты самъ признаешь, богами. „Вы говорите справедливо, сказалъ Сократъ, ибо я думаю, что вы утверждаете, что должно мнѣ противъ этихъ обвиненій защищаться, какъ на судѣ“. Такъ конечно, замѣтилъ Симмій.

VIII. Ну, сказалъ Сократъ, я попытаюсь предъ вами защищаться убѣдительно, чѣмъ предъ судьями. Ибо я, Симмій и Кевисъ, былъ бы несправедливъ, не выражая негодования на смерть, какъ скоро не вѣрилъ бы я. во первыхъ, что иду къ другимъ богамъ мудрымъ и добрымъ, а затѣмъ къ умершимъ людямъ лучшимъ, чѣмъ на землѣ здѣсь. Теперь знайте хорошо, что надѣюсь придти къ добрымъ людямъ. Этого впрочемъ совершенно я не могъ бы утверждать, но я надѣюсь, что всетаки я приду ко владыкамъ богамъ весьма хорошимъ и знайте хорошо, что я могу утверждать даже это, если только что либо другое изъ подобнаго рода предметовъ я утверждалъ. Такимъ образомъ вслѣдствіе этого я не негодую въ такой степени,¹⁾ но полонъ доброй надежды, что для умершихъ существуетъ нѣчто, притомъ лучшее, какъ и издавно говорится, для добрыхъ, чѣмъ для злыхъ: „Что же именно, Сократъ, — возразилъ Симмій. Имѣешь ли ты въ намѣреніи самъ съ этою мыслию отойти, или и намъ желаешь передать? Ибо, я думаю, это благо общее намъ и въ тоже время служить тебѣ защитой, если ты убѣдишь насъ въ томъ, что говоришь“. — Конечно, я попытаюсь сказать Сократъ. Но прежде посмотримъ, что этотъ Критонъ хочетъ высказать давно, какъ я думаю. — Что же иное, Сократъ, сказалъ Критонъ, какъ не то, о чемъ мнѣ говоритъ давно тотъ, который долженъ дать тебѣ ядъ, (а именно онъ говоритъ), что нужно тебѣ говорить возможно меньше. Ибо, замѣчаетъ онъ, тѣ, которые разговариваютъ, разгорячаются скорѣе, но къ яду ничего такого не можетъ подходить. Въ противномъ случаѣ, иной разъ дѣлающіе это принуждены бывать выпить два и три раза. — „На это Сократъ сказалъ, пусть онъ говоритъ себѣ, но онъ долженъ однако заниматься своимъ собственнымъ дѣломъ, достигая цѣли два раза, а, если нужно, даже три.“ Да я почти зналъ это, возразилъ Критонъ, впрочемъ это давно

¹⁾ Какъ тогда, если бы былъ безъ этой надежды.

уже доставляетъ мнѣ безпокойство. „Оставь его, замѣтилъ Сократъ.“

Но я вамъ, какъ моимъ судьямъ, желаю дать отчетъ въ томъ, какимъ образомъ мужъ дѣйствительно проведеній жизнь въ занятіи философіей, какъ думается мнѣ, естественно бодрится, находясь на краю смерти, и полонъ благой надежды доставить тамъ себѣ величайшія блага, послѣ того какъ умретъ. Итакъ, Симмій и Кевисъ, я попытаюсь разяснить вамъ, какъ это можетъ быть такъ.¹⁾

IX. Относительно всѣхъ, которые при случаѣ правильно занимаются философіей, кажется, скрыто для остальныхъ, что сами они ничѣмъ инымъ не занимаются, какъ мыслію о смерти и вымираніи. Итакъ, если это истинно, то конечно было бы нелѣпнымъ въ теченіи всей жизни ничего другаго не желать, какъ этого (смерти), а послѣ ея прихода сердиться на то, чего издавно желали, или къ чему стремились. И Симмій, углубившись, сказалъ: „клянусь Зевсомъ, Сократъ, ты заставилъ меня улыбнуться, хотя вовсе не желаю смѣяться. Ибо я думаю, что, толпа, если бы услышала это самое, то повѣрила бы, что это сказано очень хорошо относительно философовъ, и у насъ витающіе люди²⁾ согласились бы, что истинные философы желаютъ смерти и отъ нихъ не скрыто, что они достойны выносить это“. „И они сказали бы правду, Симмій, исключая случая, о которомъ утверждаютъ, что онъ отъ нихъ не скрытъ; на самомъ дѣлѣ отъ нихъ скрыто, какимъ образомъ умираютъ истинные философы и въ какомъ смыслѣ они достойны смерти и какой именно. Но, сказалъ онъ, оставивши ихъ (сказавши имъ „прости“) будемъ бесѣдовать съ самими собою. Думаемъ ли мы, что смерть есть что нибудь?“ „Конечно“, подхвативши, сказалъ Симмій. Итакъ развѣ смерть есть что либо другое,

¹⁾ (Конецъ прологу изъ діалога «Федонъ».)

²⁾ Можно думать, что подъ этими людьми разумѣются земляки Симмія, но общѣ: Фиванцы, Афиняне, Эллыны.

какъ не отдѣленіе души отъ тѣла? И умереть развѣ не въ томъ состоитъ, чтобы тѣло, отдѣлившись отъ души, существовало само по себѣ отдѣльно, и душа отдѣлившись отъ тѣла, существовала сама по себѣ? Развѣ смерть не есть что либо другое, помимо этого?» «Нѣтъ, но это самое, сказалъ онъ». «Такъ разсмотри, мой другъ, если представляется тебѣ тоже, что и мнѣ. Ибо вслѣдствіе этого, какъ я думаю, мы узнаемъ лучше то, о чемъ спрашиваемъ. Не думается ли тебѣ, что обязанность философа домогаться такъ называемыхъ удовольствій такихъ, какъ, напримѣръ, пища и питіе?» «Вовсе нѣтъ, Сократъ, сказалъ Симмій. „Какъ же? — и удовольствій въ чувственной любви не домогаться?“ „Никимъ образомъ“. „Что же? думается ли тебѣ, что такой человекъ считаетъ цѣнными для себя остальные попеченія о тѣлѣ? Напримѣръ кажется ли себѣ (достойнымъ) почитать и презирать владѣніе великолѣпными одеждами и обувью и остальными украшениями тѣла — достойнымъ настолько, насколько не существенна необходимость имѣть это? „Истинный философъ, сказалъ онъ, кажется мнѣ, презираетъ это“. И такъ вообще не представляется ли тебѣ, что занятіе такого человека не относится къ тѣлу, а напротивъ къ тому, чтобы, на сколько возможно, отдѣлиться отъ него и совершенно направиться къ душѣ? „Мнѣ думается“. „Итакъ развѣ, не очевидно, что философъ, насколько возможно, прежде всего душу отдѣляетъ отъ сообществъ тѣломъ болѣе, чѣмъ остальные люди?“ „Мнѣ кажется.“ „И большинству людей, Симмій, вѣроятно кажется жизнь ничего не стоящею для того, кто не находитъ удовольствія въ такого рода предметахъ и не пользуется ими, но что тотъ, кто ничуть не заботится объ удовольствіяхъ, которыя получаютъ чрезъ тѣло, направляется близко къ смерти.“ „Ты совершенно вѣрно говоришь“.

X. Что же сказать относительно самаго приобрѣтенія разсудительности? Тѣло служить ли препятствіемъ, или нѣтъ, если кто нибудь во время изслѣдованія принимаетъ его

сообщникомъ? Напримѣръ, я говорю слѣдующее: развѣ не имѣеть для людей нѣкоторую дѣйствительность зрѣніе, слухъ, или поэты намъ не предлагаютъ постоянно такія ученія, что мы ничего въ точности не слышимъ и не видимъ. Впрочемъ если эти наблюденія чрезъ тѣло не точны и недоступны, то и другія воспріятія затруднительны, ибо они всѣ несовершенны, чѣмъ эти. Или ты не думаешь такъ? совершенно такъ, сказалъ Кевисъ. Итакъ, сказалъ Сократъ, когда душа достигаетъ истины? Вѣдь всякій разъ, когда она пытается изслѣдовать, что либо съ помощію тѣла, то, очевидно, что тогда обманывается имъ». «Ты говоришь правду». И такъ если гдѣ либо, то не при размышленіи ли явно для души нѣчто изъ существующаго?» «Да!» «И она, конечно, разсуждаетъ весьма прекрасно тогда, когда никакое изъ чувственныхъ ощущеній не тревожитъ, ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни какая либо радость, и когда она, сколько возможно, болѣе бываетъ сама въ себѣ, и оставивъ тѣло, какъ оно есть, добивается существующаго, не сообщаясь съ нимъ, на сколько возможно, и не дотрогиваясь». «Это такъ». И такъ, развѣ и здѣсь душа философа болѣе не презираетъ своего тѣла и не удаляется отъ него и не стремится сдѣлаться самой по себѣ». «Это очевидно». «Что же скажемъ о слѣдующемъ, Симмій? Утверждаемъ ли мы, что существуетъ нѣчто справедливое, или нѣтъ? «Утверждаемъ, клянусь Зевесомъ» «И путемъ этого говоримъ о чемъ то прекрасномъ и хорошемъ?» «Почему же нѣтъ?» «И такъ видѣлъ ли ты что либо изъ таковыхъ вещей собственными глазами?» «Вовсе нѣтъ, сказалъ Кевисъ». «Но ты воспріимать это нѣкоторымъ чувственнымъ ощущеніемъ тѣлеснымъ? я говорю о такихъ представленіяхъ, какъ представленіе о величинѣ, здоровьѣ, силѣ, — словомъ: о сущности всего, что каждый предметъ составляетъ въ отдѣльности. Развѣ чрезъ тѣло созерцается самая существенная сторона ихъ, или бываетъ это такъ: что кто болѣе и точнѣе приготовленъ къ тому, чтобы каждый предметъ своего разсужденія

разсматривать въ себѣ, о которомъ разсуждаетъ, тотъ весьма близко можетъ подойти, чтобы узнать каждый предметъ? «Конечно». «Развѣ поступилъ бы на этотъ разъ весьма рачительно тотъ, кто какъ можно скорѣе доходилъ до каждаго предмета самою своею мыслию, не прилагая зрѣнія при размышленіи, и не привлекая для мышленія ни какого другаго чувства, но, пользуясь чистымъ размышленіемъ самимъ по себѣ, пытался самъ по себѣ уловить мыслию болѣе ясное существо вещей, удалившись, насколько возможно, отъ зрѣнія, и слуха и, такъ сказать, отъ всякаго тѣла, такъ какъ оно смущаетъ душу и не позволяетъ ей достигнуть истины и знанія, какъ скоро оно сообщается съ ней? И такъ если кто либо, мой Симмій, то развѣ не этотъ уловляетъ истину? Въ высшей степени справедливо, Сократъ ты говоришь, замѣтилъ Симмій.

XI. И такъ, необходимо, продолжалъ Сократъ, на основаніи всего этого возникло у истинныхъ философовъ слѣдующее убѣжденіе, чтобы говорить другъ другу приблизительно такъ: кажется, какъ будто какая то дорожка среди этого изслѣдованія при помощи разсудка приводитъ къ тому, что мы, пока имѣемъ тѣло и душа наша соединена съ таковымъ зломъ, — никогда удовлетворительнымъ образомъ не достигнемъ предмета нашего (умственного) исканія, насколько мы отмѣчаемъ этотъ предметъ какъ истину. Тѣло вѣдь по причинѣ необходимаго питанія причиняетъ намъ десять тысячъ препятствій. Ктому же, если находятъ на насъ какія либо болѣзни, то занятія мѣшаютъ намъ въ нашемъ стремленіи къ истинѣ; и оно (тѣло) наполняетъ насъ желаніями, страстями, заботами, многоразличными обманами и суетными глупостями, такъ что, какъ обыкновенно говорятъ, дѣйствительно никакая разумная мысль отъ него въ насъ не входитъ. Да, войны, мятежи и битвы вызываются ни чрезъ что либо другое, какъ чрезъ тѣло и его похоти. Ибо для пріобрѣтенія денегъ возникаютъ всѣ войны, а пріобрѣтатъ деньги мы принуждаемся чрезъ тѣло будучи рабами таковой

заботы. И на основаніи этого мы не имѣемъ времени для философіи по причинѣ всѣхъ этихъ вещей. Но самое худшее изъ всего то, что если даже и бываетъ нѣкоторый покой отъ него, и мы обращаемся къ изслѣдованію чего либо, то оно снова всюду въ изысканіяхъ вноситъ случайный шумъ, безпокойство и оглушаетъ насъ, такъ что изъ-за него не возможно усмотрѣть истины, но въ дѣйствительности намъ показывается, что, если мы намѣреваемся узнать что либо въ чистомъ видѣ, то нужно отрѣшиться отъ него (т. е., отъ чувственныхъ влеченій) и одною своею душою созерцать самые предметы. И тогда, какъ кажется, въ нашей власти будетъ разумнѣе, къ которому мы стремимся и приверженцами котораго мы себя называемъ, именно когда мы умремъ, а не при жизни, какъ говоритъ таинственное ученіе. Ибо если при чувственномъ тѣлѣ ничего не возможно знать въ чистомъ видѣ, то должно быть одно изъ двухъ: или мы никогда не можемъ пріобрѣсти знанія, или только когда умремъ. Ибо тогда душа, отдѣлившись отъ тѣла, будетъ сама по себѣ, но не ранѣе. И въ продолженіи того времени, пока живемъ, мы будемъ, какъ кажется, весьма близко подходить къ предметамъ знанія, если, насколько возможно, ничуть не сообщаемся съ тѣломъ и не обращаемся къ нему, пока нѣтъ полной необходимости, и не преисполняемся природою его, но очищаемся отъ него, пока Богъ не освободитъ насъ отъ него. И такимъ образомъ чистые, освободившись отъ безразсудства тѣла, какъ естественно, будемъ съ такого рода предметами и узнаемъ чрезъ насъ самихъ все ясно. Это навѣрно есть истина. Вѣдь нечистому не позволено дотрогиваться къ чистому. Ибо я думаю, Симмій, необходимо, чтобы всѣ истинно любознательные люди говорили другъ другу и разсуждали объ этомъ. Или тебѣ такъ не думается? «Болѣе всего думается такъ, Сократъ.

XII. „Итакъ, сказалъ Сократъ, если это правда, товарищъ, то для всякаго, кто достигнетъ того мѣста, куда и я путешествую, свѣтитъ великая надежда пріобрѣсть тамъ, а негдѣ либо,

то, ради чего предпринималась многая заботливость въ текущей жизни, такъ что отшествіе, предопредѣленное теперь для меня, будетъ съ великою надеждою, такъ же какъ и для другаго человѣка, который вѣритъ, что онъ приобрѣлъ для себя настроеніе, какъ бы свѣтлое“: „Совершенно такъ“ отвѣтилъ Симмій. „Очищеніе, какъ уже давно въ нашемъ изслѣдованіи говорится, не состоитъ ли въ томъ, чтобы отдѣлать, насколько возможно, душу отъ тѣла и приучать ее собираться и сосредоточиваться отовсюду въ себѣ самой внѣ тѣла и жить по возможности столько же въ теперешнее время, сколько и въ будущее, однако, освобожденною отъ тѣла, какъ отъ оковъ“? „Совершенно такъ“, отвѣчалъ онъ. „Итакъ, развѣ не называется смертію освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла?“ „Совершенно такъ“, сказалъ онъ „И одни только истинные философы всегда болѣе желаютъ освободить ее, какъ мы говорили, и это ли дѣйствительно составляетъ предметъ заботы философовъ — освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла, или нѣтъ?“ „Это, кажется“ „Итакъ, развѣ не было бы смѣшнымъ тѣ, что я говорилъ въ началѣ, какъ мужъ, przygotowываетъ себя въ теченіе жизни такъ чтобы быть какъ можно ближе къ смертному состоянію и такимъ образомъ жить, затѣмъ, когда это состояніе наступитъ, негодуешь“? „Не смѣшно ли было негодовать?“ „Какъ же нѣтъ“? „Итакъ, дѣйствительно, Симмій, сказалъ онъ, истинные философы стараются умирать, и для нихъ смерть страшна гораздо менѣе, чѣмъ для остальныхъ людей. Разсматривай же это съ слѣдующей точки зрѣнія. Вѣдь если они всячески образомъ находятся въ разладѣ съ тѣломъ и желаютъ душу имѣть самою въ себѣ и, если боятся и негодуютъ, когда это случилось, то не будетъ ли противорѣчіемъ, если они пойдутъ туда безъ охоты, гдѣ, по прибытіи, свѣтитъ имъ надежда достигнуть того, чего желали въ жизни, — а желали они разума — и быть свободными отъ связи съ тѣломъ, котораго они чуждались? Или развѣ многіе, послѣ смерти человѣческихъ любимцевъ, женщинъ и сыновей, не

пожелали бы добровольно идти въ Аидъ, движимые этою надеждою увидѣть тамъ тѣхъ, къ которымъ стремились, и соединиться съ ними; а иной дѣйствительно, желая премудрости и сильно проникнувшись этою надеждою, что онъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ именно подземномъ, не достигнетъ разума достойнымъ памяти образомъ, развѣ будетъ гнѣваться умирая, и пойдетъ туда недовольнымъ? — Нужно думать такъ, товарищъ, если онъ дѣйствительно философъ, ибо ему сильно думается тѣ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не достигнетъ разума въ чистомъ видѣ, какъ именно тамъ. Если же это такъ, то развѣ не большая бессмыслица, — о чемъ я говорилъ недавно, что такой мужъ побоялся бы смерти? „Да, конечно, большая“, сказалъ онъ.

XIII. Итакъ развѣ это не недостаточное, сказалъ онъ, доказательство того, что мужъ, котораго ты увидѣлъ бы съ негодованіемъ намѣревающимся умереть, не былъ философомъ, но нѣкимъ человѣкомъ любящимъ свое тѣло. А этотъ самый человѣкъ какъ разъ любящій деньги и стремящійся къ почестямъ конечно любить одно изъ этихъ двухъ предметовъ, или то и другое“ „Это конечно такъ, какъ ты говоришь“. „Такъ развѣ, Симмій, сказалъ Сократъ, и тѣ, что извѣстно подъ именемъ храбрости, не приличествуетъ ли болѣе всего лицамъ такъ настроеннымъ (т. е. любящимъ премудрость?)“ „Конечно такъ“, замѣтилъ онъ. Такимъ образомъ, благоразуміе, которое даже толпою называется добродѣтельно, состоящее именно въ томъ, чтобы не увлекаться страстями, а вести себя трезво и нравственно, не прилично ли тѣмъ однимъ, которые весьма мало заботятся о тѣлѣ и живутъ философией“. — „Необходимо такъ, сказалъ Симмій. — „Вѣдь если ты желаешь, сказалъ Сократъ, обсуждать мужество и скромность остальныхъ людей, то они тебѣ покажутся неумѣстными. „Почему же, Сократъ“? „Ты знаешь, сказалъ онъ, что всѣ остальные (раз. кромѣ философовъ) считаютъ смерть за великое бѣдствіе. „И вѣрно“, отвѣтилъ онъ. „Итакъ, храбрые между ними не изъ страха

ли предъ большими бѣдствіями переносить смерть, когда ей подвергаются? „Это такъ“ — „Значить, всё храбры изъ страха и боязни, кромѣ философовъ, хотя и бессмысленно, чтобы кто либо былъ храбрымъ изъ страха или радости“. „Конечно такъ“. „А что же умѣренные между ними? развѣ не испытываютъ они того же самаго? Не разсудительны ли они вслѣдствіе нѣкотораго воздержанія? Мы хотя и говоримъ, что это невозможно, однакожъ имъ свойственно при этомъ и такое состояніе, какое бываетъ при простодушной разсудительности, ибо изъ страха лишиться однихъ удовольствій и при желаніи ихъ они воздерживаются отъ однихъ удовольствій, будучи покорены другими: хотя они называютъ неумѣренностію *) быть покоренными удовольствіями, но всетаки съ ними бываетъ, что они покоренные одними удовольствіями одерживаютъ верхъ надъ другими. Это похоже на то, что теперь только было сказано, что они дѣлаются умѣренными нѣкоторымъ образомъ по причинѣ воздержанія“. „Такъ, кажется, вѣрно“. „Но мой добрый Симмій, это не было бы прямымъ путемъ къ полученію добродѣтели — стараться мѣнять, какъ монету, удовольствіе на удовольствіе, печаль на печаль, страхъ на страхъ, но тѣ разумное сознаніе можетъ быть одною правильною монетою, на которую все это должно перемѣнять, и только тѣ, что для этой и вмѣстѣ съ нею чрезъ покупку или продажу приобретается, — все это дѣйствительно можетъ имѣть истинную цѣну, какъ то: мужество, скромность, справедливость и вообще истинная добродѣтель можетъ находиться въ союзѣ съ предусмотрительностію, когда удовольствіе, страхъ и все другое подобнаго рода приходитъ или уходитъ вмѣстѣ съ нею. Но что чуждо этой предусмотрительности и мѣняется одно на другое, тѣ такая добродѣтель не будетъ ли обманчивымъ призракомъ и истинно рабскою, не содержащую ничего здраваго и истиннаго; напротивъ того истина

*) Въ этомъ пунктѣ въ переводѣ Карповымъ „Федона“ пропускъ.

можетъ быть въ дѣйствительности нѣкоторою чистотою отъ всего подобнаго, также скромность, справедливость, мужество и самая предусмотрительность не есть ли нѣкоторое очищеніе. ¹⁾ Кажется, что и эти люди, учредившіе у насъ таинства, не глупы, а уже давно намекали, что тотъ, кто нисходитъ въ подземное царство неосвященнымъ и неочищеннымъ, будетъ лежать въ грязи, а кто достигаетъ того мѣста очищеннымъ и освященнымъ, то будетъ жить вмѣстѣ съ богами. Ибо, какъ говорятъ посвященные въ таинства, носителей жезловъ ²⁾ много, но посвященныхъ ³⁾ мало. Они (т. е., посвященные), по моему убѣжденію, не другіе кто, какъ правильно философствующія лица. Я по возможности ничего изъ этого не опускалъ въ жизни, но всячески старался присоединиться къ нимъ. Правильно ли я стремился къ этому и достигли ли чего либо мы, прийдя туда немного послѣ, какъ мнѣ кажется, узнаемъ ясно, если Богъ захочетъ.

Это, мой Симмій и Кевисъ, сказалъ онъ, я высказываю въ свою защиту, чтобы показать, что я по справедливости не удручаюсь при разлукѣ съ вами и со здѣшними господами и не выражаю негодованія, такъ какъ и тамъ, не мнѣ, какъ и здѣсь, надѣюсь встрѣтить добрыхъ господъ и друзей. Это конечно для большинства представляется невѣроятнымъ. Итакъ если какимъ либо образомъ я для васъ убѣдительно въ защитѣ, чѣмъ для господъ-судей Аѳинскихъ, то это хорошо.

XIV. Послѣ этихъ словъ Сократа Кевисъ подхватилъ рѣчь и сказалъ: „одно мнѣ кажется хорошо сказано, а твоя мысль о душѣ поселяетъ сильное недовѣріе въ людяхъ, боящихся, что, послѣ того какъ душа отдѣлится отъ тѣла, ея уже нигдѣ не будетъ, но что въ тотъ же день уничто-

¹⁾ Какъ это было въ низшихъ изъ пяти степеней орфическихъ посвященій.

²⁾ Жезловъ съ зажженными факелами въ честь Діониса

³⁾ Посвящ енны-вахи, служители Діониса, олицетворявшаго зрѣлую пору собиранія виноградныхъ гроздовъ.

жится и погибнетъ, въ который именно человекъ умретъ, если она не тотчасъ по выходѣ и отдѣленіи изъ тѣла, какъ вѣтеръ или дымъ, выдѣляется и исчезаетъ именно въ тотъ день, въ который человекъ умираетъ и нигдѣ уже не находится. Такъ какъ, всякій разъ когда она сосредоточивается гдѣнибудь сама въ себѣ и отдѣляется отъ этихъ золь, которыя ты теперь изложилъ, открывается для нея великая и прекрасная надежда, Сократъ, что тѣ, о чемъ ты говоришь, правда. Но конечно нуждается не въ магомъ доказательствѣ и вѣрѣ то, что душа по смерти человека существуетъ и имѣетъ нѣкоторую силу и разуміе. — „Правду ты говоришь, сказалъ Сократъ.“ — „Но что дѣйствительно мы тамъ будемъ дѣлать?“ „Развѣ ты желаешь, чтобы мы рассуждали объ этихъ вопросахъ, правдоподобны ли они или нѣтъ?“ „Я съ своей стороны, любезный Сократъ, съ удовольствіемъ послушалъ бы, что за взглядъ ты имѣешь на этотъ предметъ?“ „Итакъ, сказалъ Сократъ, я думаю, что никто этого не скажетъ, буде онъ и слышитъ это отъ меня, будетъ ли онъ сочинителемъ комедій, — не скажетъ, что я болтаю и не предлагаю разсужденія о предметѣ, касающемся меня.“

XV. „Начнемъ же мы именно съ вопроса, существуютъ ли души усопшихъ людей дѣйствительно въ аду, или нѣтъ? Есть вѣдь нѣкоторое древнее преданіе, которое мы помнимъ, что онѣ существуютъ тамъ, пришедши отсюда, и опять приходятъ отсюда, и возраждаются изъ среды умершихъ. И если это такъ, что живущіе опять выходятъ изъ среды умершихъ, то не правда ли, что души наши находятся тамъ? Вѣдь если бы онѣ не находились тамъ, то вотъ достаточное доказательство, что это такъ: если будетъ дѣйствительно очевиднымъ, что живущіе возникаютъ опять изъ умершихъ, то не правда ли (ἀλλο τι ἢ), что наши души должны быть тамъ? Если же не такъ, то это имѣетъ нужду въ другомъ доказательствѣ.“ „Конечно“, сказалъ Кевисъ, „Итакъ разсматривай это, сказалъ Сократъ, не только въ отношеніи

въ людимъ, если хочешь легче понять вопросъ, но также въ отношеніи ко всемъ живымъ существамъ и растеніямъ и вообще ко всему, что имѣетъ происхожденіе. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ, все ли рождается такимъ образомъ, или иначе, какъ противоположное изъ противоположнаго въ предметахъ, въ которыхъ какъ разъ подмѣчается нѣчто такое; на примѣръ, прекрасное противоположно дурному; справедливость — несправедливости, и такъ бываетъ съ 10,000 другихъ состояній. Итакъ разсмотримъ это, необходимо ли, чтобы въ тѣхъ предметахъ, которые имѣютъ какую противоположность, была нужда, чтобы это возникало не изъ чего либо другаго, какъ изъ противоположнаго ему. На примѣръ, если что либо рождается большимъ, не необходимо ли, чтобы оно въ послѣдствіи рождалось большимъ изъ меньшаго, которымъ было прежде? — „Да“ сказалъ Кевисъ. — „Итакъ, если бы что родилось малымъ, то развѣ нѣтъ необходимости, чтобы оно въ послѣдствіи стало меньшимъ изъ прежняго большаго?“ „Это такъ, сказалъ Кевисъ. „И конечно вѣдь изъ сильнаго рождается слабое, и изъ медленнаго быстрое.“ Совершенно такъ, отвѣтилъ Кевисъ. „Но какъ, если что-либо сдѣлалось хуже, то не изъ лучшаго ли, и что либо стало справедливымъ, то не изъ несправедливаго ли?“ „Какъ же иначе?“ „Итакъ, сказалъ Сократъ, мы знаемъ въ достаточной степени то, что всѣ предметы такъ возникаютъ — противоположныя изъ противоположныхъ. — „Конечно.“ „Что же дальше, сказалъ Сократъ, развѣ нѣтъ въ нихъ состоянія такого же рода, какъ между двумя противоположностями, которыхъ двѣ, — двойное возникновеніе изъ одного въ другое, и изъ послѣдняго опять въ первое? Не бываетъ ли между большимъ и меньшимъ предметомъ взаимное увеличеніе и уменьшеніе, и мы не выражаемся ли такъ: одинъ предметъ растетъ, а другой умалется?“ „Да“, сказалъ Кевисъ, „Итакъ, сказалъ Сократъ, развѣ и отдѣляться и смѣшиваться, охлаждаться, согрѣваться и всѣ состоянія такого рода, даже если бы не употребляли иногда

названій для означенія ихъ, вездѣ на дѣлѣ не необходимо ли находятся въ такомъ отношеніи, чтобы они взаимно возникали и имѣли мѣсто взаимный переходъ двухъ частей ихъ другъ въ друга? — „Совершенно такъ, отвѣтилъ Кевись.

XVI. „Итакъ, какъ же, теперь продолжалъ Сократъ, есть ли что либо противоположное жизни, какъ бодрствованію противоположенъ сонъ. — „Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Кевись — „Что же?“ — „Состояніе сна отвѣчалъ онъ (Сократъ). „Слѣдовательно, эти состоянія, если они именно противоположны, возникаютъ взаимно, и между ними обоими есть взаимный переходъ“ — „Какъ же иначе?“ „Теперь я тебѣ хочу назвать эту двоицу¹⁾, о которой я теперь говорилъ, самую ее и ея переходы; а ты мнѣ назови другую. Говорю же я о снѣ и бодрствованіи и о томъ, что изъ сна возникаетъ бодрствованіе и изъ бодрствованія сонъ и переходъ ихъ засыпаніе и пробужденіе. — Достаточно я тебѣ сказалъ, или нѣтъ?“ — „Безъ сомнѣнія.“ — Скажи мнѣ и ты, сказалъ Сократъ, точно также о жизни и смерти. Не утверждалъ ли ты, что смерть противоположна жизни? „Да.“ — „Не думаешь ли ты, что они возникаютъ другъ изъ друга?“ — „Да.“ — „Въ силу этого что же есть тѣ, что возникаетъ изъ живущаго? — „Смертное“, отвѣтилъ Кевись. „Но что, спросилъ Сократъ, возникаетъ изъ умершаго?“ — „Необходимо согласиться, отвѣтилъ Кевись, что живущее. — „Изъ мертвыхъ, любезный Кевись, бываетъ ли живущее и появляются ли живыя существа?“ „Очевидно—сказалъ Кевись. „Такъ слѣдовательно, замѣтилъ Сократъ, души наши находятся въ подземномъ царствѣ²⁾.“ — „Правдоподобно.“ — „Итакъ,

¹⁾ Подъ словомъ „двоица“ разумѣется соединеніе двухъ не однородныхъ понятій, какова жизнь и смерть, сонъ и бодрствованіе, подобно какъ въ мифологіи золотое соединеніе музъ и харитъ.

²⁾ Въ царствѣ тѣней, иначе въ странѣ мрака и тутана; подобное представленіе Платона о душѣ находится въ связи съ ученіемъ его о душѣ какъ существѣ безсмертномъ не столько въ смыслѣ личнаго ея существованія, сколько въ смыслѣ необходимой связи ея съ разумною и неумирающею душею міра.

понятенъ ли для тебя одинъ изъ переходовъ, принадлежащихъ этой двоицѣ? Напримѣръ, умираніе ясно ли для тебя, или нѣтъ?“ — „Конечно“, сказалъ Кевись, — „Итакъ какъ, сказалъ Сократъ, мы теперь поступимъ? Не допустимъ ли противоположнаго перехода, или же съ этой стороны природа будетъ хромать, или же мы должны допустить противоположное смерти возникновеніе? — „Во всякомъ случаѣ“, отвѣтилъ Кевись. — „Какое же именно?“ „Оживаніе“. Слѣдовательно, Сократъ, если есть оживаніе, то не есть ли это т. е. оживаніе, переходъ изъ круга лицъ умершихъ въ кругъ живущихъ? „Такъ конечно, пояснилъ Кевись.“ „Итакъ, мы соглашаемся въ томъ, что живущіе появляются изъ умершихъ, ничуть не менѣе, какъ умершіе изъ живущихъ. Если это такъ, то я думаю, что достаточное доказательство у насъ есть на тѣ, что души умершихъ необходимо находятся тамъ, откуда они снова появляются.“ — „Я думаю, сказалъ Кевись, на основаніи того, въ чемъ я съ тобою, Сократъ, согласился, необходимо, чтобы это было такъ.

XVII „Посмотри такимъ образомъ, сказалъ Сократъ, на то, Кевись, въ чемъ мы, какъ мнѣ кажется, не несправедливо согласились. Ибо если бы не всегда одни понятія, при своемъ возникновеніи, вращаясь какъ бы въ кругѣ, соотвѣтствовали другимъ, но былъ бы нѣкоторый прямой переходъ изъ одного только понятія въ противоположное ему, и если бы одно понятіе снова не обращалось бы въ другое и не дѣлало бы поворота¹⁾, то знаешь ли ты, что все, наконецъ, приняло бы одинъ и тотъ же видъ и испытывало бы одно и тоже состояніе и перестало бы существовать. „Какъ ты это говоришь?“ спросилъ Кевись „Не трудно, возразилъ Сократъ, понять тѣ что я говорю (не составляетъ трудности для тѣхъ которые объ этомъ подумали бы ἐννοή-

¹⁾ Образъ выраженія взятъ здѣсь отъ состязаній (въ бѣдѣ на бѣгѣ) на ипподромѣ, гдѣ состязатель долженъ былъ добѣжать до столба (καμπτήρ) обогнуть его (ἀνακάμπτεται) и вѣхать (или бѣжать) назадъ (καμπτήρ πορεύεται)

сбаву). Вотъ, напр., если бы наступилъ сонъ и ему не со-
отвѣтствовало бы никакое бодрствование, возникающее
изъ сна, то поймешь ли ты, что въ концѣ предста-
вило бы сказаніе объ Ендиміонѣ¹⁾ простой болтовней и
онъ считался бы за ничто по той причинѣ, что и все ос-
татъное испытало бы тоже самое, что и онъ, именно за-
снуло бы. И если бы все смѣшалось и нераздѣлялось, то
скоро осуществилось бы слово Анаксегора „всѣ вещи вмѣ-
ствъ“. Также, любезный Кевисъ, если бы умерло все, что
имѣетъ участіе въ жизни, а послѣ того какъ умерло, оста-
валось бы въ этомъ состояніи, какъ умершее, и не воскре-
сало бы снова, то развѣ не было бы полной необходимости,
чтобы все наконецъ было бы въ состояніи смерти и ни-
чуть не жило бы? Ибо если бы живущее возникало изъ
другаго, а живыя существа умирали бы, то какая была бы
возможность, къ тому, чтобы все наконецъ утратились бы
достоинствѣ смерти? Нѣтъ, мнѣ кажется, Сократъ, къ этому
возможности, но я думаю, что все ты говоришь правду.
„Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Сократъ, Кевисъ это болѣе всего
такъ, какъ мнѣ кажется, и мы соглашаемся съ этимъ самымъ,
не обманываясь; но на самомъ дѣлѣ есть и воскресеніе и
рожденіе живыхъ изъ мертвыхъ и души мертвыхъ суще-
ствуютъ, и для добрыхъ предстоить участь лучшая, а для
злыхъ худшая.

2. XVIII. *) И дѣйствительно, сказалъ Кевисъ подхвативши, и

¹⁾ Потому что тогда не одинъ Ендиміонъ на долгій промежутокъ вре-
мени преданъ былъ бы сну (на горѣ Каріи Латмо, сброшенный луною
Сис. Тисс. 1, 38, но и всѣ люди и животныя повергнуты бы вѣчному
сну. Ендиміонъ, по сказанію греческой мифологіи, взятъ былъ верхов-
нымъ богомъ, — Зевсомъ на небо; но потомъ за связь съ Діаной (луною)
сброшенъ оттуда на землю и погруженъ въ вѣчный сонъ.

²⁾ Съ XVIII—XXII раскрывается новое, тѣсно связанное съ предыду-
щимъ, доказательство истинны безсмертія души, основанное на ученіи о
предсуществованіи душъ до рожденія. Въ нашей душѣ есть идеи разума
и они стоятъ въ связи съ нашими познаніями, которыя суть ничто иное,
какъ воспоминаніе того, что душа знала раньше, до соединенія съ тѣ-
ломъ. Отсюда, по взгляду Платона, душа существовала до вселенія ея
въ тѣло, совершенно независимо отъ него.

по этому утвержденію которое ты, любезный Сократъ, такъ
часто имѣешь обыкновеніе высказывать, именно что наше
ученіе есть ничто иное какъ припоминаніе, и по этому
утвержденію необходимо мы въ предшествующее время изу-
чали то, что теперь припоминаемъ. Но это было бы не-
возможнымъ, еслибы наша душа не находилась гдѣ либо,
прежде чѣмъ вступила въ эту земную форму существованія;
такъ что душа и съ этой стороны является какъ нечто безъ
смертного. Но, Кевисъ, сказалъ Симмій подхвативши, какия
доказательства въ пользу этого? Припомни мнѣ о нихъ,
ибо я въ настоящее время не достаточно припоминаю. Я
подтвержу, отвѣчалъ Кевисъ, очень прекраснымъ доводомъ,
что люди при вопросахъ, когда ихъ правильно спрашиваютъ,
объясняютъ само собою свойство каждой вещи, а этого
они не могли бы дѣлать, если бы имъ не пресуще было
знаніе и правильное разсужденіе. Затѣмъ, если кто нибудь
приведетъ человѣка къ геометрическимъ чертежамъ, или къ
чему либо подобному, то въ то время весьма ясно докажетъ,
что дѣло находится въ такомъ положеніи. А если ты, Симмій,
не убѣждаешься этимъ, то, Сократъ, посмотри, не соглас-
сишься ли ты съ нами, разсматривая приблизительно такъ.
Ибо ты сомнѣваешься, какъ такъ называемое ученіе бы-
ваетъ воспоминаніемъ? Я не сомнѣваюсь, завѣрилъ Симмій,
однако я желаю изучить то, о чемъ у насъ рѣчь, именно
опять снова припомнить объ томъ, и почти я припоминаю
себѣ и о томъ, что пытался предложить Кевисъ, и убѣж-
даюсь. Впрочемъ я тѣмъ не менѣе послушалъ бы теперь,
какъ ты пытался это доказать. „Слѣдующимъ образомъ“ ска-
залъ Сократъ. Мы согласились конечно въ томъ, что если
кто что припомнить, тому самому должно уже напередъ
знать это. „Конечно“, сказалъ Симмій. „Допускаемъ ли тѣ,
что всякій разъ какъ возникаетъ знаніе подобнымъ путемъ,
оно есть припоминаніе? Я говорю нѣкоторымъ образомъ
такъ: если кто либо или видитъ, или слышитъ, или воспри-
нимаетъ какое нибудь другое чувство и тогда не только это

знаеть, но и понимает другое, познание чего не тоже самое, а другое, то развѣ мы не говоримъ со всею справедливостію, что онъ вспоминаеть о томъ, о чемъ получилъ воспріятіе“? „Какъ ты говоришь это“? Сократъ. „Напримѣръ, такъ: знаніе о человѣкѣ есть вѣдь другое, чѣмъ знаніе о мѣрѣ“? „Какъ же иначе“? „Не знаешь ли ты такимъ образомъ, что у любящихъ существъ, если они смотрятъ на лиру, одежду или что нибудь подобное изъ такихъ предметовъ, чѣмъ обыкновенно пользуется любящій мужъ, приблизительно бываетъ такъ: не узнають ли они лиру и получаютъ въ тоже время въ своемъ умѣ представленіе любящаго существа, которому принадлежала лира? и это есть припоминаніе. Подобнымъ образомъ иной увидя Симмія часто вспоминаеть о Кевисѣ и иное подобное бываетъ въ тысячѣ случаяхъ“. „Да, конечно, въ тысячѣ другихъ случаяхъ, сказалъ Симмія. „Итакъ, это сказалъ онъ, не есть ли родъ воспоминанія. въ особенности въ томъ случаѣ, когда кто нибудь испытываетъ это ощущеніе по отношенію къ такимъ предметамъ, которые уже забылъ по длительности времени и по ненаблюдательности“? „Конечно“, отвѣтилъ Симмія. „Но какъ возможно ли при взглядѣ на нарисованную лошадь и на нарисованную лиру вспомнить о человѣкѣ ¹⁾ и при взглядѣ на нарисованнаго Симмія вспомнить о Кевисѣ? „Конечно“. „Такимъ образомъ возможно человѣку при взглядѣ на нарисованнаго Симмія вспомнить о самомъ Симміѣ? „Возможно конечно и это“.

XIX. Итакъ соотвѣтственно по всему этому не выходитъ ли, что воспоминаніе бываетъ частію на основаніи подобныхъ впечатлѣній, частію и неподобныхъ! „Выходитъ“, „Но когда кто либо при подобныхъ предметахъ вспоминаеть о чемъ либо, то развѣ не неминуемо при этомъ втѣсняется у него дальнѣйшее представленіе, чего не достаетъ или не достаетъ позади сходства тому предмету, который воспоминаеться?

¹⁾ Который ихъ рисоваль.

Необходимо такъ, сказалъ Симмія.—Разсмотри дѣйствительно, сказалъ онъ, существуетъ ли это и такъ? Мы вѣроятно говоримъ о чемъ либо равномъ,— не говорю о кускѣ дерева, равномъ другому куску, и о камнѣ, равномъ камню, и не о чемъ либо другомъ такого же рода, но помимо всего этого объ иномъ, — о самомъ равенствѣ; говоримъ мы, что есть что либо равное, или нѣтъ ничего?—Говоримъ конечно, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симмія, и чудо какъ охотно.—Развѣ мы знаемъ само тѣ, что это есть?—Конечно, сказалъ онъ.—И чрезъ что (πότεν) мы получаемъ знаніе объ этомъ? Не правда ли что чрезъ тѣ, о чемъ мы только что говорили; видя дрова, или камни или иное что либо равными, на основаніи этого мы приходимъ къ мысли о томъ (сходствѣ), хотя оно и иное, чѣмъ тѣ предметы (наблюденія)? или тебѣ не представляется это инымъ? Разсматривай также слѣдующимъ образомъ. Не кажутся ли тебѣ камни сходные и полѣнья, то равными, то неравными, между тѣмъ какъ они одни и тѣже?—Конечно.—Какъ далѣе? И само въ себѣ равное ¹⁾ не представляется ли тебѣ иногда (ἔστιν ὅτε) не равнымъ? Или равенство—какъ неравенство?—Никогда, Сократъ.—Такъ, слѣдовательно, эти равные предметы, сказалъ онъ, и равенство само въ себѣ не одно и тоже?—Никоимъ образомъ они мнѣ такъ не представляются, мой Сократъ.—И однако изъ этихъ равныхъ предметовъ, хотя они и различны отъ того равенства, ты всетаки воспринялъ въ своемъ духѣ, прибавилъ онъ, познаніе о послѣднемъ (равенствѣ) и понялъ его? — Очень вѣрно ты говоришь, отвѣтилъ тотъ

¹⁾ Платонъ, какъ замѣчаетъ Бауръ въ своемъ изслѣдованіи: „Христіанскія начала Платонизма или Сократа и Христа“, выходитъ въ этомъ пунктѣ діалога Федонъ изъ противоположенія понятія о Вѣчномъ не возникающемъ, и о всегда бывающемъ и ни разу не осуществляющемся. Первое постигается мыслию, схватывается въ понятіи, какъ всегда себѣ самому остающееся равнымъ, второе чрезъ представленіе и чувственное наблюденіе какъ бывающее и преходящее, но никогда дѣйствительно не сущее.

(Симмій).—Слѣдовательно ты получилъ познаніе и о томъ, что въ этихъ предметахъ (наблюдения) есть равнаго или неравнаго ¹⁾?—Конечно.—Но это совершенно безразлично.—Ибо всякій разъ пока ты, наблюдая предметъ, при этомъ взглядѣ на него думалъ и о другомъ, равенствѣ или неравенствѣ, необходимо само это было воспоминаніемъ.—Конечно.—Какъ же это?—сказалъ онъ. Не испытываемъ ли мы что нибудь таковое относительно равнаго въ полѣньяхъ и въ томъ, о чемъ мы теперь говорили при равныхъ предметахъ? Развѣ представляются они намъ въ такой степени равными, какъ и тѣ, что есть равное само по себѣ? Или оному (т. е. предметамъ) чего либо недостаетъ, чтобы быть такимъ, какъ равенство, или же въ немъ нѣтъ никакого недостатка?—Не достаетъ имъ и именно многоаго.—Итакъ мы не соглашаемся ли въ этомъ: когда кто нибудь при видѣ чего либо замѣтитъ, что тѣ, что я теперь вижу, желаютъ быть такимъ же, какъ и другой какой нибудь изъ существующихъ предметовъ, но оно является недостаточнымъ и не можетъ быть таковымъ, какъ тѣ, а хуже, то необходимо вѣдь, чтобы тотъ, кто замѣчаетъ это, по какому цибудь случаю предвидѣлъ и тѣ, чему по его словамъ оно равно, но оказывается ниже?—Необходимо.—Что же дальше? Испытываемъ ли мы такое впечатлѣніе или нѣтъ относительно равныхъ предметовъ и самаго равенства?—Конечно.—Итакъ необходимо, чтобы мы знали напередъ равное до того времени, когда, увидѣвъ въ первый разъ равные предметы, замѣтили, что всѣ они стремятся быть такими, какъ равное, но оказываются хуже него.—Это такъ.—Да; мы соглашаемся очевидно и въ томъ, что мы не чрезъ что либо другое, какъ чрезъ зрѣніе или осязаніе или чрезъ какое либо другое чувство дошли до этой мысли и могли дойти—разумѣю всѣ ихъ тождественными.—Въ отношеніи къ тому, что желаетъ объяснить эта рѣчь, они тождественны, Сократъ.—

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ въ переводѣ проф. Карнова ошибка.

Но именно изъ чувственныхъ наблюдений мы должны понять мысль, что всѣ предметы этихъ наблюдений стремятся къ равному самому въ себѣ, и въ то же время несовершеннѣе, чѣмъ это (равное то), или какъ мы иначе выразимся?—Такъ именно—Слѣдовательно, прежде чѣмъ мы начали видѣть, слышать и все другое ощущать, намъ должно въ известномъ случаѣ воспринять познаніе самаго въ себѣ равнаго, что оно есть, если мы готовы равные предметы нашихъ чувственныхъ наблюдений свести на то, чтобы всѣ эти предметы стремились быть такими, какъ и оно, но суть несовершеннѣе его (равенства).—Это необходимо слѣдуетъ, мой Сократъ, изъ предыдущаго.—Итакъ мы тотчасъ по рожденіи не видѣли ли и не слышали ли и не имѣли ли остальныхъ чувствъ?—Конечно.—Но мы должны были, говоримъ, прежде этихъ (чувствъ) получить познаніе равенства?—Да!—Слѣд., прежде нашего рожденія мы необходимо получили его, какъ оказывается.—Такъ кажется.

XX. Если мы такимъ образомъ прежде нашего рожденія получили это познаніе (равенства) и родились съ нимъ, то мы не знали ли также, прежде чѣмъ родились и тотчасъ послѣ рожденія, не только равное, большее и меньшее, но и все таковое вмѣстѣ? Ибо наша рѣчь идетъ у насъ въ настоящее время не столько о равномъ, сколько о прекрасномъ самомъ въ себѣ, добромъ самомъ въ себѣ, справедливомъ, святомъ и, какъ я говорю, обо всемъ, что мы обозначаемъ именемъ *быванія* ¹⁾, столько же въ вопросахъ, которіе мы дѣлаемъ, сколько и въ отвѣтахъ, которые мы даемъ. Такъ мы, слѣдов., необходимо должны были прежде нашего рожденія получить познаніе о всѣхъ этихъ идеяхъ.—Это такъ.—И если бы мы, получивъ знаніе, каждый разъ не забывали, то не должны ли мы необходимо быть всегда знающими и знаніе имѣть въ теченіе жизни, ибо это есть знаніе въ томъ случаѣ, когда приобрѣтенное знакомство о

¹⁾ Именно объ истинно вѣчномъ бываніи, слѣдоват., объ идеяхъ.

чемъ либо мы получили и не растеряли; или мы, мой Симмій, не называемъ и то, именно потерю знанія, забвеніемъ?— Конечно, безъ сомнѣнія, такъ, Сократъ, сказалъ Симмій.— И если мы, думаю, получивъ знаніе прежде рожденія, при рожденіи его потеряли, но позднѣе чрезъ обращеніе смысла на эти предметы наблюденія получаемъ о нихъ то знаніе, которое прежде имѣли, то развѣ ученіе, какъ мы его называемъ, не будетъ воспріятіемъ намъ принадлежащаго познанія. И это мы не въ правѣ ли назвать словомъ „воспоминаніе“? — Конечно. — Ибо кажется намъ возможнымъ при наблюденіи предмета, будетъ ли это чрезъ зрѣніе, слухъ или ощущеніе какого либо другаго чувства—мыслить себѣ при этомъ о чемъ то совершенно другомъ, о чемъ мы забыли, къ чему первое приближается какъ нѣчто подобное или неподобное; вслѣдствіе чего бываетъ, какъ я говорю, одно изъ двухъ: или мы родились съ знаніемъ этихъ предметовъ и знаемъ всѣ ихъ въ теченіе всей жизни; или тѣ люди, о которыхъ мы говоримъ, что учатся, ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только припоминаютъ себѣ, и самое ученіе есть воспоминаніе.—Да совершенно такъ, Сократъ, замѣтилъ Симмій.

XXI. Что же изъ двухъ ты избереешь теперь, мой Симмій? Родились ли мы съ знаніемъ, или что мы позднѣе снова припоминаемъ себѣ о томъ, о чемъ мы раньше получили познаніе?—Я не въ состояніи, Сократъ, въ настоящее время сдѣлать выборъ. — Какъ же теперь, можешь ты избрать слѣдующее, и какъ ты объ этомъ думаешь? Человѣкъ знающій о томъ, что онъ знаетъ, можетъ дать отчетъ, или нѣтъ?—Полная необходимость къ этому есть, Сократъ, сказалъ Симмій. — Думаешь ли ты, что всѣ о томъ, о чемъ мы только что говорили, могутъ дать отчетъ? — Впрочемъ я желалъ бы, сказалъ Симмій, но я гораздо болѣе боюсь того, что завтра въ этотъ часъ никто изъ людей уже не будетъ достаточно способнымъ сдѣлать это.—Слѣдовательно, Симмій, сказалъ Сократъ, ты не думаешь, что всѣ это зна-

ютъ.—Никакъ.—Но они такимъ образомъ не воспоминаютъ ли опять себѣ то, что они нѣкогда знали?—Необходимо такъ.—Но когда наши души получили знаніе объ этомъ?— Все таки не впервые съ того времени, какъ мы человѣки родились. — Безъ сомнѣнія нѣтъ. — Слѣдовательно, раньше. — Да. — Слѣдовательно Симмій, души раньше, чѣмъ онѣ явились въ человѣческомъ образѣ, существовали отдѣльно отъ тѣла и имѣли мышленіе. — Если мы, мой Сократъ, не получили эти знанія вмѣстѣ съ нашимъ рожденіемъ, ибо это время еще остается. — Да, любезный товарищъ, но въ какое другое время мы ихъ потеряли? ибо мы не съ ними рождаемся, какъ въ этомъ мы только что согласились. Или мы теряемъ ихъ въ то время, въ которое и получаемъ? или ты можешь назвать другое какое либо время?—Никкимъ образомъ, Сократъ, но я незамѣтно для себя высказалъ несообразность.

XXII. Значитъ у насъ не въ такомъ ли положеніи дѣло, Симмій, сказалъ Сократъ. Если то, что всегда мы имѣемъ на языкѣ—прекрасное, доброе и всякое бытіе такого рода существуетъ, и если мы, такъ какъ находимъ его напередъ намъ принадлежащимъ, и относимъ къ нему всѣ предметы нашего чувственного наблюденія и сравниваемъ его съ бытіемъ самомъ въ себѣ—то необходимо изъ этого слѣдуетъ какъ то, что оно есть, такъ и бытіе нашихъ душъ, даже прежде чѣмъ мы родились; если бы этого не было, то эта рѣчь напрасно была бы высказываема. Не такъ ли *это есть* на самомъ дѣлѣ и не существуетъ ли равная необходимость къ тому, чтобы и это бытіе было, и наши души, прежде чѣмъ мы родились, существовали бы; если же этого не су-

¹⁾ Цицеронъ въ Tusc. 1, 24, 58 говоритъ: „уже познанное душа приносить въ тѣло. Но однако она при своемъ вступленіи въ это обиталище не непосредственно приходитъ къ знанію, но только, когда она соберется и сосредоточится, она освѣжаетъ то познаніе чрезъ воспоминаніе.“

существуетъ, то и того бытія нѣтъ“. Въ высшей степени мнѣ думается, Сократъ, сказалъ Симмій, что существуетъ одинаковая необходимость къ этому, да и къ прекрасной цѣли направляется наша рѣчь, именно къ той цѣли, что душа наша, прежде чѣмъ мы родились, существовала точно такъ же, какъ и бытіе, о которомъ ты теперь говоришь. Вѣдь я ничего не имѣю столь очевиднаго для меня, какъ то, что таковыя идеи существуютъ въ высшей степени: прекрасное, доброе и все прочее, о чемъ ты теперь говорилъ, и я думаю, что это доказано въ достаточной мѣрѣ. „А что думаетъ Кевисъ?—сказалъ Сократъ; вѣдь должно и Кевиса убѣдить“. Достаточно, замѣтилъ Симмій, доказано и для него, какъ я думаю, хотя онъ самый упорный изъ людей, чтобы не вѣрить доказательствамъ. Но я думаю, что онъ не достаточно убѣжденъ въ томъ что, прежде чѣмъ мы родились, душа наша существовала.

XXIII. Впрочемъ будетъ ли душа существовать и послѣ того, какъ мы умремъ, это, Сократъ, сказалъ Симмій, мнѣ самому представляется не доказаннымъ, да этому противорѣчатъ еще и то, что только упомянулъ Кевисъ,—опасеніе толпы, какъ бы душа человѣка смертнаго не разсѣялась и какъ бы для нея это не послужило предѣломъ существованія. Ибо что препятствуетъ ей рождаться и выходить изъ какого нибудь другаго мѣста и тамъ существовать, прежде чѣмъ она придетъ въ человѣческое тѣло, а когда она придетъ и снова выйдетъ изъ него, тогда окончить жизнь и разсѣяться“? „Ты хорошо говоришь“, Симмій, сказалъ Кевисъ.. „Кажется, какъ будто половина того, что должно, доказана, именно что душа наша была, прежде чѣмъ мы родились; но должно еще сверхъ этого доказать, что наша душа и послѣ нашей смерти не менѣе очевидно, какъ и прежде нашего рожденія, будетъ существовать, насколько доказательство должно быть полнымъ. „Симмій и Кевисъ, сказалъ Сократъ, и теперь доказано это, если вы желаете соединить въ одно цѣлое и это доказательство,

и то, въ которомъ мы увѣрились, что всякое живое существо возникаетъ изъ умершаго. Ибо если, съ одной стороны, душа существуетъ и прежде, а, съ другой стороны, необходимо для нея, когда она вступаетъ въ жизнь и рождается, чтобы она не рождалась изъ какого нибудь другаго мѣста, какъ изъ смерти и изъ смертнаго состоянія, то какъ не необходимо, чтобы она существовала даже послѣ того какъ умерла, такъ какъ нужно, чтобы она рождалась сызнова? И такъ и теперь доказано то, о чемъ говорится.

XXIV. Однако же я думаю, что ты и Симмій съ охотою и еще точнѣе обработалъ бы это доказательство и боялся бы, какъ дитя, того, какъ бы вѣтеръ дѣйствительно, при ея исходѣ изъ тѣла, не раздулъ ее и не разсѣялъ, особенно когда кто умираетъ случайно не при безвѣтріи, но при великомъ нѣкоторомъ дуновеніи вѣтра. И Кевисъ засмѣявшись, сказалъ: попытайся (πειρώ ἰμπερατ. m.), Сократъ, убѣдить насъ, полагая, что мы боимся, лучше же сказать: не то, что боимся, а пожалуй въ насъ есть нѣкоторый мальчикъ), который питаетъ подобный страхъ. И такъ постараемся убѣдить послѣдняго, чтобы онъ не боялся смерти, какъ какого-то пугала“. „Но должно, замѣтилъ Сократъ, каждый день заговаривать его, пока вы его не очаруете. „Но откуда, возразилъ Кевисъ, мы возьмемъ, Сократъ, для этого хорошаго запѣвала, такъ какъ ты, прибавилъ къ слову Кевисъ, насъ оставляешь? „Велика, любезный Кевисъ, сказалъ Сократъ, Эллада и въ ней есть хорошіе мужи, много и чуждыхъ народцевъ, которыхъ вамъ должно провѣрять (δισκουῦσθα), при вашемъ исканіи такого колдуна, причѣмъ не щадить ни денегъ, ни трудовъ, такъ какъ нѣтъ инаго, на что съ большею необходимостію вы могли бы затратить

*) Подъ именемъ скрывающагося въ насъ мальчика можно разумѣть присущее намъ дѣтское и неразумное чувство страха, или низшую, животную сторону нашей природы, не внимающей никакимъ внушеніямъ разума.

деньги. Но должно вамъ самимъ изслѣдовать себя взаимно. Ибо вы пожалуй не легко отыщете лицъ, могущихъ дѣлать это лучше, чѣмъ вы. Но это такъ будетъ, завѣрилъ Кевись, а теперь намъ остается возвратиться къ предмету (разсужденія), отъ котораго мы удалились, если тебѣ это пріятно. „Мнѣ очевидно пріятно, сказалъ Сократъ, какъ же не должно быть пріятно? „Ты хорошо сказалъ“, отвѣтилъ Кевись.

XXV. „Итакъ, сказалъ Сократъ, должно намъ спрашивать самихъ себя приблизительно такъ: какому предмету свойственно испытывать это состояніе—разсѣянія, и за какой предметъ должно бояться, чтобы онъ не испыталъ этого, и за какой нѣтъ? И послѣ этого опять должно изслѣдовать, какой изъ двухъ предметовъ есть душа, и на основаніи этого быть самоувѣреннымъ, или бояться за нашу душу.“ „Ты говоришь правду, замѣтилъ Кевись. „Итакъ, развѣ тому, что стало сложнымъ и существуетъ какъ сложное, свойственно отъ природы испытывать это—раздѣляться такимъ образомъ, какъ оно соединено. Если же какимъ либо образомъ существуетъ несоединимое, то, если какому предмету, то именно этому свойственно не испытывать этого.“ „Я думаю, что это такъ, сказалъ Кевись. „Итакъ прилично ли тому, что всегда себѣ равно, и находится въ одномъ положеніи, преимущественно быть несложнымъ, а тому, что пребываетъ въ другомъ состояніи и никогда въ одномъ и томъ же, свойственно быть сложнымъ.“ — „Я думаю такъ.“ — „Итакъ, сказалъ Сократъ, перейдемъ къ тому, что у насъ было въ предыдущемъ разговорѣ. Самое бытіе, о существованіи котораго мы даемъ отчетъ путемъ вопросовъ и отвѣтовъ, пребываетъ ли оно постоянно всячески себѣ равнымъ, или въ иное время въ иномъ положеніи? Равное само въ себѣ, прекрасное само въ себѣ и каждое, что есть само въ себѣ,—бытіе сущее,—допускаетъ ли перемѣну, хотя только малѣйшую? Или каждый предметъ изъ нихъ, что существуетъ въ простомъ видѣ самъ по себѣ, такъ въ томъ же состоя-

ніи и находится и никогда нигдѣ никакимъ образомъ не допускаетъ никакого измѣненія? „Точно такъ, сказалъ Кевись, неминуемо, Сократъ, онъ находится въ одномъ и томъ же состояніи. „А что бываетъ со многими прекрасными предметами, какъ люди, лошади, платья и другіе такого рода предметы, равны ли они, прекрасны ли, или все подобны первымъ? Развѣ пребываютъ они въ одномъ и томъ же состояніи, или они, совершенно въ противоположность тѣмъ идеямъ, не равны ни сами въ себѣ ни другъ другу, словомъ никоимъ образомъ не одинаковы? „Такимъ образомъ, отвѣтилъ Кевись, опять такъ, эти предметы никогда не находятся въ одномъ и томъ же положеніи.“ — „Такъ, слѣдовательно, этихъ предметовъ ты не можешь ни касаться, ни видѣть, ни ощущать прочими своими чувствами, но это всегда себѣ равное ни чрезъ что либо другое, какъ только чрезъ соображеніе разума, можешь ты воспринимать; а таковы вѣдь предметы видимые и не подлежащіе зрѣнію? „Совершенно, отвѣтилъ Кевись, ты говоришь правду“.

XXVI. Такъ, слѣд., мы предположимъ, если хочешь, два рода предметовъ: одинъ видимый, другой невидимый? — „Предположимъ, сказалъ Кевись.“ — „И именно невидимое какъ всегда находящееся въ одномъ и томъ же положеніи, а видимое какъ никогда въ одномъ и томъ же положеніи не находящееся? И это, сказалъ Кевись, предположимъ.“ „Ну, продолжалъ Сократъ, есть въ насъ самихъ что либо другое, кромѣ души, съ одной стороны, и тѣла, съ другой? „Ничего другаго, былъ отвѣтъ.“ „Какому же изъ двухъ предметовъ мы скажемъ тѣло подобно и родственно? „Для всякаго, возразилъ Кевись, это очевидно, что тѣло подобно видимому.“ „А что же душа, видима она что ли или невидима?—Невидима, мой Сократъ, по крайней мѣрѣ отъ людей (простыхъ), прибавилъ Кевись. „Но мы говоримъ вѣдь о видимомъ или невидимомъ по отношеніи къ человѣческой природѣ, или, ты думаешь, по отношенію къ какой либо другой? „Къ человѣческой природѣ.“ „А что мы утверждаемъ о душѣ? види-

ма она или невидима? „Невидима.“ А, слѣдовательно, и невоображаема? „Да“, сказалъ Кевисъ. „Такъ значить душа болѣе, чѣмъ тѣло, похоже на невидимое, а тѣло на видимое? „Совершенно необходимо такъ“, Сократъ, былъ отвѣтъ Кевиса.

XXVII. Итакъ не говорили ли мы давно объ этомъ, что душа всякій разъ, когда она пользуется тѣломъ для разсматриванія чего либо посредствомъ зрѣнія ли то, или слуха, или какого либо другаго чувства—ибо изслѣдованіе посредствомъ тѣла является при помощи чувственнаго пониманія, то тогда она увлекается тѣломъ къ предметамъ никогда не находящимся въ одномъ и томъ же положеніи, и сама блуждаетъ и сбивается и шатается, какъ пьянчуга, такъ какъ до-трогивается до такого рода предметовъ? „Конечно“, сказалъ Кевисъ. „А всякій разъ какъ душа отдается размышленію сама по себѣ, она вѣдь спѣшитъ въ сферу чистаго, всегда сущаго, безсмертнаго и находящагося въ одномъ и томъ же положеніи и, какъ сродная съ этою сферою, всегда съ нею соприкасается, лишь только она является сама въ себѣ самостоятельною, и ей это позволено, и она прекращаетъ свое блужданіе и въ разсужденіи этого она всегда находится въ одномъ и томъ же стремленіи, такъ какъ она соприкасается съ предметами (такого рода)? И не это ли ея состояніе называется мышленіемъ“. „Ты Сократъ, сказалъ Кевисъ, совершенно хорошо и справедливо говоришь“. И такъ, ты думаешь, на какой изъ двухъ видовъ душа похожа, и съ какимъ сродна на основаніи вышесказаннаго и сказаннаго теперь? Всякій, я думаю, сказалъ Кевисъ, согласится, Сократъ, на основаніи этого хода изслѣдованія, — даже самый упорный человѣкъ, — съ тѣмъ, что душа въ цѣломъ и частныхъ проявленіяхъ похожа болѣе на дѣйствующее всегда одинаково, чѣмъ на то, что не одинаково. „А какъ же тѣло? Оно похоже на другое ничто“.

XXVIII. Разсуждай объ этомъ и по тому явленію, что природа, при соединеніи души и тѣла въ одномъ существѣ,

приказываетъ послѣднему, т. е., тѣлу, служеніе и подчиненіе, а второй—душѣ господство и владычество; какое изъ обоихъ тебѣ кажется въ этомъ отношеніи подобно божественному и какое смертному? Или ты не думаешь, что божественное отъ природы способно начальствовать и управлять, а смертное — подчиняться и рабствовать? „Мнѣ такъ кажется“—сказалъ Кевисъ. „На что же изъ двухъ похожа душа“, спросилъ Сократъ. „Очевидно, Сократъ, душа похожа на божественное, а тѣло на смертное“. Разсуди, мой Кевисъ, сказалъ Сократъ, изъ всего сказаннаго выходитъ ли у насъ то, что душа всего болѣе похожа на божественное, безсмертное, разумное, простое, неразрушимое и всегда одинаковымъ образомъ къ себѣ относящееся, а тѣло весьма похоже на человѣческое, смертное, разнообразное, неразумное, разрушаемое и никогда не находящееся въ одномъ и томъ же состояніи? Мы, мой любезный Кевисъ, имѣемъ ли противъ этого возразить, съ какой стороны это не такъ. „Нѣтъ; не въ состояніи возразить“.

XXIX. Что же далѣе? Если это такъ, то развѣ не свойственно тѣлу быстро разлагаться, а душѣ съ своей стороны вовсе быть не разложенною, или быть сколько-нибудь близкою къ этому? „Какъ же нѣтъ?“ сказалъ Кевисъ. „Ты теперь однако, продолжалъ Сократъ, примѣчаешь, что послѣ смерти человѣка видимое въ немъ—тѣло и лежащее на виду, что называемъ трупомъ, чему принадлежитъ разложеніе, распаденіе, разсѣяніе, ничего тотчасъ подобнаго не потерпитъ, но достаточно долгое время,—буде кто умретъ съ цвѣтущимъ тѣломъ,—въ этомъ цвѣтущемъ состояніи продолжаетъ быть еще очень долгое время. Ибо тѣло умершее и набальзамированное, подобно какъ тѣла набальзамированныя въ Египтѣ, остается безъ ухаживанія за нимъ почти продолжительное время. А нѣкоторыя части тѣла, даже если онѣ и сгниютъ, кости, нервы и все такое тѣмъ не менѣе однако остается безсмертнымъ, приблизительно говоря, или нѣтъ? „Да!“ сказалъ Кевисъ. „Итакъ, душа, эта невидимое

существо, удаляющееся въ такое же, другое, славное, чистое и невидимое мѣсто, въ истинное царство духа, къ Доброму и Премудрому Богу,—туда, куда, если Богу угодно, тотчасъ и моя душа должна идти:—это съ такими свойствами и такое наше существо, удалившись изъ тѣла, тотчасъ (по твоему) разсѣется и погибнетъ, какъ утверждаетъ и большинство смертныхъ людей? „Далеко не такъ, любезный Кевисъ и Симмій, но гораздо вѣрнѣе такъ: если душа удаляется изъ тѣла чистою, ничего изъ тѣла не увлекая, такъ какъ въ жизни самой она добровольно не имѣла съ нимъ ничего общаго, но избѣгала этого, и сосредоточивалась сама въ себѣ, такъ какъ она всегда заботилась объ этомъ, то это означаетъ ничто другое, какъ то, что она правильнымъ образомъ стремилась къ наукѣ и въ самомъ дѣлѣ легко желала умереть. Или это не есть забота о смерти?“ „Вполнѣ даже забота“. Итакъ, душа, находясь въ такомъ положеніи, удаляется къ подобному себѣ, т. е., къ невидимому, божественному, бессмертному, разумному, гдѣ по прибытіи позволено ей быть счастливою, въ удаленіи отъ блужданія, безумія, страха, дикихъ страстей и прочихъ воль человѣческихъ, и, какъ говорится о посвященныхъ¹⁾, поистинѣ въ остальное время пребывающею съ богами. Такъ мы должны выразить, Кевисъ, нашу мысль, или иначе?

XXX. Точно такъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ. Если же она, думаю я, удалится отъ тѣла, будучи запятанною и нечистою, такъ какъ она постоянно была въ обществѣ съ тѣломъ, любила его, ухаживала и плѣнялась имъ относительно страстей и удовольствій, такъ что для нея ничего другаго не казалось истиннымъ, какъ то, что тѣлесно, къ чему всякій можетъ прикоснуться, что—видѣть, пить, ѣсть, и чѣмъ пользоваться для чувственныхъ удовольствій,

¹⁾ Разъ въ Елевсинскія и Орфическія таинства. См. Реальный словарь класс. древностей по Любкеру. Сиб. 1884 г. Вып. II. 463 стр. и III. Стр. 961.

а то, что невидимо для глазъ и невоображаемо, но понятно для ума и воспримчиво для философіи,—это она привыкла ненавидѣть, этого бояться и дрожать, то думаешь ли ты, что она, находясь въ такомъ положеніи, удалится сама по себѣ въ чистомъ „видѣ“? „Никакимъ образомъ не думаю“—сказалъ Кевисъ. „Напротивъ же, по моему мнѣнію, душа удалится изъ тѣла, проникнутая тѣлеснымъ началомъ, съ которымъ сроднило ее общеніе и пребываніе въ тѣлѣ по причинѣ всегдашняго ея сношенія съ нимъ и великой заботы о немъ“. „Конечно“. „Нужно думать, что это (грубо-тѣлесное) есть нѣчто давящее, гнетущее, низменное и видимое. И такая душа, имѣющая это, чувствуетъ тяжесть, и стремится къ видимому мѣсту вслѣдствіе страха предъ невидимымъ и божественнымъ, и, какъ говорятъ, блуждаетъ вокругъ памятниковъ и могилъ, около которыхъ дѣйствительно замѣчали нѣкія тѣневидныя явленія душъ, въ какихъ привидѣніяхъ воображались души, не чисто отдѣлявшія отъ тѣла, но привязанныя къ чувственно видимому, почему и были видимы!“—Это, Сократъ, правдоподобно, конечно, замѣтилъ Кевисъ. „Впрочемъ, мой Кевисъ, вѣроятно и то, что это души людей не добрыхъ, но души дурныхъ людей, которыя ради наказанія за ихъ прежнее поведеніе принуждены блуждать около таковыхъ предметовъ (мрачныхъ). И онѣ блуждаютъ около этого до тѣхъ поръ, пока онѣ чрезъ влеченіе къ нѣкогда окружавшему ихъ тѣлесному опять не заключатся въ тѣло.“

XXXI. „Но души (лицъ умершихъ) переходятъ, какъ естественно, въ сущность съ такими нравами, какъ именно тѣ, которымъ онѣ отдавались въ теченіе жизни“.—Что именно за сущность ты, мой Сократъ, разумѣешь подъ этимъ?—„Я разумѣю, на примѣръ, то, что души, которыя чрезмѣрно пристрастились къ обжорству, сладострастію и пьянству и безъ страха и стыда отдавались имъ, (не остерегались) переходятъ въ породу осла и подобныхъ звѣрей по роду ихъ, или ты такъ не думаешь“? „Да, совершенно

вѣрно ты говоришь“.— „А люди, предпочитавшіе несправедливость, тиранію, хищничество, переходятъ въ породу волковъ, ястребовъ, коршуновъ, или во что другое мы говоримъ переходятъ таковыя? „Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Кевисъ, переходятъ въ таковыхъ звѣрей“. „Такъ не ясны ли, сказалъ Сократъ, и остальные направленія, куда каждая изъ душъ пойдетъ по сходству своего стремленія?“ „Очевидно, сказалъ Кевисъ, иначе какъ же?“ „Итакъ, самые счастливые изъ людей и идущіе въ весьма хорошее мѣсто не тѣ ли, которые проявляютъ общежитскую и государственную добродѣтель, которую именуютъ здравомысліемъ, и справедливостію, зависящихъ, безъ философіи и размышленія, отъ нрава и рачительности? „Насколько эти самые люди бываютъ счастливы?“—Вѣроятно въ той мѣрѣ счастливы, въ какой они, какъ естественно, переходятъ въ родъ существъ общественныхъ и кроткихъ, или же въ родъ пчелъ, осъ, и даже опять въ самый родъ человѣковъ и изъ нихъ бываютъ люди умѣренные“. „Естественно такъ“.

XXXII. „Однако вступленіе въ кругъ боговъ не позволено никому, кто не стремится къ философіи, не удаляется изъ тѣла совершенно чистымъ,—никому, какъ другу знанія. Но по причинѣ этого, о другъ Симмій и Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ страстей, сопротивляются имъ, и не отдаютъ себя имъ вовсе, не изъ боязни разстройства хозяйства и бѣдности, какъ большинство корыстолюбцевъ, и не изъ боязни предъ безчестіемъ, безславіемъ за необузданность, какъ любящіе власть и почести, повторю: удерживаются философы отъ таковыхъ влеченій“.— „Это не приличествовало бы имъ, Сократъ, сказалъ Кевисъ. — „Конечно, клянусь Зевсомъ, нѣтъ, сказалъ онъ. Такимъ образомъ, Кевисъ, первые, у которыхъ есть сколько нибудь заботы о своей душѣ, всѣмъ дѣлать говоря „прости“, не идутъ однимъ путемъ съ нами, какъ не знающими, куда идутъ; напротивъ, думая, что

не должно дѣлать противнаго философіи, освобожденію чрезъ нея и очищенію, слѣдуя за нею, сами обращаются по тому пути, по которому она ведетъ ихъ.

XXXIII. „Какъ это, мой Сократъ?“— „Я хочу тебѣ пояснить, отвѣчалъ онъ. Стремящіеся къ мудрости, сказалъ Сократъ, признаются, что философіи принимаетъ ихъ душу въ состояніи, при которомъ она совершенно связана съ тѣломъ, прикрѣплена къ нему и принуждена чрезъ него, какъ чрезъ рѣшетку темницы, смотрѣть на существующіе предметы, но не чрезъ саму себя, и вращаться въ полномъ невѣжествѣ и, замѣтивъ весь ужасъ темницы, что послѣдняя существуетъ отъ страстей, потому что самъ связанный человѣкъ бываетъ споспѣшникомъ своей неволи. Любопытные, я говорю, понимаютъ это, что философія, воспринимая душу, чувствующую себя такъ, тихо успокоиваетъ и пытается освободить ее, показывая ей, что наблюденіе посредствомъ очей полно обмана, а также наблюденіе посредствомъ ушей и остальныхъ чувствъ, убѣждая ее отвлекаться отъ этихъ наблюденій, насколько не нужно ей ими пользоваться, убѣждая ее самой въ себѣ собираться и сосредоточиваться и никому другому не вѣрять, какъ только самой себѣ, да тому, что она изъ предметовъ замѣтила сама по себѣ, какъ самостоятельная; но что она замѣтила чрезъ что либо другое въ другихъ отношеніяхъ, какъ иное, она убѣждаетъ считать за ничуть неистинное; все такое для нея чувственно и видимо; что же въ разсужденіи этого она сама видитъ, то разумно и невидимо. Не думая, что она должна противостоятъ этому освобожденію, поистинѣ философская душа такимъ образомъ удерживается отъ удовольствій и страстей, печали и страха, насколько можетъ, соображая, что, когда кто либо сильно объять радостію, страхомъ, печалію, страстію, ничуть не потерпитъ такого рода зла отъ этого, о которомъ иной можетъ думать, именно такого зла, какъ въ томъ случаѣ, когда иной по болѣзни или траты чего либо ради страсти, всетаки испытываетъ то, что

признается за крайнее и величайшее зло, и не соображаетъ этого. „Что это значитъ, Сократъ“, спросилъ Кевисъ. „А то, что душа всякаго человѣка принуждается вмѣстѣ великою радостію и печалію къ мысли о томъ, что то, относительно чего она наиболѣе испытывала это, есть самое чистое и истинное, хотя оно не таково. Это преимущественно видимые предметы, или нѣтъ?“ „Конечно“— „Итакъ, душа въ этомъ состояніи наиболѣе связана тѣломъ“. „Какъ такъ?“— А потому что каждое удовольствіе и печаль, все равно какъ гвоздь, пригвозждаетъ и приврѣпляетъ душу къ тѣлу и дѣлаетъ ее тѣлесовидною (тупою) и считающею за истину то, за что всякій разъ высказывается и тѣло. Ибо потому, что она высказываетъ мнѣнія одинаково съ тѣломъ и довольна ими, она принуждена, я думаю, быть слугою своихъ нравовъ и образа жизни и быть такою, чтобы никогда не перейти въ Аидъ въ чистомъ видѣ; но всегда выходитъ изъ тѣла полной тѣлесныхъ недостатковъ, такъ что она скоро опять входитъ въ другое тѣло и, какъ посѣянная, вростаетъ въ него, и вслѣдствіе этого она не принимаетъ участія въ божественномъ, чистомъ и простомъ бытіи“. „Въ высшей степени правда то, что ты говоришь, любезный Сократъ, подтвердилъ Кевисъ.

XXXIV. По этой причинѣ, мой Кевисъ, разумѣется, истинно любознательные умѣренны и храбры, а не по причинѣ того, о чемъ говоритъ толпа, или и ты думаешь такъ (какъ толпа)? „Разумѣется, я такъ не думаю;— совершенно нѣтъ; но душа философа такъ будетъ разсуждать, и не будетъ думать, что философія должна ее освободить отъ ея узъ; а въ то время, какъ философія освобождаетъ ее, она отдается удовольствію и печали и опять связываетъ себя и совершаетъ напрасный трудъ, берясь за ткань Пенелопы, но въ противоположномъ направленіи¹⁾; но лишь душа находитъ себя

¹⁾ Эта мысль указываетъ на то, что духъ нашъ всѣмъ тѣмъ, что воспринимаетъ послѣ напряженнаго труда отъ тѣлесныхъ чувствъ, снова себя стѣсняетъ, отдаваясь желаніямъ и аффектамъ тѣлеснымъ. См. Odiss 2, 104.

покой отъ своихъ порывовъ, слѣдуетъ разуму и всегда въ этомъ слѣдованіи пребываетъ, созерцая истинное, божественное, возвышающееся надъ частными мнѣніями и питаюсь этимъ, вѣрить, что такъ должна жить, пока живется, а когда скончается, она надѣется перейти къ сродному и подобному и освободиться отъ всѣхъ человѣческихъ невзгодъ. Вслѣдствіе такого питанія нѣтъ для души ничего страшнаго, такъ что она, Симмій и Кевисъ, въ силу направленія своихъ стремленій не боится, чтобы при своемъ выходѣ изъ тѣла разсвѣяться вѣтрами и расторгнуться и нигдѣ уже не имѣть какаго либо существованія“.

XXXIV. На долгое время наступило молчаніе, послѣ того какъ Сократъ сказалъ это, и самъ Сократъ, какъ ясно видѣли, углубился въ содержаніе происшедшей бесѣды и очень многіе изъ насъ. Но Кевисъ и Симмій поговорили немного другъ съ другомъ. Сократъ, замѣтя это, спросилъ ихъ: какъ, сказалъ онъ, неужели вамъ кажется, что сказаннаго вамъ недостаточно? Вѣдь изслѣдованіе возбуждаетъ еще много сомнѣній и недоумѣній, если кто намѣренъ прослѣдить его въ достаточной мѣрѣ. Если же вы что либо другое имѣете въ виду, я противъ этого ничего не говорю. Если вы относительно этого находитесь въ какомъ либо затрудненіи, то не медлите сами сказать и объяснить; если же вамъ кажется, что лучше объяснено мною, то вы хватите и меня, если думаете, что со мной дѣло пойдетъ лучше. И Симмій сказалъ: „да, дѣйствительно, Сократъ, и скажу тебѣ правду. Каждый изъ насъ двоихъ съ недоумѣніемъ побуждаетъ и заставляетъ другаго спрашивать въ силу желанія слышать отъ тебя отвѣтъ; но мы удерживаемся обременять (ἄχλον παρέχειν) тебя изъ страха, какъ бы при настоящемъ несчастіи тебѣ не было неприятно. Когда онъ это услышалъ, тихо разсмѣялся и сказалъ: Ба, Симмій; конечно, я съ трудомъ могу убѣдить остальныхъ людей въ томъ, что я не считаю за несчастіе настоящую мою судьбу, когда я не могу убѣдить васъ въ томъ; но вы боитесь,

обстоятельства, что я теперь нахожусь въ болѣе угрюмомъ расположеніи духа, чѣмъ въ предшествующую мою жизнь и, какъ видится, вамъ кажется (δοκῶ), что я слабѣ васъ въ искусствѣ предсказанія,—васъ, которые, послѣ того какъ почувствуютъ, что должно имъ умереть, то хотя и въ прежнее время пѣли, но въ тотъ моментъ поютъ въ особенности, радуясь всего болѣе, что должно идти къ богу, котораго они суть служители. Но люди по причинѣ своего страха передъ смертію составили о лебедяхъ ложное мнѣніе и говорятъ, что они (лебеди), оплакивая смерть, поютъ отъ печали и не думаютъ, что никакая птица не поетъ, когда голодаетъ, или забнетъ, или подвергается какому либо другому несчастію, ни даже соловей и ласточка, или лустошка (удодъ), о которыхъ, говорятъ, что они изъ-за печали поднимаютъ пискливыя звуки. Но ни сіи послѣднія, мнѣ кажется, не поютъ печальныя трели, ни лебеди. Но скорѣе потому, что они, какъ птицы, принадлежащія Аполлону, обладаютъ проприцаніемъ и предузнаютъ ожидающія радости въ царствѣ тѣней (по правосл. въ будущей жизни),—они поютъ и ликуютъ въ тотъ день гораздо болѣе, чѣмъ въ предшествующее время. И я самъ думаю, что я сослуживецъ лебедей, и жрецъ того же самаго бога (Аполлона), ¹⁾ и не менѣ ихъ владѣю искусствомъ предсказанія отъ своего господина и не удаляюсь отъ жизни болѣе унылымъ, чѣмъ они. Но по причинѣ этого должно говорить и спрашивать о томъ, что вы желаете, пока одиннадцать изъ аѳинскихъ мужей дозволяютъ это. „Ты, Сократъ, говоришь хорошо, сказалъ Симмій. И я тебя спрошу относительно того, въ чемъ я недоумѣваю, и затѣмъ этотъ Кевисъ скажетъ, какимъ образомъ онъ не принимаетъ этого. Ибо, Сократъ, я пожалуй думаю, какъ и ты, объ этомъ, что знать истину въ текущей жизни или невозможно, или очень трудно. Но если, съ другой стороны, не

¹⁾ Бога, по вѣрованію классическихъ Грековъ, исполнителя и возвѣстителя воли верховнаго бога—Зевса.

разсматривать всячески того, что объ этомъ говорится, и не отступать отъ этого, прежде чѣмъ выразить сомнѣніе въ выводѣ, при всесторонней оцѣнкѣ предмета вопроса, то это вполне есть признакъ мужа очень слабаго; ибо въ этихъ вопросахъ должно преслѣдовать одну изъ двухъ цѣлей, или понять, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ, или найти его рѣшеніе, или, если этого невозможно, то избравъ самое трудное изъ человѣческихъ мнѣній и самое тяжелое для опроверженія и держась именно его, какъ извѣстнаго корабля, проходить жизнь съ опасностію, если кто либо не можетъ пройти жизни тверже и безопаснѣе на твердомъ ли суднѣ или подъ руководствомъ Божественнаго Слова ¹⁾. И я не постыжусь спросить теперь тебя, такъ какъ и ты говоришь это, и не буду въ послѣдствіи обвинять самого себя за то, что я не сказалъ теперь того, что мнѣ нравится. Ибо, Сократъ, когда я съ собою или вмѣстѣ съ этимъ Кевисомъ подвергаю сказанное изслѣдованію, мнѣ кажется, что оно не вполне достаточно опредѣлено.

XXXVI. И Сократъ сказалъ: пожалуй, товарищъ, тебѣ кажется это истинно; но скажи, въ какомъ отношеніи не достойно? „Да въ томъ, сказалъ Симмій, въ какомъ иной высказалъ бы мысль объ устройствѣ лиры и ея струнъ, что ладъ ея невидимъ, безтѣлесенъ, и что въ настроенной лирѣ есть нѣчто весьма божественное и прекрасное, между тѣмъ сама лира и струны ея суть предметы тѣлесно-видныя, сложные, земные и сродные смертному началу. Итакъ, всякій разъ какъ иной сломалъ или разрубилъ лиру, или разорвалъ ея струны, а другой сталъ бы доказывать такимъ же способомъ, какъ и ты, что гармонія оная необходимо еще существуетъ и не потерялась!—ибо совершенно нѣтъ

¹⁾ Симмій въ этомъ мѣстѣ діалога „Федонъ“ для убѣжденія себя и слушателей въ идеѣ *бессмертія* ссылается на „Божественное Слово“, котораго уже смутно искалъ Сократъ (Alcibiad. II) и къ которому, по свидѣтельству переводимаго діалога, стремился Платонъ.

никакой возможности, чтобы лира существовала еще, послѣ того какъ струны ея порваны, и хрупкія ея струны еще примѣтны, но гармонія исчезла, такъ что она, хотя однородна съ божественнымъ и бессмертнымъ, однако потерялась прежде, чѣмъ смертное; скорѣе при этомъ можно сказать, что необходимо, чтобы гдѣ либо самая гармонія существовала, а дерево (лиры) и струны ея исчезли прежде, чѣмъ что либо осталось съ этою гармоніею:—поэтому, Сократъ, я думаю, что ты самъ обратилъ вниманіе на то, что мы большею частію представляемъ душу такъ, какъ будто наше тѣло находится въ напряженномъ состояніи и сплочено въ силу теплоты, холода, сухихъ и мокрыхъ и подобнаго рода элементовъ, а душа наша есть смѣсь этихъ началъ и соразмѣрность ихъ, подѣ условіемъ, если эти элементы хорошо и въ надлежащей мѣрѣ смѣшаны другъ съ другомъ. Итакъ, если душа есть нѣчто гармоническое на самомъ дѣлѣ, то, очевидно, что, когда тѣло наше неумѣренно ослаблено, или находится въ напряженномъ состояніи отъ болѣзней и другихъ невзгодъ,—то душа необходимо *тотчасъ погибаетъ*, хотя она божественнаго происхожденія, подобно, какъ и остальные гармоніи, которыя бываютъ въ области звука и во всякаго рода произведеніяхъ художниковъ; между тѣмъ какъ останки каждаго организма существуютъ долгое время, пока они не будутъ или сожжены, или приду тѣмъ разложеніе. Итакъ, посмотри, что мы должны сказать противъ твоего положенія, если кто нибудь допускаетъ, что душа, какъ смѣсь находящихся въ тѣлѣ составныхъ элементовъ, въ такъ называемой смерти погибаетъ прежде нихъ?

XXXVII. Сократъ, посмотрѣвши пристально, какъ онъ большею частію имѣлъ обыкновеніе, и улыбувшись возразилъ теперь; конечно, сказалъ онъ, Симмій говоритъ справедливо. Поэтому, если кто изъ васъ проворнѣе меня, то почему онъ не отвѣтилъ? Да вѣдь, кажется, Симмій не неудачно усвоилъ мою мысль. Но, какъ мнѣ думается, нужно

прежде отвѣта на предложеніе (Симмій) послушать Кевиса, что съ своей стороны онъ имѣетъ выставить противъ моей мысли, дабы мы въ выигрышное время могли посоветоваться, что намъ возразить, а потомъ, услыжавъ, или согласиться съ ними, если окажется, что они предлагаютъ что либо подходящее (просάειν), а если нѣтъ, то такимъ образомъ уже защищать нашу мысль. Но, пожалуйста, Кевисъ, сказалъ Сократъ, говори: что было то, что тебя въ свою очередь обезпокоиваетъ и возбуждаетъ въ тебѣ недоувѣріе? „Я хочу сказать это, возразилъ онъ, т. е., Кевисъ; мнѣ кажется, этотъ разговоръ остановился еще на одномъ и томъ же пунктѣ и заслуживаетъ то же самое порицаніе, о которомъ именно мы говорили въ предшествующій разъ. Ибо по вопросу о томъ, что наша душа существовала даже, прежде чѣмъ она пришла въ этотъ свой образъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи (οὐκ ἀνατίθεμαι μὴ οὐκ), именно, что *мысль моя* доказана очень пріятно, и чтобы не выразиться рѣзко, очень достаточно; а мысль, что и послѣ нашей смерти душа еще будетъ гдѣ либо существовать, мнѣ кажется не доказана такимъ путемъ. Я не соглашаюсь съ тѣмъ возраженіемъ Симмія, что душа не есть что либо болѣе сильное и длительное, чѣмъ тѣло, ибо она, мнѣ думается, очень сильно превышаетъ его (тѣло) во всѣхъ указанныхъ (τοῦτοις) отношеніяхъ. Чему по истинѣ, могутъ сказать, ты еще не доувѣряешь, послѣ того какъ знаешь, что по смерти челоувѣка существуетъ еще слабѣйшая часть его? Но не думаешь ли ты, что необходимо за то же время должна еще сохраняться болѣе долговѣчная часть его? Посмотри при этомъ и на то, говорю ли я дѣло (τι); ибо, какъ кажется, я, какъ и Симмій, нуждаюсь въ нѣкоторомъ наглядномъ изъясненіи (предмета разсужденія). Ибо, я думаю, про это говорится точно такъ, какъ говорится про то, какъ нѣкто относительно тнача, умершаго старцемъ, высказалъ приблизительно ту мысль, что челоувѣкъ этотъ не исчезъ, но существуетъ вѣроятно гдѣ либо—и въ доказательство этого представилъ

бы отъ себя его одежду, которою самъ онъ одѣвался, соткавши ее,—послѣ того какъ эта одежда была на лицо и не исчезла, затѣмъ, если бы кто не вѣрилъ этому (говору),—онъ его спросилъ бы, что долговѣчнѣе родъ ли человѣка, или существованіе одежды, которая находится въ употребленіи и носится, и послѣ какъ ему дали отвѣтъ, что родъ человѣка гораздо долговѣчнѣе, онъ подумалъ бы, что доказано, что скорѣе всего тотъ человѣкъ здоровъ, такъ какъ менѣе прочное ¹⁾ еще не исчезло. Но это, Симмій, я думаю не такъ, ибо ты замѣтъ что я говорю: всякій пойметъ, что говорящій это утверждаетъ вздоръ, ибо этотъ ткачъ, много такихъ одеждъ соткавшій и пользовавшійся ими, умеръ послѣ этихъ одеждъ, хотя ихъ много; но не прежде, какъ я думаю, послѣдней, и потому то человѣкъ ни чуть не хуже и не слабѣе одежды. Этимъ подобіемъ можно, я полагаю, выразить отношеніе души къ тѣлу, и всякъ говорящій это самое можетъ показаться мнѣ, говоритъ объ этомъ правильно, (именно) что душа долговременнѣе, а тѣло слабѣе и кратковременнѣе. Но въ самомъ дѣлѣ онъ могъ бы утверждать и то, что каждая изъ душъ пользуется многими тѣлами, особенно когда она переживаетъ много лѣтъ. Ибо если тѣло, еще въ то время какъ человѣкъ живетъ, находится въ теченіи (т. е. при непрестающей перемѣнѣ матеріи) и исчезаетъ, а душа непрестанно воспроизводитъ изнашивающуюся ткань, то необходимо слѣдуетъ, чтобы душа, когда она исчезаетъ получивъ только послѣднюю ткань, и погибала бы прежде этой одной; а когда душа вышла изъ тѣла, тогда и тѣло показало бы свою естественную слабость и скоро исчезло бы при разложеніи. И такимъ образомъ по этому разсужденію еще не слѣдуетъ довѣрять мысли, что когда мы умремъ, душа наша существуетъ гдѣ либо. Да, если бы кто-либо тому, кто утверждаетъ это, уступилъ въ этомъ—и даже еще больше, чѣмъ то, что ты утверждаешь, и допустилъ съ нимъ, что душа

¹⁾ Т. е. одежда.

не только существуетъ во время прежде нашего рожденія, но и ничто не мѣшаетъ вѣрить тому, что она у нѣкоторыхъ и послѣ смерти существуетъ и будетъ существовать и часто возражаться и снова умирать, ибо она отъ природы столь сильное существо, что она можетъ выдерживать частое возрожденіе,—если онъ допустилъ себѣ эту мысль, то онъ уже не согласится далѣе на то, чтобы душа не утемилась въ многократныхъ рожденіяхъ и наконецъ при какой-либо изъ смертей не исчезла бы совершенно и всецѣло: о такой смерти и такомъ разрушеніи тѣла, которое принесетъ тѣлу гибель, никто, замѣтилъ бы онъ, не знаетъ; ибо этого невозможно чувствовать кому либо изъ насъ. Но если это такъ, то неприлично бодриться при смерти, если не бодриться неразумительно тому, кто не можетъ доказать, что душа вообще бессмертна и не подлежитъ гибели: если же этого не можетъ себѣ доказать, то каждый объятый смертію необходимо боится за свою душу, какъ бы она совершенно не исчезла, при предстоящемъ отдѣленіи ея отъ тѣла.

XXXVIII. Всѣ мы, когда услышали ихъ бесѣду, неприятно настроились,—какъ и позднѣе мы говорили объ этомъ другъ къ другу,—потому что намъ казалось, что они насъ, сильно убѣжденныхъ предшествующею рѣчію, привели въ смущеніе и повергли въ чувство недовѣрія не только къ установленнымъ мнѣніямъ, но даже и къ тому, что и позднѣе должно было быть сказано *въ виду того*, чтобы мы не были негодными судьями, или чтобы само дѣло не было сомнительно.

Ежекр. ¹⁾ Клянусь богами, Федонъ, я чувствую къ вамъ извиненіе; дѣйствительно послѣ того какъ я самъ теперь услышалъ это отъ тебя, во мнѣ является *желаніе* сказать тебѣ нѣчто такое: какому такимъ образомъ доказатель-

¹⁾ Это слушатель Платона изъ школы Пифагорейцевъ бывшей въ южной Италіи.

ству мы должны въ будущемъ вѣрить? такъ какъ доказательство, которое Сократъ высказалъ, будучи сильно убѣдительнымъ, обратилась теперь въ предметъ недовѣрія. Ибо удивительно, какъ занимаетъ меня эта мысль и теперь и всегда,—мысль, что душа наша составляетъ нѣкоторую гармонию, и лишь только эта мысль является въ сознаниі, она приводитъ мнѣ на память, что и мнѣ самому это прежде думалось. И я снова весьма нуждаюсь, какъ и въ началѣ, въ какомъ-либо иномъ доказательствѣ, чтобы оно убѣдило меня въ томъ, что душа умершаго не умираетъ вмѣстѣ съ его тѣломъ. Итакъ предъ Богомъ скажи, Федонъ, какъ Сократъ пришелъ къ этому доказательству? замѣтно ли было, что онъ выражалъ неудовольствіе, какъ и вы, по твоимъ словамъ, или нѣтъ; не усиливалъ ли напротивъ это доказательство краткимъ разсужденіемъ? и достаточно ли онъ его усилилъ, или нѣтъ? Это все разскажи намъ весьма точно, насколько можешь.

Фед. Да дѣйствительно, Ехекратъ, я часто удивлялся Сократу, но никогда я такъ не былъ изумленъ, какъ во время тогдашняго моего пребыванія у него. Что онъ умѣлъ что-либо говорить, по всей вѣроятности, не удивительно. Но я наиболѣе удивлялся ему, во первыхъ, въ томъ, что радостно, благоволительно и съ восхищеніемъ онъ выслушивалъ возраженія молодыхъ людей, а, во вторыхъ, какъ зорко онъ замѣчалъ дѣйствіе, которое мы испытывали отъ его разсужденій и, наконецъ, какъ онъ насъ поправлялъ и, такъ сказать, какъ бѣгуновъ и побѣжденныхъ подзывалъ и обращалъ къ тому, чтобы мы слѣдовали за нимъ и разсматривали предметъ разсужденія вмѣстѣ съ нимъ.

Ех. Какъ же именно?

Фед. Я тебѣ поясню; случайно я сидѣлъ по правую руку его на низкомъ стулѣ, а онъ на болѣе высокомъ, чѣмъ я. Погладивъ затѣмъ мою голову и собравъ на затылкѣ мои (длинные) волосы—ибо онъ имѣлъ обыкновеніе, когда открывался случай, играть моими волосами—онъ сказалъ: по-

утру, Федонъ, быть можетъ, ты острижешь свои прекрасные волосы.—Такъ кажется, Сократъ, сказалъ я.

— Ты не острижешь ихъ, если последуешь за мною,—замѣтилъ Сократъ.

— „Почему нѣтъ“, сказалъ я. „Сегодня, сказалъ онъ, я остригу мои и ты эти (свои) волосы, если только разговоръ нашъ кончится и мы не сможемъ возобновить его. И я, если бы былъ тобою (т. е., на твоемъ мѣстѣ), и доказательства у меня ускользали, я далъ бы клятву, какъ Аргивяне ¹⁾, мои волосы не постричь раньше, чѣмъ одержу верхъ надъ Симмиемъ и Кевисомъ въ обновленномъ разговорѣ (ἀναπαχόμενος собств.: спорѣ)“. „Однако, сказалъ я, даже Геркулесъ, какъ передаютъ, не былъ въ состояніи бороться съ двумя“. „Но, сказалъ мудрецъ Сократъ, позови меня и Голая ²⁾, пока еще есть дневной свѣтъ“. „Я зову тебя, на помощь, возразилъ я, не какъ Геркулесъ, но какъ Голай—Геркулеса“. „Это не составляетъ никакой разницы, возразилъ онъ“.

XXXIX. Но мы однако прежде всего будемъ остерегаться того, чтобы намъ не попасть въ какой-либо промахъ.—„Въ какой же именно спросилъ я“.—„А въ тотъ, чтобы мы не стали врагами наукъ, подобно тому какъ бываютъ ненавистники людей. Ибо никто не можетъ впасть въ болѣе несчастіе, какъ тѣ, когда кто либо питаетъ ненависть къ ученымъ разговорамъ; ненависть къ ученію и ненависть къ людямъ ³⁾ возникаютъ одинаковымъ образомъ. Потому что ненависть къ людямъ вкрадывается на основаніи того,

¹⁾ Жители Аргоса въ южной Греціи, бывъ разбиты сосѣдями, Лакедемонянами, рѣшили не отращать волосъ до толъ, пока не одержатъ надъ ними побѣды.

²⁾ Голай—это оруженосецъ Геркулеса, съ помощію котораго извѣстный подъ этимъ именемъ мно. герой одержалъ верхъ надъ Гидрою.

³⁾ Извѣстна ненависть къ людямъ Тимона, Руссо и другихъ именитыхъ людей, проискавшая изъ недостатка правильного знанія людей и слѣдовательно бывшая явнымъ признакомъ ихъ душевной слабости.

что иной безъ умѣнія сильно какому-либо человѣку довѣряетъ и думаетъ, что человѣкъ этотъ совершенно правдивъ, здоровъ и достоинъ довѣрія, а затѣмъ вскорѣ находитъ, что онъ и дурень и невѣренъ, и въ другой разъ также. И когда часто кто-либо испытываетъ это и въ особенности отъ тѣхъ, кого онъ считаетъ самыми довѣренными и лучшими друзьями, то наконецъ послѣ частыхъ столкновений ненавидитъ всѣхъ и думаетъ, что ни у кого вообще нѣтъ ничего здороваго. Или ты не замѣтилъ, что это бываетъ“.

„Совершенно такъ“, былъ мой отвѣтъ. „Итакъ, сказалъ онъ, развѣ это не постыдно? и не ясно ли изъ этого, что такой человѣкъ пытается вступить въ сношеніе съ людьми безъ всякаго искусства обращаться съ ними. Если бы онъ сколько-нибудь съ искусствомъ имѣлъ сношеніе съ людьми, то такъ бы и понималъ ихъ, какъ бываетъ и въ дѣйствительности, что честныхъ и лукавыхъ съ той и другой стороны очень мало, а среднихъ между ними очень много“.

„Какъ это ты думаешь?—спросилъ я. „Точно также сказалъ онъ, какъ и относительно очень малыхъ и великихъ предметовъ; думаешь ли ты, что есть что либо болѣе рѣдкое, какъ найти очень великаго человѣка, или очень малаго, или собаку, или что либо иное въ томъ же родѣ? или, съ другой стороны, думаешь ты, что есть что либо болѣе рѣдкое, чѣмъ найти очень скорого или медлительнаго, постыднаго, прекраснаго, бѣлаго или чернаго? Или ты не замѣчаешь, что вершины всѣхъ таковыхъ крайностей встрѣчаются рѣдко и въ маломъ количествѣ, а среднее между ними встрѣчается часто и въ изобиліи“? „Совершенно такъ, сказалъ я“.

„Такъ развѣ ты не думаешь, сказалъ онъ, что въ случаѣ, если бы предстояла борьба съ лукавствомъ (низостію), то и здѣсь первыхъ оказалось бы очень мало“?

„Правдоподобно, сказалъ я“. „Дѣйствительно правдоподобно, сказалъ онъ. Но разумныя соображенія людей не въ этомъ подобны,—я за тобою послѣдовалъ, такъ какъ ты теперь идешь впередъ,—но въ томъ, когда иной безъ искус-

ства, относящагося къ разумнымъ соображеніямъ, принимаетъ довѣрчиво доказательство какъ истинное, а потомъ немного постѣ оно же кажется ему ложнымъ, иногда справедливо, иногда и нѣтъ, и снова опять то такимъ, то инымъ; и ты знаешь, что лица, занимающіяся спорными вопросами думаютъ о себѣ наконецъ, что они весьма мудры и одни только понимаютъ, что ни въ какомъ-либо дѣлѣ, ни въ доказательствѣ нѣтъ чего либо здраваго или твердаго, но что все прямо, какъ въ Эврипид¹⁾, вертится туда и сюда и ни въ одинъ моментъ времени не остается на одномъ мѣстѣ“.

„Ты говоришь, замѣтилъ я, вполне истинно. Не было ли бы, мой Федонъ, состояніе достойное жалости, если бы кто либо, между тѣмъ какъ существуетъ основаніе истинное, твердое и доступное для пониманія, однако, потому что оно опирается на такіе доводы, которые кажутся то истинными, то неистинными, сталъ бы обвинять не себя и свою неловкость, но отъ досады слагалъ бы съ удовольствіемъ вину съ себя на предметъ разсужденія и уже въ послѣдующую жизнь постоянно выражалъ бы ненависть и брань къ предмету разсужденія и захотѣлъ бы лишитъ себя истиннаго познанія вещей“?

„Клянусь Зевсомъ, возразилъ онъ, это было бы достойно сожалѣнія“.

XL. „Итакъ прежде всего, сказалъ Сократъ, будемъ въ этомъ случаѣ осторожны и не допустимъ въ душу мысли, чтобы намъ показалось, будто нѣтъ ничего здороваго въ нашихъ (ученыхъ) сужденіяхъ; но скорѣе будемъ думать, что мы еще не здоровы, а должно мужаться и быть готовыми чувствовать себя здраво какъ тебѣ и всѣмъ прочимъ ради послѣдующей жизни, мнѣ же лично хотя для смерти. Ибо я избѣгаю опасности, какъ бы мнѣ въ настоящее время по отношенію къ этому самому (вопросу) не оказать-

¹⁾ Эврипид—это проливъ между Беотією и Эвбеєю, замѣчательный тѣмъ, что ночью и днемъ въ немъ волны идутъ преемственно то въ одну, то въ другую сторону противоположную.

ся настроеннымъ не философски, но, какъ весьма необразованные люди, задорнымъ въ рѣчи. Ибо и эти, когда спорять о чемъ либо, то заботятся не о томъ, въ какомъ положеніи находится то, что сами они ставятъ въ вопросъ, но они стремятся только къ тому, чтобы заслужило одобрение у окружающихъ тѣ, что они сами выставили. И я думаю, что я въ настоящемъ случаѣ только настолько отъ нихъ различаюсь, что я не стану прилагать усердіе, чтобы показалось истиннымъ для присутствующихъ тѣ, что я говорю, развѣ только это другимъ какимъ образомъ обнаружится; но буду стараться, чтобы и мнѣ самому это болѣе представилось въ дѣйствительномъ свѣтѣ. Ибо я думаю, мой любезный другъ,—посмотри, какъ своекорыстно если при случаѣ истинно тѣ, что я говорю, то хорошо быть убѣжденнымъ въ этомъ. Но если съ умершимъ ничего болѣе нѣтъ, то я однако именно въ это самое время предъ смертію для присутствующихъ менѣе буду неприятенъ, развѣ только чрезъ сожалѣніе о мнѣ. Однако это мое незнаніе не будетъ продолжительно, ибо это было бы худо, но въ короткое время оно исчезнетъ. Будучи приготовленнымъ, такимъ образомъ Симмій и Кевисъ, сказалъ онъ, я приступаю къ изслѣдованію. Вы однакожь, если мнѣ хотите довѣрять, заботьтесь немного о Сократѣ, но гораздо болѣе объ истинѣ, и если я покажусь вамъ, что говорю истину, то согласитесь со мной въ этомъ; если же нѣтъ, то противустаньте мнѣ всячески, остерегаясь, чтобы я отъ усердія себя и васъ не обманулъ, и не удаллся, какъ пчела, оставивъ жало.

XLI. Но нужно обратиться (къ дѣлу). Прежде всего приведите мнѣ на память тѣ, что вы говорите, если не должно показаться, что я неправильно удерживалъ это въ памяти. Симмій именно, мнѣ кажется, не довѣряетъ и боится, что душа, хотя она есть болѣе божественное и прекрасное существо, чѣмъ тѣло, однако прежде него можетъ погибнуть, потому что она существуетъ въ видѣ гармоніи. Кебесъ,

правда, я думаю, уступаетъ мнѣ въ той мысли, что душа продолжительнѣе тѣла, однако остается для каждаго не яснымъ, душа воспользовавшись неоднократно многими тѣлами и оставивши наконецъ тѣло, не погибаетъ ли въ тотъ моментъ, и самое это не есть ли смерть—гибель для души, такъ какъ тѣло постоянно ничуть не перестаетъ погибать. Развѣ иное что, кромѣ этого, Симмій и Кевисъ, есть тѣ, что должно намъ разсматривать? Оба они согласились, что это такъ. Итакъ, сказалъ онъ, всѣ вы развѣ не принимаете всѣхъ прежнихъ утвержденій, или одни принимаете, а другіе нѣтъ? «Мы принимаемъ одни, а другіе нѣтъ». «Итакъ, сказалъ онъ, что вы думаете относительно извѣстнаго доказательства, чрезъ которое мы показали, что ученіе есть припоминаніе, и что, когда это такъ, наша душа необходимо должна пребывать гдѣ либо прежде, чѣмъ она заключится въ тѣло?» «Я, сказалъ Кевисъ, разъ удивительно какъ убѣжденъ былъ въ этой истинѣ и теперь я остаюсь при ней, какъ ни при какомъ другомъ доказательствѣ». «И дѣйствительно, сказалъ Симмій, и самъ я въ такомъ же состояніи, и я весьма удивился бы, если бы мнѣ относительно этого вопроса пришло на умъ что либо иное». «И Сократъ сказалъ: да необходимо тебѣ, другъ Фиванецъ, мыслить объ этомъ иначе, если остается у тебя та мысль, что гармонія есть вещь сложная, а душа, какъ нѣкая гармонія, составлена изъ напряженныхъ частей тѣла. Ибо ты не допустишь (въ мыслительномъ твоёмъ процессѣ),—какъ ты и говоришь,—чтобы гармонія была составлена раньше, чѣмъ существовали данныя, изъ которыхъ ей должно было составиться, или ты допустишь это въ доказательствѣ?»—»Никоимъ образомъ Сократъ, сказалъ Симмій“.

— Итакъ, замѣчаешь ли ты, сказалъ онъ (Сократъ), что приходится тебѣ говорить одно и то же, когда ты говоришь,

¹⁾ Сократъ говорить о незнаніи по вопросу, душа бессмертна, или нѣтъ.

съ одной стороны, что душа существуетъ, прежде чѣмъ она придетъ въ тѣло и образъ человѣка, а, съ другой стороны, что она составлена изъ элементовъ никогда не бывшихъ? Ибо гармонія у тебя не такая вещь, (какъ та) съ которою ты ее сравниваешь, но прежде возникаетъ лира, струны и образуются еще нестройныя звуки, но наконецъ изъ всего составляется гармонія, и исчезаетъ она также сперва. Какъ у тебя это утвержденіе согласуется съ тѣмъ?—Никоимъ образомъ, сказалъ Симмій.

— И однако, сказалъ онъ, если какой либо рѣчи, то въ особенности рѣчи о гармоніи прилично быть въ согласіи съ собою.—„Совершенно прилично, возразилъ Симмій.—Итакъ эта рѣчь у тебя не въ согласіи; но посмотри, какое изъ утверждений ты предпочитаешь утвержденіе ли, что ученіе есть припоминаніе, или что душа есть гармонія.—Я гораздо болѣе, Сократъ предпочитаю первое мнѣніе. Ибо это (первое мнѣніе) возникло у меня безъ доказательства чрезъ нѣкоторую очевидную вѣроятность, изъ чего у большинства людей вырабатываются мнѣнія. Я сознаю, что эти (мнѣнія), имѣющія для себя доказательство чрезъ обычную очевидность, обманчивы, и если кто ихъ не оберегается, то весьма легко сбивается съ пути, какъ въ геометріи, такъ и въ остальныхъ вѣдѣхъ наукахъ. Но мнѣніе относительно воспоминанія и обученія было высказано при помощи достовѣрнаго предположенія. Оно высказано было нѣкогда такъ: душа наша существовала даже прежде, чѣмъ пришла въ тѣло, все равно какъ ея сущность существуетъ, которая получаетъ названіе отъ того, что она есть. Я же какъ самъ въ себѣ увѣренъ, такъ и вѣрю, что мнѣніе мое доказалъ отъ себя достаточно и правильно. Слѣдовательно необходимо для меня, какъ кажется, по причинѣ этого ни отъ себя самого, ни отъ другаго не принимать утвержденія, что душа есть гармонія.

XLII. Но какъ, сказалъ Сократъ, обращаться съ этимъ? Не кажется ли тебѣ, что относительно этой гармоніи, или

другаго какого сопоставленія, прилично, чтобы оно находилось въ какомъ либо иномъ отношеніи, чѣмъ есть то, изъ чего она составлена? „Никоимъ образомъ“. „И не слѣдуетъ (просіке), думаю я, ни дѣлать что либо другое, ни терпѣть что либо другое помимо того, что она дѣлаетъ или терпитъ. „Онъ согласился съ этимъ“.—Итакъ не прилично, чтобы гармонія предшествовала тому, изъ чего она составлена, но чтобы слѣдовала“. „И съ этимъ положеніемъ онъ также согласился“.—„И такъ многого недостаетъ, чтобы гармонія эта двигалась въ противоположномъ состояніи, издавала звукъ, или какимъ либо другимъ образомъ противилась однимъ и тѣмъ же своимъ составнымъ элементамъ“.—„Конечно многого не достаетъ“. „Какъ далѣе? Не свойственно ли отъ природы, чтобы каждая гармонія была гармоніею въ такомъ видѣ, какъ она сложена (отъ природы)? „Этого я не понимаю, сказалъ Симмій“. „И если она болѣе сложна и является на болѣе высшей степени, насколько къ ней это идетъ, то не будетъ ли она гармоніей болѣею и вышею; при меньшемъ и нисшемъ настроеніи она не будетъ ли гармоніею болѣе нисшею и слабою? „Конечно“. „Не бываетъ ли такимъ образомъ съ душою то, чтобы одна душа по крайней мѣрѣ въ болѣе высшей степени и болѣе, или же въ меньшей степени и меньше, чѣмъ другая душа, была именно этимъ, именно душой?—„Никоимъ образомъ не бываетъ, возразилъ Симмій“.—„Теперь, сказалъ Сократъ: ну, отвѣчай ради Бога на это: объ одной душѣ говорятъ вѣдъ, что она имѣетъ разумъ и добродѣтель, о другой же, что она впадаетъ въ неразуміе и пошлость и бываетъ дурною? „И это говорятъ правильно?—„Конечно, правильно“.—„Какъ теперь кто либо изъ тѣхъ, кто и добродѣтель представляетъ гармоніею, будетъ изъяснять эти явленія въ душѣ, именно добродѣтель и низость? Снова не будетъ ли иной представлять другую гармонію или дисгармонію и затѣмъ, что одна, именно добрая, хорошо сложена и при такомъ своемъ сложеніи содержитъ въ себѣ другую гармонію,

а другая и сама нестройна и не имѣть въ себѣ другой гармоніи“.— „Я ничего не умѣю возразить на это, отвѣтилъ Симмій; однако ясно, что тотъ, кто выставить это положеніе, выскажетъ приблизительно то же. Между тѣмъ, сказалъ онъ далѣе, прежде у насъ состоялось соглашеніе, что одна душа не болѣе и не менѣе другой бываетъ душою“.— „Но это не было ли у насъ соглашеніемъ къ тому, чтобы одна душа ни болѣе и не въ высшей степени, и ни менѣе и въ не меньшей степени была гармоніей сравнительно съ другою; не правда ли?“— „Конечно“.— Гармонія же, которая ничуть не выше и не ниже другой, по нашему соглашенію, настроена не выше и не ниже другой. Не такъ ли?“— „Такъ“.— „Но не можетъ ли имѣть большее или меньшее или только равное участіе въ гармоніи душа не выше и не ниже настроенная?“— „Правда“.— „И такъ когда одна душа ни болѣе ни менѣе, чѣмъ другая, бываетъ этимъ, именно душою, то не выше ли или ниже она настроена?“— „Такъ“.— Находясь же въ такомъ состояніи не можетъ ли участвовать ничуть не болѣе въ дисгармоніи или гармоніи?“— „Конечно, нѣтъ“.— „И далѣе находясь въ такомъ состояніи одна не будетъ ли болѣе другой причастна пороку или добродѣтели, если зло есть дисгармонія, а добродѣтель гармонія?“— „Никакъ не болѣе“.— „Лучше же сказать, Симмій, по правильному заключенію, никакая душа не будетъ участвовать во злѣ, если она есть гармонія; потому что, разумѣется, гармонія, будучи совершенно этимъ самымъ гармоніей—никогда не будетъ виѣщать дисгармонію“.— „Конечно нѣтъ“.— „А разумѣется душа, если она будетъ совершенно душой, то не будетъ участвовать во злѣ“.— „Какъ же по сказанному выше?“— „Да по этому разсужденію у насъ всѣ души всѣхъ живыхъ существъ одинаково будутъ хороши, если именно души отъ природы одинаково предназначены къ этому самому, чтобы быть душами“.— „Я думаю такъ, Сократъ, сказалъ онъ“.— «Не думаешь ли ты, сказалъ Сократъ, что так ое утверженіе хо-

рошо и изслѣдованіе не дойдетъ ли до этого, если правильно предположеніе, что душа есть гармонія“.— „Никкимъ образомъ не дойдетъ“.

XLIII. Что же далѣе? Изъ всего, что есть въ человѣкѣ, что иное, по твоимъ словамъ, господствуетъ, кромѣ души, особенно же разумной?— „Я думаю: ничего“.— Но душа господствуетъ, уступая ли желаніямъ тѣла, или даже тогда, когда сопротивляется имъ?— „Я думаю слѣдующее: если, напр., въ тѣлѣ есть жаръ и жажда, то душа увлекаетъ его (тѣло) къ противоположному—не пить; а если есть въ тѣлѣ голодь—не ѣсть. И мы видимъ безчисленное множество другихъ случаевъ, въ которыхъ душа противится влеченіямъ по позывамъ тѣла, или это не такъ?“— „Совершенно такъ“.— „И такъ развѣ мы не согласились въ предыдущей бесѣдѣ, что душа, если бѣ она была гармоніей, то она не могла бы напрягаться (играть) въ противность тѣмъ случаямъ, чрезъ которые она приходитъ въ напряженіе, или уступаетъ, или колеблется, или въ противность тому обстоятельству когда части, изъ которыхъ она состоитъ, испытываютъ какое либо иное состояніе, при чемъ она слѣдуетъ за ними и никогда не управляетъ ими?“— „Мы согласились въ этомъ, сказалъ Симмій; какъ же иначе?“— „А что же? Развѣ намъ теперь не кажется, что она производитъ совершенно противоположное, когда она управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, какъ нѣкто сказалъ, она состоитъ, и ему почти во всемъ цѣлую жизнь противустоитъ и господственно властвуетъ надъ всѣми обнаруженіями его, то наказывая строго, даже съ болями, какъ въ гимнастикѣ и во врачебномъ искусствѣ, то обращаясь кротко, то угрожая, то вразумляя, при обращеніи со страстями, проявленіями гнѣва и страха, подобно какъ другое ¹⁾ существо съ другимъ предметомъ? Какъ и Гомеръ изобразилъ въ Одиссеѣ, тамъ, гдѣ онъ го-

¹⁾ У Ксенофонта, въ Киропедіи VI, 1, 41 есть болѣе рѣзкій разсказъ о душѣ разумной и чувственной человѣка.

ворить про Одиссея: ¹⁾ „Но онъ билъ грудь и уговаривалъ сердце словами: терпи, сердце, ты вынесло нѣкогда иное, болѣе горькое“. Полагаешь ли ты, что онъ воспѣлъ бы это, если бы онъ думалъ о душѣ какъ гармоніи, при томъ способной быть управляемой страстями тѣла, но не способной направлять ихъ и господствовать надъ ними, и о ней какъ болѣе божественномъ существѣ, ни съ какою гармоніей не сравнимой?—„Клянусь Зевсомъ, мой Сократъ я принимаю послѣднее“.—„И такъ, почтеннѣйшій, для насъ ни въ какомъ случаѣ не хорошо говорить о душѣ, какъ о нѣкоторой гармоніи. Ибо, какъ кажется, мы не могли бы согласиться ни съ божественномъ поэтомъ Гомеромъ ²⁾, ни съ самими собою“. „Это такъ, сказалъ Симмій“.

XLIV. Пусть будетъ, сказалъ онъ, Сократъ, что Оиванская гармонія ³⁾, какъ очевидно, у насъ мило и стройно слажена; но какъ же теперь съ Кадмомъ, мой Кевисъ, сказалъ Сократъ, какъ и какою рѣчью мы удоволимъ его (ίλασόμεθα)? „Мнѣ кажется, замѣтилъ Кевисъ, ты найдешь это (т. е. ключъ къ разрѣшенію этого вопроса“). По крайней мѣрѣ это доказательство, что касается гармоніи, ты удивительно хорошо провелъ сверхъ моего ожиданія. Ибо въ то время какъ Симмій говорилъ, что относительно этого онъ находится въ сомнѣніи, для меня было очень удивительно, если бы кто взялся опровергнуть его разсужденіе; поэтому мнѣ представлялось очень страннымъ, что онъ не

¹⁾ Odys. 20, 14 и 18 стхх.

²⁾ Платонъ одинъ изъ усерднѣйшихъ почитателей Гомера; онъ называетъ послѣдняго въ діалогѣ Лисій 214, отцомъ и руководителемъ въ мудрости.

³⁾ Мы достаточно ниспровергли возраженіе Симмія, или, какъ объясняетъ Ф. А. Wolf: съ прекрасною женщиною „Гармонією изъ Оивъ, откуда былъ Симмій, мы раздѣлялись аккуратно, но что сказать о супругѣ царя Кадма (т. е., о рѣчи Кевиса)? Здѣсь сравненіе обоихъ Оиванскихъ друзей съ прославленною послѣ смерти царственною четою Кадма и Гармоніи.

выдержалъ перваго натиска твоего возраженія. Я же не могъ дивиться, если бы возраженіе Кадма подверглось тому же самому. „Почтеннѣйшій, сказалъ Сократъ, не говори смѣло, чтобы неблагоприятная сила не извратила нашего разсужденія, готоваго высказаться. Но это въ волѣ Божіей, а мы подойдя ближе, по Гомеровски, попробуемъ, не скажешь ли ты чего либо (дѣльнаго)? Главная точка того, что ты теперь изслѣдуешь, такова: ты признаешь за важное, чтобы доказана была мысль, что наша душа непричастна гибели и безсмертна. Если философъ готовъ на смерть, при утѣшительномъ ожиданіи, что онъ по смерти по ту сторону (гроба), будетъ несравненно счастливѣе, чѣмъ если бы онъ оканчивалъ послѣ другаго образа жизни, то онъ отдается не безразсудной и глупой увѣренности. Но если показываютъ, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, и существовала еще прежде, чѣмъ мы стали людьми, то все это, говоришь ты, ничуть не препятствуетъ тому, чтобы показать, съ одной стороны, безсмертіе души, а, съ другой, что душа есть нѣчто долговременное и была когда то прежде безконечно долгое время и знала многое и совершала, но при этомъ она ничуть не была безсмертною; напротивъ самое вшествіе ея въ тѣло человека было для нея началомъ ея гибели, подобно тому какъ и болѣзнь; и вотъ она проводитъ эту жизнь, терпя страданія, и наконецъ въ такъ называемой смерти погибаетъ. Нѣтъ никакой разницы утверждаешь ты, возвращается ли она разъ въ тѣло, или много разъ по крайней мѣрѣ по вопросу о боязни каждаго за себя; ибо относится ко всякому опасенію, буде онъ не неразуменъ,—какъ бы не остаться въ невѣдѣніи и въ невозможности дать себѣ доказательства того, что онъ безсмертенъ. Это, я думаю, Кевисъ, почти то, что ты говоришь; и я нарочито это часто повторяю, чтобы ничего отъ насъ не ускользнуло, и чтобы ты, если что желаешь, то

¹⁾ По обычаю Гомеровскихъ героевъ, смѣло и мужественно.

прибавилъ бы, или же отнялъ“.—И Кевисъ отвѣтилъ: да и въ настоящее время не въ силахъ что-либо отнять или прибавить (собств.: ни отнимать, ни прибавлять); но это именно то, что я говорю.

XLV. Послѣ того какъ Сократъ продолжительное время внутри себя подержалъ и взвѣсилъ нѣчто въ умѣ, онъ сказалъ: ничуть не легкаго дѣла ты требуешь (ζητεῖν); ибо намъ вообще должно точно изслѣдовать о причинѣ рожденія и исчезновенія. Потому я расскажу тебѣ, если желаешь, о моихъ собственныхъ опытахъ. Затѣмъ, если что для тебя окажется полезнымъ изъ того, о чемъ я говорю, для убѣжденія тебя въ томъ, о чемъ ты говоришь, то ты этимъ можешь воспользоваться.—„Конечно я желаю этого, сказалъ Кевисъ.“—„Итакъ слушай меня, такъ какъ я намѣренъ тебѣ разсказать. Я, Кевисъ, будучи молодымъ, сказалъ Сократъ, удивительно какъ желалъ той мудрости, которую называютъ знаніемъ природы; ибо это мнѣ казалось дѣломъ возвышеннымъ—знать причину каждаго явленія, почему оно бываетъ, отчего погибаетъ, и для чего существуетъ, и часто я колебался туда и сюда въ мысляхъ, когда я размышлялъ приблизительно о томъ: теплота и холодъ не тогда ли, когда испытываютъ нѣкоторое сотрясеніе, производятъ живыя существа, какъ замѣчаютъ нѣкоторые? Не есть ли то кровь, чрезъ что мы мыслимъ, или это воздухъ, или огонь, или ничто изъ этого; а мозгъ, который доводитъ до насъ (сознанія нашего) наблюденія слуха, зрѣнія, запаха, и не возникаетъ ли тогда изъ этихъ наблюденій воспоминаніе, представленіе, а изъ воспоминаній и представленій, если они находятся въ спокойномъ состояніи, не возникаетъ ли такимъ путемъ и познаніе? Когда затѣмъ снова и разсуждалъ о преходимости вещей въ природѣ, объ измѣняемости неба и земли, то мнѣ показалось наконецъ, что я не способенъ къ такого рода изслѣдованію, такъ что изъ рукъ вонъ (ὡς οὐδὲν χρήμα). Я же тебѣ въ пользу этого выскажу достаточное доказательство. Я чрезъ мое изслѣдо-

ваніе относительно того, что я прежде, какъ мнѣ и другимъ казалось, въ точности узналъ,—оказался столь не точнымъ, что я не зналъ даже то, о чемъ прежде думалъ, что зналъ, относительно многихъ другихъ предметовъ и также относительно того, отъ чего человѣкъ дѣлается великимъ (растетъ). Ибо прежде я вѣрилъ, что всякому очевидно, что растетъ отъ того, что онъ ѣстъ и пьетъ. Когда же именно чрезъ пищу плоть присоединяется къ плоти и кость къ кости и такимъ образомъ въ той же самой пропорціи и къ каждымъ остальнымъ частямъ присоединяется свойственное имъ, тогда, я вѣрилъ, маленькая масса дѣлается вполнѣдствіи большею и маленькій человѣкъ такимъ путемъ становится великимъ. Таково было мое мнѣніе тогда; кажется ли тебѣ, что оно не сообразно? „Я думаю такъ, отвѣтилъ Кевисъ.“—„Разсмотри же также и это. Вѣдь я считалъ достаточнымъ мнѣніе, что если высокій человѣкъ стоитъ подлѣ малаго, и точно также конь подлѣ коня, то онъ кажется великимъ въ силу своей головы ¹⁾. И еще очевиднѣе этого то, что, какъ мнѣ кажется, 10 болѣе 8, потому что прибавлено къ нему 2, и вещь въ два локтя больше вещи въ одинъ локоть, потому что превосходить ее на половину. А теперь, сказалъ Кевисъ, что ты думаешь объ нихъ? „Клянусь Зевсомъ, я далеко нахожусь отъ того, чтобы думать, будто я знаю причину этихъ явленій, такъ какъ я не согласенъ съ собою ни даже въ томъ, что если кто прибавитъ одну единицу къ единицѣ, то и единица, къ которой прибавлено, сдѣлается двойкой, или приложенная единица и та, къ которой приложено, по причинѣ приложенія одной къ другой станетъ двойкой. Ибо я дивлюсь тому, что, когда каждая изъ нихъ была въ отдѣльности другъ отъ друга, то та и другая была единицею и не было тогда двойки, а послѣ того какъ онѣ сблизились другъ съ другомъ, то это было для нихъ причиною, чтобы онѣ стали двойкой, т. е., чтобы

¹⁾ Въ силу или чрезъ, а не на голову.

произошло соединеніе ближайшаго ихъ расположенія другъ къ другу. Также, если кто раздѣлитъ единицу, то я не могу себя болѣе убѣдить, чтобы опять это, именно раздѣленіе было причиною возникновенія двойки; ибо причина возникновенія этой (второй) двойки противоположна, чѣмъ въ первомъ случаѣ (тотѣ); ибо въ первомъ случаѣ оно произошло отъ того, что единицы другъ къ другу придвинулись и одна съ другой сложились, а во второмъ случаѣ потому, что одна (часть) отдѣляется и удаляется отъ другой. И я не могу еще себя убѣдить въ томъ, что знаю, почему возникаетъ единица; и словомъ ничуть не могу понять по этому роду изслѣдованія: почему возникаетъ другой предметъ, уничтожается, или существуетъ, но я самъ по догадкѣ (для рѣшенія своего вопроса) ищу инаго способа, (рѣшенія вопроса), а ни въ какомъ отношеніи не допускаю втораго способа (бывающаго при вычисленіи).

XLVI. Но однажды услышавъ отъ нѣкоего человѣка, читавшаго, какъ онъ замѣтилъ, изъ книги Анаксагора и утверждавшаго, что умъ (Божественный) приводитъ въ порядокъ, и есть причина всего, я обрадовался этой причинѣ, и мнѣ показалось, что нѣкоторымъ образомъ хорошо утверждается, что умъ есть творецъ всего, и я думалъ, что если это такъ, то управляющій умъ и благоустраиваетъ все и каждую вещь ставитъ тамъ, гдѣ она оказывается наилучшею. Итакъ, если бы иной пожелалъ найти относительно каждой вещи (въ природѣ) причину, какъ она возникаетъ, исчезаетъ или существуетъ, то ему должно бы найти относительно нея, гдѣ ей всего лучше быть, или что испытывать или дѣлать; на основаніи этого соображенія человѣку въ разсужденіи самаго себя и всего остальнаго ни на что другое свойственно обращать вниманіе, какъ на то, что есть самое высшее и самое лучшее ¹⁾. Но необходимо, что-

¹⁾ Потому что основою вещей или явленій въ природѣ можетъ быть только добро, или съ сознаниемъ правящій божественный Разумъ.

бы тотъ же самый человѣкъ зналъ и худшее, ибо знаніе касающееся того и другаго есть одно и тоже. Размышляя объ этомъ я съ радостію думалъ, что нашелъ согласно съ моимъ намѣреніемъ въ Анаксагорѣ учителя по вопросу о причинѣ всего сущаго, и полагалъ, что онъ сначала скажетъ мнѣ о землѣ, плоска она, или кругла, и когда скажетъ это, то, думалъ я, объяснить мнѣ причину и необходимость этого, услѣдивъ лучшее, и также и то, почему лучше для нея было, чтобы она была такова. Также если бы онъ сказалъ, что земля находится въ срединѣ, то я думалъ, что онъ объяснитъ мнѣ, отчего для нея лучше (было) находится въ срединѣ; и если бы онъ объяснилъ это, то я готовъ бы былъ уже не желать другаго вида причины. И я имѣлъ готовность узнать точно также отъ него о солнцѣ, о лунѣ и о прочихъ созвѣздіяхъ, объ ихъ быстротѣ въ сравненіи другъ съ другомъ, объ ихъ обращеніяхъ и остальныхъ ихъ явленіяхъ, и о томъ, гдѣ для каждаго (тѣла) лучше дѣлать и испытывать то, что оно испытываетъ. Ибо я никогда не повѣрилъ бы, что онъ будучи того мнѣнія, что эти явленія (природы) благоустроены Разумомъ, приведетъ для нихъ какую-либо иную причину, кромѣ той мысли, что весьма прекрасно, что они существуютъ такъ, какъ существуютъ. Итакъ если онъ приводилъ для каждаго явленія въ отдѣльности и для всѣхъ вообще причину, то я полагалъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изобразитъ и то, что для каждаго есть самое лучшее и для всѣхъ составляетъ общее благо. И я не придавалъ бы большей цѣны моимъ надеждамъ, (въ данномъ случаѣ), но я весьма старательно взявши книги, какъ можно скорѣе, прочиталъ бы, дабы наискорѣйшимъ способомъ узнать самое лучшее и худшее.

XLVII. Однако я, другъ, быстро отшатнулся отъ блестящей моей надежды, послѣ того, какъ двигаясь впередъ при чтеніи призналъ человѣка, который вовсе не пользуется умомъ и никакихъ причинъ для упорядочиванія вещей не приводитъ; но признаетъ причиною ихъ явленія движенія

воздуха, эфира, воды и другое многое необычайное. И мнѣ казалось, что онъ испытываетъ весьма сходное съ тѣмъ, кто утверждалъ, что Сократъ все, что онъ дѣлаетъ, совершаетъ своимъ умомъ, и затѣмъ взявши на себя задачу раскрыть причины каждаго дѣла, которое я совершаю, сказалъ бы, что я сижу здѣсь по той причинѣ, что мое тѣло состоитъ изъ костей и нервовъ, и потому что кости тверды и снабжены расчлененіями, которыя ихъ раздѣляютъ другъ отъ друга, а нервы способны натягиваться и уменьшаться, опутывая кости вмѣстѣ съ мясомъ и кожею, которая и содержитъ ихъ всѣ. Теперь, такъ какъ кости въ своихъ составкахъ поднимаются, то ослабѣвающія и натягивающія ихъ жилы такъ дѣйствуютъ, что я теперь въ состояніи согнуть свои члены и по этой причинѣ я сижу здѣсь согнутымъ, и снова относительно разговора нашего съ вами онъ могъ бы указать и другія подобныя причины, отмѣчая за таковыи голосъ, воздухъ, слухъ и тысячу другихъ вещей этого рода, опустивши изъ вниманія сказать о причинѣ дѣйствительной, именно: такъ какъ Аѳиняне оочли за лучшее подать голосъ противъ меня, то поэтому и мнѣ показалось за лучшее сидѣть здѣсь,—и за болѣе справедливое сидѣть здѣсь въ ожиданіи выдержатъ наказаніе, какое бы они ни положили. Ибо иначе, какъ я думаю, навѣрно ¹⁾ эти мои нервы и кости, влекомые ожиданіемъ лучшаго, давно бы очутились (ἦν) или въ Мегарѣ или въ Беотіи, если бы не считалъ я за справедливое и за лучшее, прежде чѣмъ убѣжать и скрыться, подпасть у государства подъ то наказаніе, которое оно опредѣлитъ. Но таковыя обстоятельства называть причиною (моего теперешняго состоянія) очень не умѣстно. А если бы кто сказалъ, что безъ имѣнія такого рода костей, нервовъ и всего другаго, что я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать то, что мнѣ заблагоразсудится, то онъ сказалъ бы правду; но если кто скажетъ, что чрезъ это я

¹⁾ Собств.: „клянусь собакою“, обычная формула завѣренія Сократа.

дѣлаю то, что дѣлаю и притомъ дѣйствую съ умомъ, но не при выборѣ самаго лучшаго (исполненія), то въ рѣчи его обнаружилось бы сильное и великое отсутствіе мысли. Ибо это значило бы не имѣть возможности различить, что есть иное—причина бытія, а иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Это, мнѣ кажется, большинство, какъ бы ища въ потемкахъ, называетъ не собственнымъ именемъ—причины. Поэтому одинъ допуская вокругъ земли водоворотъ, дозволяетъ землѣ оставаться подъ небомъ, другою даетъ ей, какъ широкую квашню, воздухъ для поддержки. А силы, чрезъ которую она (земля) такъ теперь утверждена, какъ она самымъ наилучшимъ образомъ можетъ быть утверждена—этой силы они не ищутъ, и не думаютъ, что она содержитъ въ себѣ нѣкоторую божественную мощь; напротивъ думаютъ отыскать Атланта ¹⁾, болѣе могущественнаго и безсмертнаго, чѣмъ это, который это все болѣе содержитъ, и вовсе не вѣрятъ, что поистинѣ Благо и Цѣлесообразность связываетъ это и содержитъ. Итакъ, я съ удовольствіемъ сталъ бы ученикомъ кого бы то ни было, чтобы узнать, въ какомъ положеніи содержится таковая причина. Но такъ какъ я чувствовалъ въ себѣ недостатокъ ея, и не могъ ни самъ отыскать ея, ни отъ другаго узнать, то, мой Кевисъ, сказалъ Сократъ, не желаешь ли ты, чтобы я изобразилъ вторую попытку къ отысканію (верховой) причины, которую я предпринялъ?—„Чрезвычайно хочу“, отвѣчалъ Кевисъ.

XLVIII. Итакъ мнѣ показалось, сказалъ онъ, что такъ какъ я истоцился при обсужденіи сущаго, то послѣ этого мнѣ должно остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ наблюдающіе и рассматривающіе затмѣніе солнца, ибо нѣкоторые при этомъ теряютъ зрѣніе, если они не смотрятъ на образъ солнца въ водѣ или въ чемъ либо по-

¹⁾ Атлантъ—это титанъ, или гора, по мнѣнію Грековъ, на своихъ плечахъ поддерживавшая сводъ неба; съ нимъ сравнивается Божественная сила.

добномъ. И я подумалъ приблизительно такъ и убоился, какъ бы я не ослѣпъ совершенно по душѣ, если буду разсматривать вещи своими глазами и если буду стараться касаться ихъ каждымъ изъ своихъ чувствъ. И мнѣ показалося за нужное, прибѣгнувъ къ разсужденіямъ, среди нихъ искать истину существующаго. Это, можетъ быть, въ извѣстномъ отношеніи не сходно съ тѣмъ, съ чѣмъ я это сравниваю. Ибо я отнюдь не соглашаюсь, чтобы тотъ, кто разсматриваетъ вещи въ понятіяхъ или идеяхъ, разсматривалъ ихъ больше въ образахъ, чѣмъ тотъ, кто созерцаетъ ихъ на дѣлѣ. Итакъ я такимъ путемъ иду теперь къ дѣлу и предполагаю для каждаго случая въ основѣ понятіе, которое я считаю за самое сильное, и что, мнѣ кажется, въ отношеніи къ причинѣ и ко всему прочему, съ этимъ понятіемъ согласуется, то принимаю за истину, а что не согласуется, то считаю за не истину; но я желаю рассказать тебѣ яснѣе то, „о чѣмъ я думаю, ибо я думаю, что ты еще и теперь не понимаешь“. „Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не принимаю правильно.

XLIX. Теперь, продолжалъ Сократъ, я этимъ не говорю ничего новаго, но говорю то, что я не переставалъ говорить и въ иное время и всегда, въ предшествующей рѣчи. Ибо я обращаюсь къ опыту, показать тебѣ то понятіе причины, которое я себѣ составилъ, и при этомъ обращаюсь къ тому, о чемъ часто повторялъ, и начинаю съ того же, принявши за основной тезисъ, что есть нѣчто само въ себѣ прекрасное, доброе, великое и многія представленія подобнаго рода. Если ты со мною соглашаешься и допускаешь, что это такъ, то я подѣюсь на основаніи этого показать и раскрыть причину того, что душа бессмертна. „Но, сказалъ Кевисъ, не прежде ты это исполни въ томъ соображеніи, что я тебѣ даю (т. е., не медли исполнить, ибо я тебѣ уступаю). Такъ разсматривай, сказалъ Сократъ, кажется ли тебѣ ближайшій выводъ изъ этого столь же истиннымъ, какъ мнѣ. Ибо мнѣ кажется, если есть какая либо другая красота кромѣ кра-

соты самой въ себѣ, то она есть красота не по какой либо другой причинѣ, какъ только потому, что она принимаетъ участіе въ томъ (основномъ) прекрасномъ, и все такъ я говорю. Допускаешь ли ты этотъ (общій) родъ причины? „Допускаю“, сказалъ Кевисъ. „Итакъ, сказалъ онъ, я не понимаю болѣе тѣ другія, столь высшія (собств. мудрыя) причины и не могу понять, но если кто мнѣ скажетъ, почему какой либо предметъ прекрасенъ, потому ли что онъ имѣетъ красивую краску или видъ, или что либо иное изъ такого подобнаго, то я оставляю остальные причины такъ себѣ, ибо я чрезъ все остальное только сбиваюсь и держусь твердо въ себѣ, притомъ просто, естественно, и быть можетъ, простодушно — того взгляда, что ничто другое не сообщаетъ красоты самой въ себѣ, какъ присутствіе этого прекраснаго и сообщеніе съ нимъ, какимъ бы то путемъ и для какой бы то ни было цѣли оно ни являлось. Ибо я не утверждаю еще этого, а только то, что все прекрасное дѣлается прекраснымъ благодаря прекрасному. Это именно мнѣ кажется есть самый твердый отвѣтъ и для меня и для лица сторонняго, и придерживаясь его, я думаю, что никогда не спотыкнусь и безопасно буду отвѣчать себѣ и кому либо другому, что прекрасное прекрасно чрезъ прекрасное же, или тебѣ это не приходитъ на мысль? „Точно такъ“. И не чрезъ великое ли великое велико и возвышенное высоко, подобно какъ чрезъ малость маленькія вещи малы? „Да!“ Поэтому ты не допустишь, если кто тебѣ скажетъ о комъ либо, что тотъ по головѣ выше другаго и по тому же самому меньшій меньше; но ты засвидѣтельствуешь, что ты (этимъ) сказалъ ничто иное, какъ то, что все больше другаго не чрезъ иное что, какъ чрезъ величину и больше именно чрезъ эту величину, и малое ни чрезъ что другое меньше, какъ только чрезъ малость, и мало по причинѣ этого, именно малости — засвидѣтельствуешь изъ опасенія, полагаю, какъ бы тебѣ не встрѣтился противоположный взглядъ, именно если ты утверждаешь, что буде кто по

головъ меньше или больше, то утверждаешь, во первыхъ, потому что чрезъ одно и тоже большее больше и малое меньше; во вторыхъ, потому что чрезъ голову, которая мала, большее становится большимъ, и то вызываетъ удивленіе, буде иной больше чрезъ что-либо меньшее. Или ты этого не опасаясь? „Опасаясь, сказалъ Кевисъ, засмѣявшись. „Ты такимъ образомъ, сказалъ Сократъ, не боишься ли высказать, что 10 больше 8-ми двумя и что оно превосходитъ по этому основанію, а ничуть не чрезъ множество и по причинѣ множества? Не побоишься ли ты сказать, что пространство въ два локтя больше пространства въ одинъ локоть на половину, но не объемомъ? ибо и здѣсь тоже опасеніе. „Конечно“, сказалъ Кевисъ. „Какъ же? Развѣ ты не остережешься говорить, что если единица прибавлена къ единицѣ, то прибавленіе есть причина того, что произошло два; или если единица раздѣлена, то раздѣленіе есть причина возникновенія двойки и ты громко заявилъ бы, что ты не знаешь, возникаетъ ли каждая особо какъ нибудь иначе, какъ только чрезъ участіе каждой въ собственной своей сущности, именно той, въ которой участвуетъ, и такимъ образомъ ты нашелъ бы, что въ этомъ случаѣ не имѣешь никакой другой причины возникновенія двойки кромѣ участія въ двойкѣ и неминуюемо, чтобы въ этомъ участвовало то, что намѣрено быть двойкой, какъ неизбежно участіе въ единицѣ тому, что должно быть единицей. Но всѣ такіа дѣленія и прибавленія и подобныя тонкости ты не оставилъ ли бы, и не предоставилъ ли бы отвѣчать на нихъ тѣмъ, которые мудрѣе тебя? А ты изъ страха предъ своею тѣнію и неопытноію, придерживаясь этого твердаго основанія (въ разговорѣ), далъ бы отвѣтъ такимъ образомъ? И если бы кто сталъ опровергать твое основаніе, то ты развѣ не оставилъ ли бы его безъ отвѣта, пока не оцѣнилъ бы выводовъ, дѣлаемыхъ на этомъ основаніи, кажутся ли они согласными между собою, или противорѣчатъ. Но когда бы долженъ былъ дать отчетъ о самомъ этомъ основаніи, то

ты тѣмъ же самымъ образомъ его далъ бы, предполагая именно другое основаніе, которое ты считаешь за самое лучшее среди высшихъ, пока ты не пришелъ бы къ чему нибудь достаточному, а вмѣстѣ съ тѣмъ ты не произвелъ ли бы смѣшенія, какъ дѣлаютъ спорщики, въ разговорѣ допуская скачки то къ началу его, то къ слѣдствіямъ изъ него, если бы ты желалъ найти что-либо относительно сущности предметовъ? Вѣдь у нихъ пожалуй совершенно не бываетъ никакой рѣчи и никакой мысли объ этомъ. Ибо они способны вслѣдствіе своей мудрости къ тому, чтобы, спутавъ все вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе располагать возможностью нравиться себѣ. Но если бы ты принадлежалъ къ ряду философовъ, то, думаю, ты поступилъ бы такъ, какъ я говорю. „Ты говоришь совершенную истину“, сказалъ Симмій и вмѣстѣ съ нимъ Кевисъ.

Ех. Клянусь Зевсомъ, Федонъ, справедливо они сказали; ибо мнѣ думается, что удивительно какъ ясно высказалъ Сократъ это — даже для человѣка имѣющаго малый смыслъ.

Фед. Конечно, Ежекратъ, и всѣмъ присутствующимъ казалось такъ.

Ех. Точно также представлялось намъ отсутствующимъ, а теперь слушающимъ. Но что было сказано за этимъ?

Л. Фед. Когда съ нимъ въ этомъ согласились и допустили, что каждая изъ идей есть нѣчто важное и что вслѣдствіе участія въ нихъ остальные предметы сохраняютъ отъ нихъ свои названія, тогда онъ, какъ я вѣрю, спросилъ слѣдующее: если ты, сказалъ онъ, объ этомъ думаешь такъ, то развѣ не думаешь, когда утверждаешь, что Симмій больше Сократа, а Федона меньше, что въ Симмій находится и то и другое — величина и малость? „Думаю, конечно“. — Но допустишь ли ты, продолжалъ онъ, что мысль, будто Симмій превышаетъ Сократа, не такъ вѣрна въ дѣйствительности, какъ говорится на словахъ? Вѣдь не свойственно отъ природы Симмію выдаваться предъ Сократомъ по тому, что онъ Симмій; но онъ выше его благодаря величинѣ, которую онъ

какъ разъ имѣеть. Съ другой стороны, Симмій выше Сократа не потому, что Сократъ есть Сократъ, но потому что Сократъ имѣеть малорослость сравнительно съ ростомъ его (Симмій). — „Правда“. — И снова онъ (Симмій) превосходитъ въ ростѣ Федонъ не потому, что Федонъ есть Федонъ, но потому что Федонъ великъ въ сравненіи съ малостію Симмія.

— Это такъ. — Поэтому слѣдовательно Симмій получаетъ названіе малаго и великаго отъ того, что, находясь въ срединѣ между обоими, превышаетъ величиною одного, выдаваясь предъ нимъ малостію, допуская для другаго величину, выдающуюся своею малостію. И вмѣстѣ съ тѣмъ засмѣявшись Сократъ сказалъ: видимо и я, сказалъ онъ, старался говорить документально, но однако дѣло состоитъ такъ, какъ я говорю. — Онъ согласился. — Но я говорю изъ-за того, что желаю, чтобы и тебѣ представилось то, что и мнѣ. Именно для меня ясно, что не только величина сама въ себѣ никогда не хочетъ быть вмѣстѣ великою и малою, но и то, что, находящаяся въ насъ, величина никогда не принимаетъ малости и не хочетъ выдаваться ею, но является одно изъ двухъ: или она бѣжитъ и удаляется, когда къ ней приближается противоположное — малость, или, если эта привходитъ, то она — величина исчезаетъ; но принимая и перенося малость, она не желаетъ быть другимъ, чѣмъ была прежде, подобно тому какъ и я, принявъ и перенося уменьшенность и будучи всетаки такимъ, каковъ есть, остаюсь именно тѣмъ же самымъ малымъ; а она (величина) будучи великою, не осмѣливается быть малою. Точно также и малость, которая въ насъ, не желаетъ никогда ни быть ни являться великою, и не желаетъ быть ни чѣмъ другимъ изъ противоположныхъ понятій, но оставаясь тѣмъ, чѣмъ была, не желаетъ въ то же время явиться или быть противоположностію, но дѣйствительно или удаляется или исчезаетъ при этомъ измѣненіи. — Совершенно такъ, сказалъ Кевисъ, представляется и мнѣ дѣло.

III. И нѣкто изъ присутствующихъ—не помню точно, кто былъ, услыхавъ это, сказалъ: во имя боговъ, развѣ въ предшествующемъ нашемъ разговорѣ не принято было прямо противоположное тому, что теперь говорится, что именно изъ меньшаго происходитъ большее и изъ большаго меньшее, и что естественно это возникновеніе изъ противоположности есть произведеніе противоположности? А теперь мнѣ кажется говорится, что этого никогда не можетъ быть. Сократъ, наклонивъ голову и прислушиваясь сказалъ: ты твердо удержалъ это въ памяти; всетаки ты не замѣчаешь разницы между сказаннымъ теперь и тогда. Ибо тогда говорилось, что изъ противоположной вещи бываетъ вещь противоположная, теперь же говорится, что самая противоположность никогда не можетъ сдѣлаться противоположною себѣ, ни та противоположность, которая находится въ насъ, ни та, которая въ природѣ. Ибо тогда, любезный, мы говорили о предметахъ, имѣющихъ противоположность, называя эти предметы ихъ именемъ, теперь же о томъ самомъ, отъ чего, какъ находящагося внутри, все называемое имѣеть свое названіе. И мы никогда бы не сказали, что тѣ самые предметы желаютъ заимствовать происхожденіе другъ отъ друга. Въ то же время онъ (Сократъ) посмотрѣлъ на Кевиса и спросилъ: развѣ не обеспокоило тебя, Кевисъ, нѣчто изъ того, что этотъ говорилъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ Кевисъ, такъ теперь я уже не въ такомъ положеніи, впрочемъ я ничуть этимъ не говорю, что меня не обеспокоиваетъ многое. — Итакъ мы согласились, сказалъ онъ, просто въ томъ, что противоположность никогда не будетъ противоположностію себѣ. — Вполнѣ, отвѣтилъ онъ.

III. Разсмотри еще для меня и слѣдующее, не согласишься ли ты на это. Называешь ли ты что либо тепломъ или холодомъ? — Да. — Развѣ не то, что называютъ огнемъ и снѣгомъ?

— Клянусь Зевсомъ, я не называю. — Но теплота вѣдь есть нѣчто другое, чѣмъ огонь, и холодъ нѣчто иное, чѣмъ

снѣгъ? — Да! — Но я по крайней мѣрѣ полагаю, что это ты думаешь, что снѣгъ, какъ такой, принявши въ себя теплоту, какъ мы говорили въ предшествующемъ разговорѣ, никогда не будетъ уже тѣмъ, чѣмъ былъ, снѣгомъ и тепломъ, но когда приближается къ нему теплота, то онъ или уступитъ ей, или исчезнетъ. — Совершенно такъ — И огонь, съ другой стороны, если къ нему приближается холодъ, или незамѣтно отступитъ, или исчезнетъ, однако, принявъ холодъ, никогда не можетъ быть еще тѣмъ, чѣмъ былъ, именно огнемъ, и охладится. — Ты говоришь правду, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, заключилъ Сократъ, относительно нѣкоторыхъ изъ такого рода предметовъ дѣло обстоитъ такъ, что не только само понятіе требуетъ на всякое время своего собственнаго названія, но и есть нѣчто другое, что хотя есть не оно само, но всетаки отъ него получаетъ форму, насколько оно существуетъ. Но въ слѣдующемъ, можетъ быть, еще будетъ яснѣе то, о чемъ я говорю. Нечету должно ли всегда сохранять то имя, которое мы ему даемъ, или нѣтъ? — Конечно. — Развѣ этотъ одинъ существуетъ изъ всего, что есть, ибо объ этомъ я теперь спрашиваю, или есть нѣчто другое, что правда не то что — нечетъ, но что однако должно всегда называться вмѣстѣ съ упоминаніемъ о немъ, потому что оно отъ природы создано такъ, что никогда не отдѣляется отъ нечета? Я разумѣю подъ этимъ то, что испытываетъ и число три (троица) и многое другое. Разсуди же о числѣ три (троицѣ). Развѣ ты не думаешь, что оно всегда должно называться столько же своимъ собственнымъ именемъ, сколько и именемъ нечета, хотя оно не есть то, что три? А между тѣмъ и число три и число пять и всякая половина числоваго рода отъ природы таковы, что хотя оно не то, что нечетъ, однако каждое изъ нихъ есть нечетъ. И, съ другой стороны, число два и число четыре и всякій другой рядъ чиселъ, хотя не то, что равенство (четъ), однако каждое изъ нихъ всегда равно. Соглашаешься ты со мною въ этомъ, или нѣтъ? Какъ же нѣтъ? — сказалъ онъ. —

такъ посмотри на то, что я желаю изъяснить. Это именно слѣдующее: не только тѣ противоположныя понятія видимо принимаютъ другъ друга, но и все то, что, хотя не противоположно другъ другу, однако всегда въ себѣ имѣетъ противоположность, всетаки кажется не принимаетъ той идеи, которая противоположна находящемуся въ немъ понятію, но если это (последнее) приближается, то оно исчезаетъ, или отдѣляется отъ него. Или мы не будемъ утверждать, что три исчезнетъ и нѣчто иное испытаетъ скорѣе, чѣмъ потерпитъ, чтобы, оставаясь тремя, оно сдѣлалось четомъ? — Конечно, вѣчалъ Кевисъ. — И однако, сказалъ онъ, число два не противоположно числу три? — Никкимъ образомъ. — Слѣдовательно, не только противоположныя понятія не терпятъ никакого сближенія, но и нѣчто другое не выдерживаетъ сближенія противоположности. — Очень вѣрно, сказалъ Кевисъ, то, о чемъ ты говоришь.

III. Итакъ желаешь ли ты, сказалъ онъ далѣе, чтобы мы опредѣлили, если можемъ, что это за вещи? — Очень охотно желаю. — Не будутъ ли, сказалъ онъ, это тѣ вещи, Кевисъ, которыя нудятъ каждый предметъ, который бы онѣ восприняли, не только держать самому свою идею, но и же идею какого нибудь предмета постоянно ему противоположнаго? — Какъ ты думаешь объ этомъ? — Такъ, какъ мы только что говорили, ибо ты вѣроятно знаешь, что все, что держитъ понятіе трехъ, необходимо должно быть не только тремя, но и должно быть нечетомъ? — Справедливо. — Къ новымъ то предметамъ, мы говоримъ, никогда не подойдетъ понятіе, которое противоположно той формѣ, чрезъ которую оно осуществляется. — Конечно нѣтъ. — Но осуществилась въ нихъ дѣйствительно идея нечета? Да. — А противоположна ей идея чета? — Да. — Въ число *три* слѣдовательно понятіе *чета* никогда не входитъ? — Ничуть, рѣшается. — Три слѣдов., неучастливо въ четъ? — Неучастливо. — Слѣдов., три — нечетъ? — Да. — Слѣдовательно, то, о чемъ я думалъ опредѣлить, касается вопроса: что за вещи,

которыя не будучи противоположными чему нибудь другому всетаки не допускаютъ къ себѣ самой противоположности какъ напр., число три, не будучи противоположнымъ чему однакожь всетаки не принимаетъ его, потому что оно всегда влечетъ за собою противное и число два влечетъ противное нечету, и огонь противное холоду, какъ во многихъ и другихъ случаяхъ. Но ты посмотри, составивъ ты опредѣленіе такъ: противоположность не только не принимаетъ противоположности, но даже и того, что къ какому (извѣстной) вещи, къ которой только ни приближается, влечетъ противоположное ей, а само то, что привлекаетъ, когда не допустить противоположности того, что привлекается. Но теперь опять приведи на память слѣдующее ибо не худо часто слушать о дѣлѣ. *Пять* не допустить понятіе чета и *десять*,—число двойственное отъ перваго, допустить понятіе нечета. Двойное число (это), хотя противоположно другому ¹⁾ (пяти), однако не допустить понятіа чета. И полуторное число и остальные числа такого же рода какъ половина, третья часть и всѣ другія (дробныя) числа не допускать понятіа цѣлаго, если ты именно слѣдуешь и составляешь опредѣленіе вмѣстѣ со мною. — Я совершенно согласенъ, сказалъ Кевисъ, съ тобою и слѣдую тебѣ.

LIV. Скажи же мнѣ такимъ образомъ еще разъ, сказалъ Сократъ, сначала, и не отвѣчай словами вопрошающему, но отвѣчай подражая мнѣ. Но я говорю такъ, потому что при томъ опредѣленномъ отвѣтѣ, который я выше высказалъ, я вижу на основаніи только что выдуманнаго другое опредѣленіе. Именно, если бы ты слышалъ меня, что должно произойти въ какомъ либо тѣлѣ

¹⁾ Десятница противна не формѣ нечета, а только виду его—четырнадцатому, которое есть нечетное; однакожь уже и поэтому оно можетъ сдѣлаться нечетомъ. Такимъ же образомъ половина, третья часть и проч., хотя не противны цѣлому, такъ какъ цѣлое противно частямъ, однакожь не принимаютъ въ себя цѣлаго, но удаляются отъ его формъ. Замѣчанія проф. Карпова.

чтобы оно было тепло, то не далъ ли бы я тебѣ тотъ общій и ненаучный отвѣтъ, что должна быть въ немъ теплота, но послѣ только что сказаннаго далъ бы отвѣтъ и болѣе изысканный, что долженъ быть въ немъ и огонь; и если бы ты спросилъ, что должно явиться въ тѣлѣ, чтобы оно заболѣло, то я не сказалъ бы, должно быть въ немъ показалась болѣзнь, но что должна быть въ немъ лихорадка; и на вопросъ: что должно быть съ числомъ, чтобы оно стало нечетомъ, я указалъ бы не на то, что въ немъ неминуемо долженъ быть нечетъ, но на то, что въ него должно вставить единицу и точно также во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ смотри, достаточно ли понялъ ты то, чего я желаю.— Да, совершенно достаточно.—Такъ отвѣчай, прибавилъ онъ, на вопросъ, что должно находиться въ тѣлѣ, чтобы оно было живо.— Въ немъ должна быть душа.— Итакъ развѣ это не всегда такъ бываетъ?— Какъ же не должно быть, возразилъ Кевисъ.— Вѣдь душа, чѣмъ бы она ни владѣла, къ тому она всегда устремляется, сообщая жизнь ¹⁾?— Правда устремляется, отвѣтилъ Кевисъ.— Но есть что либо противное жизни, или нѣтъ?— Есть нѣчто, замѣтилъ Кевисъ.— Что?— Смерть.— Душа слѣдовательно нигдѣ и никогда не допуститъ противоположности тому, что она каждый разъ сама приноситъ,—такъ вѣдь согласились мы на основаніи прежде признаннаго?— Да, и притомъ очень твердо, сказалъ Кевисъ.

LV. Какъ далѣе? то, что не допускаетъ понятіе чета, какъ мы теперь назвали?— Нечетомъ, отвѣтилъ Кевисъ.— Но какъ назвали не допускающее понятіа справедливости, а также то, что не принимаетъ понятіа образованности.— Последнее—

¹⁾ Эту свѣтлую мысль высказываетъ Камбизъ, Персидскій царь, въ словахъ: нѣтъ, дѣти мои, и никогда не былъ тѣхъ мыслей, чтобы душа жива была только, пока находится въ смертномъ тѣлѣ, и умрала съ удаленіемъ изъ него, потому что я вижу, что и смертное тѣло столько времени остается живымъ, сколько въ немъ пребываетъ душа. Ксеноф. Кироп. VIII. 7. 19.

невѣжествомъ, а первое несправедливостію.— Пусть такъ.— А какъ мы назовемъ то, что не допускаетъ смерти?— Безсмертнымъ,— отвѣтилъ Кевисъ.— И такъ развѣ душа не допускаетъ смерти?— Нѣтъ.— Слѣдовательно душа безсмертна?— Безсмертна.— Хорошо, сказалъ Сократъ; но скажемъ ли мы, что это доказано? или какъ ты на этотъ счетъ думаешь?— Мнѣ думается, Сократъ, весьма даже достаточно (показано).— Какъ теперь, Кевисъ? продолжалъ онъ. Если необходимо нечету быть непреходящимъ, то три могло ли быть чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ какъ непреходящимъ?— Какъ же нѣтъ?— А если и не имѣющему теплоты необходимо быть непреходящимъ, то развѣ въ случаѣ, когда кто либо приблизилъ теплоту къ снѣгу, тоснѣгъ не удалился ли бы будучи цѣлымъ и не растаявшимъ? Ибо снѣгъ всетаки не исчезъ бы и выжидая не воспринялъ бы теплоты.— Ты говоришь правду, возразилъ Кевисъ.— Точно также полагаю, огонь, если нехолодное непреходимо, когда къ нему приблизилось что либо холодное, никогда не погасъ бы и не исчезъ бы, но быстро отклонился бы въ цѣлости.— Необходимо такъ, сказалъ Кевисъ.— И такимъ способомъ не должны ли мы, спросилъ Сократъ, говорить о безсмертномъ? Если именно безсмертное также непреходимо, то душа, когда смерть приблизилась къ ней, не можетъ исчезнуть, ибо она по вышесказанному не приметъ смерти и не будетъ мертвою, равно какъ три, говорили мы, не будутъ четомъ, ни снова нечетъ — четомъ, ни огонь, ни вообще теплота въ огнѣ не будутъ холодными. Однако что препятствуетъ, могутъ сказать, тому, чтобы именно, какъ соглашено было нами въ предыдущемъ, нечетъ, при приближеніи чета, сталъ четомъ, но такъ чтобы, когда онъ исчезъ, то на его мѣстѣ появился бы четъ? Кто утверждалъ бы это, съ тѣмъ мы не могли бы спорить, что нечетъ не уничтожается; потому что нечетъ не есть ничто не гнущее. Да, если у насъ это соглашено, тогда мы легко рѣшили бы споръ утверждая то, что нечетъ и три, при

приближеніи чета, скоро удаляется и также въ отношеніи огня, теплоты и другихъ предметовъ мы точно также довели ли бы споръ до конца, или нѣтъ?— Да, вполне конечно.— И такъ теперь относительно безсмертнаго: если у насъ соглашено, что оно непреходимо, то и душа помимо того, что она безсмертна, также не преходима; а если нѣтъ, то нужно было бы другое доказательство.— Теперь, сказалъ Кевисъ, въ этомъ совершенно нѣтъ нужды, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ (собств. предметъ); ибо едва ли что другое не подлежитъ уничтоженію, если даже безсмертное, которое вѣчно, допускаетъ его.

LVI. А, думаю, что Богъ, продолжалъ Сократъ, и самая идея жизни, также буде что иное безсмертно, отъ всѣхъ могутъ быть признаны, никогда не преходящими.— Да, клянусь Зевсомъ, отъ всѣхъ людей, отвѣтилъ Кевисъ, а ктому же и еще болѣе, какъ я полагаю, отъ боговъ.— Такъ какъ теперь безсмертное въ то же время непреходяще, то что иное бываетъ и съ душою, если она безсмертна (τιτχάνει ούσα), и въ то же время неподвержена тлѣнію?— Вполнѣ необходимо, что такъ.— Если такимъ образомъ смерть къ человѣку подходитъ, то смертное, какъ кажется, умираетъ въ немъ, а безсмертное цѣлымъ и нетлѣннымъ быстро выходитъ изъ него, оставляя мѣсто смерти.— Очевидно.— Слѣдовательно, скорѣй всего, Кевисъ, сказалъ Сократъ, душа безсмертна и непреходяща, и въ самомъ дѣлѣ души наши будутъ въ подземномъ царствѣ.— И такъ я, Сократъ, сказалъ Кевисъ, не могу противъ этого ничего другаго говорить, ни не довѣрять какимъ либо образомъ твоимъ словамъ. Но если Симмій или кто другой что либо можетъ сказать, то хорошо дѣлаетъ, что не молчитъ; ибо я не знаю, на какой другой благоприятный моментъ, чѣмъ на настоящій, можетъ кто либо отерочить это, желая что либо сказать или послушать о таковыхъ предметахъ (разсужденія).— Да, правда, возразилъ Симмій, я самъ не умѣю, какимъ образомъ послѣ всего сказаннаго не довѣрять это-

му. Однако по важности предмета, о которомъ идетъ рѣчь, я и при презрѣннйи чловѣческой слабости принужденъ питать въ себѣ еще сомнѣннйе относительно сказаннаго.—Не только, сказалъ Сократъ, нужно сомнѣваться, Симмій, напротивъ ты хорошо говоришь объ этомъ, и наши первыя положеннйя, если они вамъ также еще кажутся достовѣрными, должны быть всетаки разсмотрѣнны точнѣе; и когда вы это достаточно обдумаете, тогда, я думаю, вы послѣдуете истинѣ, насколько это возможно для чловѣка, и если вамъ это сдѣлается очевиднымъ, то ничего не будете изслѣдовать дальѣ.—Ты говоришь истину, сказалъ Кевисъ.

LVII. Но, господа, сказалъ Сократъ, по справедливости должно подумать объ этомъ, что душа, насколько она безсмертна, дѣйствительно нуждается въ заботливомъ охраненнйи не только за этотъ срокъ, на который простирается то, что мы называемъ жизннйю, но и на все время, и что въ виду этого опасность можетъ показаться страшною, если кто либо станетъ пренебрегать душою. Да, если бы смерть была отдѣленнйемъ ото всего, то это было бы находкой ¹⁾ для дурныхъ людей, такъ какъ съ душою чрезъ смерть послѣдннйе были бы освобождены отъ тѣла и своихъ пороковъ. Но теперь такъ какъ душа представляется безсмертною, то для нея не можетъ быть никакого другаго спасеннйя отъ золь и никакого другаго убѣжища, какъ только чтобы быть возможно лучшею и разумною. Ибо ни съ чѣмъ инымъ душа отправляется въ подземное царство, какъ только съ воспитаннйемъ и характеромъ, которые, какъ говорятъ, въ высшей степени приносятъ пользу или вредъ умершему тотчасъ же въ началѣ его отправленнйя туда. Такимъ образомъ передаютъ ²⁾, что тотъ духъ, который по

¹⁾ Находка, собств. отъ бога Гермеса ниспосланная, ибо вѣрили, что находкой на пути обязаны благосклонности этого миеологическаго божества.

²⁾ Платоновскій Сократъ о предметахъ недоступныхъ естественному пониманнйю рассуждаетъ подъ прикрытнйемъ поэтическихъ образовъ; такъ Спаситель въ образахъ и притчахъ, Ев. Мѡ. 13, 13, говоритъ народу о нравственныхъ истиннахъ.

удѣлу хранить каждаго въ теченнйе жизни, пытается вести его въ опредѣленное уже ему мѣсто, гдѣ собравшнйе должны подвергнуться суду и отправиться въ подземное царство ¹⁾, съ тѣмъ проводникомъ, которому предопредѣлено здѣшнихъ жителей отправлять туда. Послѣ того какъ имъ сообщено тамъ то, что они должны получить по промедленнйи тамъ нѣкоторый пернйодъ времени, который нужно, другой проводникъ снова приносить ихъ сюда обратно, послѣ долгаго и длиннаго промежутка времени. Слѣдовательно это путешественнйе бываетъ не такъ, какъ описываетъ его Телефъ, сынъ Эхила ²⁾. Послѣдннй именно говоритъ, что простая дорога ведетъ въ Аидъ, между тѣмъ какъ она мнѣ кажется ни простою, ни единою, ибо въ противномъ случаѣ она не нуждалась бы въ проводникахъ. Вѣдь вѣроятно никто и ни съ какой-либо стороны не ошибался бы, еслибы дорога туда была одною. Теперь же мнѣ кажется, что эта дорога имѣетъ много перекрестковъ и обходовъ. Я говорю это, заключая потому, что здѣсь составляетъ предметъ обычнаго и благочестиваго примѣненнйя. Душа разумная и нравственная въ здѣшней жизни слѣдуетъ за проводниками и не чувствуетъ себя чуждою ³⁾ въ своей новой жизни; а душа, страстно привязанная къ тѣлу, какъ я сказалъ въ предшествующемъ разговорѣ, долгое время летая около него и долго простираяся

¹⁾ Ср. подобное разсужденнйе о судьбѣ отшедшихъ душъ въ 11-й рапсоднйи „Одиссеи“; оно цитируется въ переводномъ трудѣ протопресвитеря Успенскаго Собора Н. А. Сергнйева: „Вѣчная жизнь“. Ст. III. Стр. 42—44.

²⁾ Телефъ не сынъ трагика Эхила, но только воспѣтнй имъ; онъ сынъ Геракла, владѣтель Мизи, раненный во время войны Троянской, а потомъ выздоровѣвшнй.

³⁾ Предстоящее душѣ состояннйе и ея явленнйя не неизвѣстны ей, какъ разумной, ибо она ихъ чрезъ философскнй упражненнйя (перцепцнйи) старается себѣ представить и не заблуждается ни отъ какихъ земныхъ страстныхъ движеннйя, ибо она, какъ чистая, можетъ признавать чистоту и истину. Такъ говоритъ Авг. Рюслннъ, которому мы обязаны и другими примѣчаннйями.

около видимаго своего мѣста и много тоскуя по немъ,— быстро уносится съ силою и мощію представленному къ ней (отъ Бога) демономъ¹⁾. Если же душа пришла туда, гдѣ остальные, допустивши нечистое или что либо въ такомъ родѣ, или навязала на себя несправедливыя убійства и сдѣлала другое что либо такого рода, что сродно съ ними, и составляетъ дѣла сродныхъ съ тѣмъ душъ, то каждый избѣгаетъ такой (злонравной) души, отъ нея сторонится, и не желаетъ быть ни ея спутникомъ, ни проводникомъ, а сама, находясь въ полной безизходности, блуждаетъ, до тѣхъ поръ пока не пройдутъ нѣкоторые сроки (по правосл. догматикѣ мытарства), по минованіи которыхъ она по необходимости приводится въ собственное ей жилище. Душа же проводившая свою жизнь въ чистотѣ и умѣренности, и удержавшая боговъ въ качествѣ спутниковъ и проводниковъ, каждая занимаетъ мѣсто, приличное ей.

LVIII. Много удивительныхъ мѣстъ на землѣ, а сама земля, какъ я однимъ лицомъ убѣжденъ, не удобопредставляема ни по качеству ни по количеству тѣми²⁾, которые имѣютъ обыкновеніе говорить о землѣ. Послѣ этого Симмій спросилъ: какъ ты думаешь объ этомъ, мой Сократъ? Вѣдь дѣйствительно я самъ слышалъ многое о землѣ, впрочемъ не то, въ чемъ ты увѣренъ; поэтому я охотно бы тебя послушалъ.—Но однако, Симмій, мнѣ думается, что то не искусство Главка³⁾—разсказывать о томъ, что бываетъ; но, что доказать дѣйствительно по истинѣ, это требуетъ очевидно еще болѣе труднаго искусства, чѣмъ

¹⁾ По православному, Ангеломъ хранителемъ, представленіе о которомъ см. нашу диссертацию: О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Изд. 2-е. Стр. 140—143.

²⁾ Заблужденіе Плагона и Аристотеля о томъ, что земля неподвижно находится въ центрѣ всего космоса, открылъ Бекъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о космической системѣ Платона.

³⁾ Лицо извѣстное подъ этимъ именемъ знало искусство спаяванія желѣза; поговорка съ упоминаніемъ объ имени Главка прилагалась къ вещамъ, требовавшимъ немного ума и соображенія.

искусство Главка, и частію я пожалуй и не могу, частію, если бы даже я и могъ (собств. умѣлъ), то, мнѣ думается, моей жизни не достанетъ для столь длиннаго разсужденія. Однакожь о видѣ земли, каковъ онъ по моему убѣжденію, и о пространствахъ ея ничто мнѣ не препятствуетъ говорить.— Но и этого достаточно, сказалъ Симмій.

Такъ я, сказалъ Сократъ, убѣжденъ въ томъ, что, во первыхъ, если земля, какъ круглое тѣло, вращается въ серединѣ небснаго пространства, то для нея отнюдь не нужно бы было ни воздуха, чтобы не упасть, ни какой либо другой таковой же необходимой поддержки, но достаточно для поддержанія ея остающагося отовсюду самому себѣ равнымъ свойства небснаго свода и равновѣсія земли. Ибо предметъ равновѣсный, находящійся въ срединѣ чего либо подобнаго, не будетъ въ состояніи уклониться никуда болѣе или менѣе, но, находясь въ одномъ и томъ же положеніи, пребудетъ неуклоннымъ. Въ этомъ, сказалъ онъ, я убѣжденъ прежде всего.—И правильно, сказалъ Симмій.—Далѣе еще я убѣжденъ въ томъ, что это (т. е. земной шаръ) предметъ очень огромный самъ по себѣ, и что мы обитающіе около моря (раз. Средиземнаго) отъ Фасиса¹⁾ до Геркулесовыхъ столбовъ живемъ на маленькой части его, какъ муравьи или лягушки, и въ иномъ мѣстѣ живетъ много другихъ челоуковъ на многихъ подобныхъ мѣстахъ (собств. въ странахъ). Ибо всюду на землѣ находится много впадинъ разнообразныхъ по формѣ и по величинѣ, въ которыхъ собраны вода, облака и воздухъ; но она, земля, лежитъ чистою въ чистомъ небсномъ пространствѣ, на которомъ находятся звѣзды и то, что многими, которые имѣютъ обыкновеніе говорить о таковыхъ вещахъ, называется эфиромъ;²⁾ его осадки суть

¹⁾ Рѣка Фазисъ въ Колхидѣ (т. е. на Кавказѣ), куда Аргонавты путешествовали за золотымъ руномъ, составляла восточную, какъ горы Кальпе (ведро) и Абило (Гибралтаръ) западную границу извѣстной философу Платону земли.

²⁾ Эфиромъ называется высшій и болѣе чистый воздухъ, до котораго не достигаютъ облака. Въ этомъ эфирѣ живутъ благочестивые, освѣщаемые лучами солнца въ теченіе ночи и дни.

эти элементы (земнаго шара) и соединяются они всегда въ ретордахъ (глубинахъ) земли. Мы въ настоящее время живущіе на рывтинахъ ея (земнаго шара) думаемъ, что обитаемъ на землѣ поверхъ ея, подобно тому какъ кто либо, живя на днѣ моря, могъ бы о себѣ подумать, что обитаетъ въ морѣ, и чрезъ воду, смотря на солнце и остальные созвѣздія, могъ бы считать, что море есть небо, но по медленности и слабости никогда не взошелъ бы на поверхность моря и выныряя и подымая голову изъ моря до здѣшнихъ мѣстъ никогда не видѣлъ бы, въ какой степени оно чище и красивѣе тѣхъ мѣстъ, которые у насъ, и не слышалъ бы объ этомъ отъ другаго видѣвшаго эти мѣста. И мы испытываемъ это же самое; ибо живя на какой либо впадинѣ земнаго шара думаемъ, что обитаемъ на поверхности его, и воздухъ называемъ небомъ, наглядно представляя, что по этому небу движатся созвѣздія. Дѣло же обстоитъ въ такомъ видѣ: по причинѣ слабости и медлительности мы не въ состояніи проникнуть до крайнихъ предѣловъ воздуха. Да если бы кто могъ дойти до его границъ, и заpastись крыльями, улетѣлъ бы (поднялся бы), то, поднявъ голову, подобно какъ и въ нашей мѣстности выныряющія изъ моря рыбы видятъ здѣшнія мѣста, такъ, говоримъ, иной увидѣлъ бы тамошнія мѣста, и если бы природа его способна была при этомъ созерцаніи вытерпѣть, то онъ узналъ бы, что это — истинное небо, истинный свѣтъ и вполне истинная земля. Ибо эта земля, камни и всякое мѣсто здѣшнее, равно какъ предметы въ морѣ отъ соленой воды, попорчено и изъѣдено. И ничего достойнаго словеснаго разсужденія не растеть въ морѣ и нѣтъ тамъ, сказать къ слову, ничего совершеннаго; тамъ есть только подводныя скалы, песокъ, непроходная глина, болото, гдѣ бы ни была еще какая либо земля, и нѣтъ ничего, чтобы стоило сравненія по крайней мѣрѣ съ прекрасными мѣст-

1) Раз., отъ жгучихъ лучей солнца.

ностями у насъ. Но тамъ на этой чистой землѣ предметы въ свою очередь гораздо болѣе должны отличаться отъ находящихся у насъ. Ибо, если бы я могъ разсказать прекрасную сагу, то стоило бы труда, Симмій, послушать, въ какомъ видѣ находятся предметы на землѣ, непосредственно ви-сящей подъ небомъ. — Да, мой Сократъ, отвѣтилъ Симмій, мы по крайней мѣрѣ охотно восприняли бы этотъ разсказъ.

LIX. Итакъ мой другъ, прежде всего, замѣтилъ Сократъ, — говорятъ то, что сама земля (земной шаръ), если смотрѣть на нее сверху, на видъ такова, какъ кожаные шары съ двѣнадцатю гранями, — пестра, раскрашена цвѣтами, къ которымъ принадлежатъ и здѣшніе цвѣта, которыми именно пользуются художники, но только напоказъ. Но тамъ вся земля состоитъ изъ такихъ же и притомъ еще гораздо болѣе блестящихъ и чистыхъ цвѣтовъ, чѣмъ эти; одна часть ея пурпурно-красная и дивной прелести, другая — златовидная, третья совершенно бѣлая и даже бѣлѣе, чѣмъ гипсъ и снѣгъ, и роскошествуетъ остальными цвѣтами, и даже еще большими и болѣе прекрасными, чѣмъ тѣ, которые мы видали. И дѣйствительно самыя эти ея глубины (оттѣняемыя полосами цвѣтистыми земнаго шара), хотя полны воды и воздуха, представляютъ нѣкую цвѣтистую картину, блестя благодаря разнообразію прочихъ цвѣтовъ такъ, что воображенію представляется одинъ нѣкій видъ ея неизмѣнный и разнообразный. И на этой землѣ съ такимъ ея видомъ произрастаютъ (появляются) соотвѣтственныя ея произведенія: деревья, цвѣты, плоды. И, съ другой стороны, точно также горы и каменья ея въ такой же соразмѣрности имѣютъ гладкость, прозрачность и болѣе красивыя цвѣта, а съ горъ тѣхъ получаютъ эти здѣшнія

1) Объ этой игрѣ въ двѣнадцатигранникъ Пифагора упоминаетъ Гумбольтъ въ своемъ сочиненіи „Космосъ“ III, 55. Философъ Платонъ, по примѣру Пифагорейцевъ, опредѣляя природу вещей геометрическими фигурами, міръ уподобляетъ двѣнадцати граннику, землю-кубу, огонь пирамидѣ.

столь любимыя камушки, какъ сердоликъ, яшма, аквамаринъ (свѣтло-зеленый кристаллъ) и всѣ такіе благородныя металлы; а тамъ нѣтъ ничего, что не было бы такого свойства, а есть камни еще красивѣе здѣшнихъ. Причиною этому то, что тѣ камни чисты, не поглощаются и не уничтожаются, какъ здѣшніе, отъ размалыванія, щелочи, образующейся отъ стекающихъ въ одной ретордѣ веществъ, которыя причиняютъ камнямъ, землѣ, остальнымъ живымъ существамъ и растеніямъ разрушеніе и болѣзни. Сама же земля та украшается какъ всякимъ такимъ украшеніемъ, такъ и золотомъ, серебромъ и остальнымъ богатствомъ подобнаго рода. Ибо эти металлы отъ природы блестящи, и ихъ много по количеству, они громоздки и повсюдны на землѣ, такъ что при нихъ сама она на видъ представляетъ зрѣлище для благочестивыхъ зрителей. Живыя существа находятся на ней и, помимо многихъ другихъ, и люди; одни изъ нихъ обитаютъ посреди земли, другіе — около воздушныхъ сферъ, подобно какъ мы около моря, иные на островахъ, которые, какъ прилегающіе къ материку, окружаютъ воздухъ, и словомъ, что для насъ и для нашего употребленія составляетъ вода и море, то на той землѣ воздухъ, а что для насъ — воздухъ, то для нихъ — эфиръ. Но температура временъ года для нихъ такъ соразмѣрна, что они свободны отъ болѣзней и живутъ гораздо дольше, чѣмъ здѣшніе, и по виду, слуху, разсудительности и всему подобному отъ насъ находятся на такомъ же разстояніи, на какомъ отстоитъ въ разсужденіи чистоты воздухъ отъ воды и эфиръ отъ воздуха. И дѣйствительно у нихъ есть священныя рощи боговъ и храмы, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ обитателями являются боги, и есть у нихъ божественныя изреченія, предсказанія, видѣнія боговъ и они осчастливлены таковымъ приближеніемъ къ богамъ, и солнце, луна и звѣзды ими совершенно такъ видимы, какъ они въ дѣйствительности, и ихъ остальное блаженное (счастливое) состояніе согласуется съ этимъ.

LX. Такова дѣйствительно отъ природы вся земля въ цѣломъ вмѣстѣ съ ея окружностями; на ней вокругъ, сообразно съ ея впадинами, много мѣстъ, нѣкоторыя глубже и болѣе открытыя, чѣмъ то мѣсто, на которомъ мы живемъ, а нѣкоторыя, хотя глубже, однако сами имѣютъ отверстія меньшее, чѣмъ пространство у насъ; есть разумѣется и такія мѣста, которыя меньше въ глубину, но шире, чѣмъ наши. Всѣ же эти мѣста подъ землею соединены разнообразно другъ съ другомъ каналами болѣе тѣсными и широкими, и имѣютъ проходы, гдѣ протекаетъ много воды изъ однихъ въ другія, какъ въ кратерахъ; и подъ землею необъятное множество постоянно текущихъ рѣкъ съ теплыми и холодными водами; много тамъ и огня: громадныя огненные рѣки, много рѣкъ влажной грязи, то болѣе чистой то болѣе мутной, какъ въ Сициліи предъ изверженіемъ огня (въ кратерѣ) ¹⁾ текутъ потоки грязи и самая лава. Ими наполняются отдѣльныя мѣста и на каждомъ въ раздѣльности бываетъ разливъ. И это все движется вверхъ и внизъ, какъ качель нѣкая, находящаяся на землѣ. А качка по приближенію такого рода природному свойству есть слѣдующая.

Одно изъ отверстій земли есть особенно великое и непрерывно просверлено чрезъ всю землю; это то, о которомъ Гомеръ упомянулъ, говоря ²⁾ относительно него: очень далеко, гдѣ открывается самая глубокая пропасть, тамъ подъ землею, что въ другомъ мѣстѣ, какъ онъ, такъ и много другихъ поговъ, называли тартаромъ. Въ это отверстіе (пучину) вливаются всѣ рѣки, и изъ него снова вытекаютъ. Но каждая изъ этихъ рѣкъ дѣлается такою, какъ и почва, чрезъ которую они текутъ. Причина же того, что рѣки всѣ вытекаютъ оттуда и втекаютъ туда, та, что эта жидкость (извергаемая) не имѣетъ ни основанія, ни дна. Она несется и бьетъ ключемъ вверхъ и внизъ; воздухъ и вѣтеръ, находящійся около нея, дѣлаетъ тоже самое; ибо вѣтеръ слѣдуетъ за

¹⁾ Рѣчь объ изверженіи Этны и потокахъ извергаемой ею лавы.

²⁾ Въ Илиадѣ 8, 13.

нею, устремляется ли съ одной стороны земли или и съ другой, и подобно какъ у вдыхающихъ притекающій воздухъ непрерывно то втекаетъ, то вытекаетъ, такъ и тамъ поднимающееся вмѣстѣ съ жидкостію движеніе воздуха, при его приливѣ и отливѣ, производитъ извѣстные сильные, необоримые порывы вѣтра. Когда же вода (поднимаясь) вступила въ мѣсто, которое, извѣстно, называютъ низшимъ ¹⁾, она чрезъ землю течетъ въ область тѣхъ рѣкъ и наполняетъ ихъ, подобно какъ дѣлаютъ накачивающіе нососомъ ²⁾. Когда же вода оттуда удаляется и устремляется сюда, то она снова наполняетъ здѣшнія пространства, и они, наполнившись, текутъ черезъ каналы и чрезъ землю, и когда они каждая въ отдѣльности достигнутъ до областей, къ которымъ въ отдѣльности направляютъ путь, то образуютъ моря, болота, рѣки и источники. Отсюда снова они проникаютъ подъ землю и, послѣ того какъ одни окружили болѣе длинныя, а другіе—менѣе короткія пространства, они опять врываются въ Тартаръ и притомъ одни гораздо глубже, чѣмъ какъ они вышли, а другіе мельче. Но всѣ эти (водовмѣстилища) вливаются ниже мѣстъ изліянія. И нѣкоторые падаютъ въ сторону противоположную той, съ которой вливаются, а нѣкоторые въ ту же самую сторону. Существуютъ рѣки, которыя обойдя совершенно кругомъ, или однажды или много разъ, извиваются вокругъ земли, какъ змѣи, и ниспустившись, насколько возможно внизъ, снова вторгаются въ Тартаръ. Но возможно съ каждой стороны имъ спускаться до средины земнаго шара, но не далѣе, ибо для обоихъ теченій съ каждой стороны есть другая часть круто поднимающаяся вверхъ.

¹⁾ Здѣсь философъ классич. древности Платонъ выражается неправильно, такъ какъ къ намъ возвращающіяся, какъ и отходящія половины земнаго шара—полушарія верхомъ и низомъ, послѣдній (низъ) имѣютъ въ общей срединѣ, отъ которой онъ и идетъ вверхъ съ обѣихъ сторонъ.

²⁾ Платонъ здѣсь пользуется образомъ живой почти олицетворенной первоводы, которая наполняетъ какъ бы черпательными ведрами ложерѣкъ.

LXI. Итакъ, дѣйствительно есть много большихъ и разнообразныхъ теченій и среди этихъ теченій находятся четыре ¹⁾ приблизительно теченія, изъ которыхъ самое великое и текущее кругомъ съ самой внѣшней стороны есть такъ называемый океанъ; насупротивъ его и въ противоположную сторону течетъ Ахеронъ ²⁾, который течетъ чрезъ другія пустынные мѣста и, пробиваясь подъ землю, впадаетъ въ озеро Ахеронское, куда приходятъ души большинства умершихъ, и оставшись здѣсь нѣкоторое опредѣленное время, — однѣ долѣе, другія кратче—высылаются обратно для рожденія живыхъ существъ ³⁾. Третья рѣка выходитъ посрединѣ ихъ (пустынныхъ мѣстъ) и не далеко отъ своего истока попадаетъ въ огромное мѣсто блестящее отъ страшнаго огня, и образуетъ море ббльшее, чѣмъ море наше, (т. е. Средиземное), съ кипящею водою и грязею. Отсюда течетъ она вокругъ грязною и иловатою и обойдя кругомъ земли, достигаетъ до другаго мѣста, до самымъ крайнихъ предѣловъ Ахеронскаго озера, не смѣшиваясь съ его водами; и послѣ того какъ сдѣлаетъ много оборотовъ подъ землю, впадаетъ еще ниже въ Тартаръ. Это есть рѣка, которую называютъ Пирифлегетонъ; ея потоки лавы выбрасываютъ оторванные куски свои тамъ, гдѣ случится на землѣ. Насупротивъ ея, съ другой стороны, впадаетъ четвертая рѣка въ мѣсто сначала ужасное и дикое, какъ передаютъ, съ цвѣтомъ совершенно какъ лазуревая сталь; это мѣсто называютъ Стигійскимъ, и озеро, которое образуетъ рѣка при своемъ впадении, Стиксомъ. Эта рѣка, впадая въ озеро, и воспринявъ ужасную силу въ своей водѣ ⁴⁾,

¹⁾ По Проклу Платонъ имя этихъ рѣкъ заимствовалъ изъ Одисс. 10, 514 и 11, 157.

²⁾ Назв. происходитъ отъ ὁ ἄρα ῥέων.

³⁾ Для произведенія живыхъ существъ, илц, думая согласно со Стейнгардомъ, для одушевленія вступившихъ въ жизнь твореній.

⁴⁾ Именно на поверхности земли, откуда она опять скрывается, какъ и другія названныя теченія.

скрывшись подъ землею, катясь стремглавъ, бѣжитъ насупротивъ Перифлегетона ¹⁾ и достигаетъ его въ Ахеронскомъ озерѣ съ противоположной стороны. И ея вода ничуть не смѣшивается ни съ какою другою. Но и эта рѣка, обошедши землю кругомъ, бросается въ Тартаръ напротивъ Перифлегетона; имя этой рѣки, какъ говорятъ поэты, Коцитъ ²⁾).

LXII. Послѣ того какъ, при такомъ устройствѣ этого (т. е. преисподней), умершіе придутъ въ то мѣсто, куда cadaго ведетъ духъ, то прежде всего подлежатъ суду тѣ, которые живутъ прекрасно и свято, затѣмъ тѣ, которые не жили такъ. И тѣ, о которыхъ общепризнано, что они въ жизни держались середины ³⁾, идутъ къ Ахеронту, и входя на судна, которыя у нихъ есть, на нихъ приходятъ къ озеру. И тамъ они живутъ и очистившись отъ неправедностей, неся наказаніе, освобождаются, если кто въ какомъ либо отношеніи поступилъ несправедливо, и получаютъ почети за свои благодѣянія,—по достоинству каждый. А тѣмъ, которые кажется не излѣчимы по великости своихъ грѣховъ, такъ какъ они совершили много великихъ святотатствъ, несправедливыхъ убійствъ, много противозаконныхъ поступковъ, или и иное, что есть подобнаго свойства,—тѣхъ судьба, настигнувъ, бросаетъ въ Тартаръ, откуда они никогда не выходятъ. Тѣ, которые, кажется, совершили изцѣляемые грѣхи, но великіе, напр., причинили

¹⁾ Перифлегетонъ—огненный потокъ отъ πῦρ и φλόξ—пламя огня.

²⁾ Коцитъ отъ κῆκῶν—плачу, рыдаю.

³⁾ Т. е. люди не хорошіе и не дурные; встрѣтивъ ихъ въ преддверіи ада Данте отъ своего спутника Виргилія слышитъ:

Таковъ удѣлъ ничтожныхъ душъ, что въ мірѣ
Прошли какъ тѣнь безъ славы и слѣда;
Имъ участь каждая завидна въ ихъ печали
Подъ вѣчнымъ бременемъ позора и стыда,
Боялись зла они, и отъ добра отпали,
Нѣтъ состраданья имъ, и нѣтъ для нихъ суда...
Что говорить о нихъ? Взгляни,—и далѣ...

Dant. Com. Inf. 111 pass.

отцу или матери вслѣдствіе гнѣва что либо насильственное, и потомъ остальную жизнь проводили въ разкаяніи, или которые другимъ подобнымъ образомъ сдѣлались челоукоубійцами; тѣ неминуемо должны низринуться въ Тартаръ и попавшихъ въ него, цѣлый годъ тамъ остающихся, выбрасываетъ волна,—челоукоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы въ Перифлегетонъ. А когда они несясь очутятся у озера Ахеронскаго, то кричатъ и вызываютъ—одни къ тѣмъ, которыхъ они убили, другіе—къ тѣмъ, съ коими они поступили насильственно, и вызывая, они умоляютъ и просятъ, чтобы имъ дозволили войти въ озеро и чтобы ихъ приняли, и если они убѣдятъ этимъ, то выходятъ изъ озера и отстаютъ отъ пороковъ; если же не убѣдятъ, то снова несутся въ Тартаръ и оттуда опять въ рѣки, и не раньше перестаютъ терпѣть это, чѣмъ какъ убѣдятъ тѣхъ, которыхъ обидѣли; ибо въ этомъ опредѣленіе имъ наказанія отъ ихъ судей. Но тѣ, которые, кажется, отлично живутъ, чтобы жить благочестиво, тѣ, будучи освобождены отъ этихъ мѣстъ на землѣ и чужды ихъ, какъ темницы, въ верхнихъ же сферахъ прибывъ въ чистое жилище, обитаютъ на землѣ. Между этими самими тѣ, которые въ достаточной степени очищены философией, живутъ въ послѣдующее время безъ тѣлъ и приходятъ въ жилища лучшія еще, чѣмъ эти, которыя нелегко описать, да и недостаточно для этого времени у меня въ настоящемъ.

LXIII. Но по причинѣ этого, что мы рассказали, Симмій, должно все дѣлать, чтобы участвовать въ добродѣтели и предусмотрительности въ теченіе жизни, ибо прекрасная награда за нихъ и великая надежда.

Итакъ утверждать, что дѣло (этотъ вопросъ) находится въ такомъ положеніи, какъ я рассказалъ, не свойственно мужу, имѣющему умъ; впрочемъ что съ нашими душами и ихъ обиталищами, послѣ того какъ душа является безсмертнымъ существомъ, сбывается такъ или подобнымъ образомъ, это мнѣ представляется за истину и стоитъ рискнуть

за нее, какъ скоро вѣрятъ, что это такъ; ибо прекрасенъ этотъ рискъ и должно таковое какъ бы поддѣвать себѣ, (для утѣшенія); поэтому и я издавна придерживаюсь этого сказанія. Но поэтому же должно ради своей души быть самоувѣреннымъ человѣку, который въ теченіе жизни допускаетъ себѣ презирать остальные удовольствія, касающіяся тѣла, и украшенія, какъ чуждыя ему, въ убѣжденіи, что они гораздо скорѣе отвлекаютъ отъ дѣятельности; и, при мысли, о радостяхъ познанія, стараться украсить свою душу украшеніемъ не чуждымъ ей, но украшеніемъ ей свойственнымъ, здравомысліемъ, справедливою, мужествомъ, свободою, истиною, и такимъ образомъ ожидаетъ путешествія въ царство тѣней, какимъ путемъ отправиться туда, когда судьба позоветъ.

Итакъ вы, прибавилъ онъ, Симмій и Кевисъ, и вы другіе позднѣе, въ опредѣленное время каждый предпримете это путешествіе; а меня теперь уже зоветъ, какъ сказалъ бы трагическій поэтъ, рокъ и почти наступаетъ нѣкоторая пора обратиться мнѣ къ купанью, ибо мнѣ кажется за лучшее, вымывши себя, выпить ядъ, чтобы не доставить женщинамъ хлопотъ мыть мертваго.

LXIV ¹⁾. Лишь только онъ сказалъ это, Критонъ прибавилъ: „да будетъ такъ, Сократъ!.. Что же ты поручаешь имъ или мнѣ относительно дѣтей и другаго чего-либо, что для тебя мы исполнивъ наиболее можемъ относиться къ тебѣ съ благорасположеніемъ. — То, что я, Критонъ, постоянно говорю тебѣ, ничуть не ново, именно, что вы, если будете заботиться о самихъ себѣ, то и для меня, и для моихъ сыновей, и для васъ самихъ будете благоприятны чрезъ то, что вы будете дѣлать, хотя бы вы теперь и не обѣщались; но если вы пренебрегаете самими собою и не желаете жить, какъ бы по слѣдамъ истины ²⁾, по сказан-

¹⁾ Этою главою начинается эпилогъ Платонова Федона.

²⁾ Образъ выраженія заимствованъ отъ охоты, напр., собакъ, которыя преслѣдуютъ по слѣдамъ дичь; затѣмъ отъ шествія по слѣдамъ раз-

ному въ настоящее или въ предшествующее время, то, да же если много и сильно обѣщаетесь въ настоящемъ, вы отнюдь ничего болѣе не сдѣлаете. — Мы, такимъ образомъ, отвѣтилъ Кевисъ, будемъ стремиться дѣлать такъ; но какимъ же образомъ мы тебя погребемъ?—Какъ вы хотите, отвѣтилъ онъ, если только вы меня достигните и я не избѣжу васъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно улыбнувшись и посмотрѣвъ на насъ, онъ сказалъ: я не могу убѣдить, г-да, Критона въ томъ, что я тотъ Сократъ, который теперь разсуждаетъ съ вами и упорядочиваетъ все, что говорить, но онъ думаетъ, что я тотъ, котораго онъ увидитъ немного позднѣе мертвымъ и такимъ образомъ спрашиваетъ, какъ меня похоронить. А что я давно въ продолжительной рѣчи изъясняюсь, какъ я, послѣ того какъ выпью ядъ, уже не буду оставаться у васъ, но быстро устремлюсь къ неизреченнымъ радостямъ блаженныхъ—объ этомъ, я думаю, говорилъ ему иначе (чѣмъ какъ требовалъ доказываемый предметъ¹⁾), такъ какъ я старался чрезъ это утѣшить столько же васъ, сколько и себя. Такъ, продолжалъ онъ, за меня вы дайте Критону ручательство противоположное тому, чѣмъ какое онъ давалъ за меня предъ судьями. Онъ именно ручается, что я дѣйствительно останусь, а вы дайте ручательство, что я дѣйствительно не останусь, послѣ того какъ умру, но быстро уйду, чтобы Критонъ легче перенесъ и, видя мое тѣло сожженнымъ или погребеннымъ, не негодовалъ на меня, что я потерпѣлъ ужасное, и не говорилъ при моемъ погребеніи, что онъ выставилъ Сократа или вынесъ, или закопалъ. Ибо знай хорошо, прибавилъ онъ, что нехорошее слово не только само въ себѣ несоотвѣтственно, но и наноситъ нѣкоторый вредъ душамъ. Но нужно быть самоувѣреннымъ и говорить, что ты погребашь

вѣтчика, особенно божественнаго вождя, какъ часто у Гомера, напр., *Odys.* 2, 406; наконецъ образъ примѣняется не только въ отношеніе къ лицу, но и, какъ здѣсь, къ мудрымъ наученіямъ, по слѣдамъ коня имѣютъ слѣдовать внимающіе истинѣ.

¹⁾ Или чѣмъ я хотѣлъ.

мое тѣло и погребаешь такъ, какъ тебѣ будетъ угодно и какъ ты считаешь наиболѣе законнымъ.

LXV. Сказавши это, онъ (Сократъ) всталъ и пошелъ въ комнату, чтобы мыться, и Критонъ послѣдовалъ за нимъ, онъ приказалъ намъ подождать. Итакъ мы ожидали, разговаривая съ самими собою о высказанномъ (въ ученой бесѣдѣ) и обсуждая; и тогда мы снова разслѣдуи о несчастіи, сколь велико произошло оно у насъ, прямо думали, что мы, какъ бы лишившись отца, должны послѣдующую жизнь проводить сиротами. Послѣ того какъ онъ вымылся и были принесены къ нему его дѣти ¹⁾ — ибо у него было два маленькихъ сына и одинъ взрослый — пришли родственники ему женщины ²⁾ и онъ поговоривши съ ними въ присутствіи Критона и поручивши имъ то, что желалъ, приказалъ женщинамъ и дѣтямъ отойти, а самъ обратился къ намъ. И было это близъ заката солнца. Онъ долгое время провелъ внутри. Пришедъ, онъ, омытый, сидѣлъ, и затѣмъ еще немного съ нами поговорилъ. И пришелъ одинъ служитель изъ одиннадцати архонтовъ и ставъ подлѣ него сказалъ: „Сократъ, я не стану развѣдывать отъ тебя о томъ, о чемъ разузнаю отъ другихъ, именно что на меня негодуютъ и проклинаютъ меня, когда я имъ передаю приказаніе выпить ядъ, такъ какъ начальники ³⁾ принуждаютъ; тебя же особенно за это время призналъ благороднѣйшимъ, весьма кроткимъ и наилучшимъ человѣкомъ изъ тѣхъ, которые когда-либо сюда приходили, и дѣйствительно даже въ настоящее время я знаю хорошо, что ты не на меня негодуешь, — вѣдь ты призналъ виновниковъ, — но на нихъ. Итакъ теперь, — ибо ты знаешь съ какими извѣстіями я пришелъ — прощай и попробуй, какъ можно легче перене-

¹⁾ Старшій Лампроклъ, упоминаемый въ 28 гл. Апологіи Сократа; младшіе Софронискъ и Менексенъ.

²⁾ Ксантиппась другими извѣстными дому Сократа женщинами.

³⁾ Разумѣются вышеупомянутые начальники, вошедшіе въ судъ съ введеніемъ уголовного обвиненія на Сократа.

сить неизбежную (судьбу). И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, заплакавъ, обратился и отошелъ. Сократъ, взглянуль на него, и сказалъ: „прощай ты, а мы исполнимъ это приказаніе; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, обратившись къ намъ, сказалъ: „какъ однако этотъ человѣкъ учтивъ“. И въ продолженіе всего времени ¹⁾ онъ подходилъ ко мнѣ и разговаривалъ иногда, и былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ изъ мужей, и теперь какъ благородно меня оплакиваетъ. Но ну, мой Критонъ, мы послѣдуемъ за нимъ (т. е. *человѣкомъ приходящимъ съ извѣстіемъ отъ одиннадцати*) и пусть кто-либо принесетъ ядъ ²⁾, если онъ натертъ ³⁾; если же нѣтъ, то этотъ человѣкъ пусть натретъ. И Критонъ сказалъ: мнѣ кажется солнце стоитъ еще надъ горами и еще не закатилось, а помимо того я знаю, что и другіе много позднеѣ, чѣмъ имъ объявлено, имѣли обыкновеніе выпивать, ибо много ѣли и пили вполне достаточно, а нѣкоторые соединившись съ тѣми, къ которымъ они имѣли обыкновеніе располагаться страстно. Но ты не спѣши ничуть; время еще позволяетъ.

— И Сократъ сказалъ: тѣ, о которыхъ ты говоришь по справедливости дѣлаютъ это, ибо они думаютъ, сдѣлавши это, нѣчто выиграть, а я этого не сдѣлаю (не замедлю т. е.), какъ естественно. Ибо я, выпивши немного позднеѣ, ничего другаго не выиграю, какъ только заслужу насмѣшку въ своихъ глазахъ (предъ самимъ собою), если буду сильно привязываться къ жизни и падать ее, когда отъ нея ничего болѣе у меня не остается ⁴⁾. Но ты иди, прибавилъ Сократъ, повинуйся, и не дѣлай иначе.

LXVI. И Критонъ, выслушавъ это, поманилъ мальчика, который стоялъ вблизи. И мальчикъ служитель вышелъ и послѣ нѣкотораго замедленія пришелъ съ тѣмъ, кто готовъ былъ дать (Сократу) ядъ, неся его разстертымъ въ ступѣ.

¹⁾ Въ теченіе тридцатидневнаго пребыванія въ темницѣ.

²⁾ фармаковъ, ядъ, а иногда варенье.

³⁾ Сѣмена ядовитой цикуты растирали.

⁴⁾ Кромѣ развѣ короткаго срока до ближайшаго заката солнца.

Когда Сократъ посмотрѣлъ на этого человѣка, то сказалъ: хорошо, почтеннѣйшій, вѣдь ты взятокъ этого, какъ нужно это дѣлать?— Ни чуть не иначе, отвѣтилъ онъ, какъ выпивши гулять до тѣхъ поръ, пока въ суставахъ не будетъ у тебя тяжести, потомъ лечь. И такимъ путемъ ядъ самъ по дѣйствуетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ протянулъ Сократу кубокъ. И онъ взялъ его весьма весело, безъ трепета, не измѣнившись въ цвѣтѣ и чертахъ лица, но смотря открыто. ¹⁾ (собств.: изъ подлбья) сказалъ: Ехекратъ, что ты думаешь объ этомъ напитокѣ въ томъ смыслѣ, можно ли имъ сдѣлать возліаніе въ честь бога?—можно или нѣтъ?—Мы, Сократъ, отвѣтилъ (Ехекратъ), растираемъ столько, сколько по нашему мнѣнію достаточно для питья.—Я понимаю, сказалъ Сократъ, но можно и должно молить боговъ о томъ, чтобы наше переселеніе отсюда туда было счастливо. Объ этомъ дѣйствительно я молю и пусть будетъ такъ. Съ этими словами онъ придвинулся къ чашѣ и выпилъ ее очень легко и спокойно. До того времени большинство изъ насъ со всѣмъ приличіемъ было въ состояніи удерживаться отъ слезъ, но когда мы увидѣли его выпивающаго и осушившаго чашу, мы уже не были въ состояніи удерживаться отъ слезъ; но у меня самого даже при сдерживаніи обильно полились слезы, и такимъ образомъ закрывшись (мантіей) я оплакивалъ самого себя. Ибо я оплакивалъ не его, но свою судьбу при представленіи, какого человѣка—друга я лишуюсь. Критонъ же поднялся прежде меня, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи удерживать слезы. Аполлодоръ же и въ предшествующее время ничуть не переставалъ плакать, и дѣйствительно тогда заревѣлъ и среди плача и вопля никого изъ присутствующихъ такъ глубоко не тронулъ, кромѣ самого Сократа. Но онъ сказалъ: что вы дѣлаете, странные

¹⁾ Сократъ смотрѣлъ на этого человѣка большими глазами, какъ бы вымѣряя его снизу доверху, въ той увѣренности, что послѣдній на поставленный ему вопросъ дастъ отвѣтъ.

люди! Я конечно наиболѣе потому отослалъ женщинъ, чтобы онъ ничего не допускали раздрающаго слухъ, ибо я слышалъ, что должно умирать среди благочестиваго молчанія. Такъ вы удерживайте спокойствіе и будьте тверды. И мы, выслушавши это замѣчаніе, устыдились и начали удерживаться отъ плача; а онъ ходилъ кругомъ (по комнатѣ) и послѣ того какъ его ляшки, какъ онъ говорилъ, отяжелѣли, онъ легъ навзничь, ибо такъ приказалъ тотъ человѣкъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ, давшій ему ядъ, ощупывая его, время отъ времени наблюдалъ его ноги, ляшки, и затѣмъ сильно подавивъ его ногу, спросилъ, чувствуетъ ли онъ; Сократъ отвѣчалъ, что нѣтъ. И послѣ этого тотъ человѣкъ снова подавилъ голени и такимъ образомъ осязая выше показывалъ намъ, какъ онъ холодѣетъ и становится окоченѣлымъ. И самъ (Сократъ) осязалъ себя и высказалъ, что когда у него это дойдетъ до сердца, тогда онъ отойдетъ. Такимъ образомъ когда части его, находящіяся около живота, охолодѣли, онъ, обнаживши себя, ибо онъ былъ закутанъ, сказалъ, и это были его послѣднія слова: Критонъ, сказалъ онъ, мы обязаны къ пожертвованію пѣтуха въ пользу Асклепія ¹⁾, такъ представьте его и не мѣшкайте. Да это, сказалъ Критонъ, будетъ исполнено, но смотри, не скажешь ли ты чего-либо другаго. Когда онъ объ этомъ спросилъ, Сократъ ничего уже на это не отвѣчалъ, и чрезъ немногіе промежутки времени началъ двигаться и человѣкъ тотъ прикрылъ его, а онъ остановилъ глаза; увидя это Критонъ заключилъ уста и сомкнулъ глаза Сократа.

¹⁾ Асклепій или Эскулапъ, сынъ Аполлона, почитался какъ богъ цѣлебнаго искусства; ему приносили выздоровѣвшіе отъ болѣзни въ жертву пѣтуха, эту птицу посвященную богу солнцу, что было знакомъ благодарности за полученное исцѣленіе. Подобную жертву друзья Сократа должны были принести въ благодарность за его исцѣленіе отъ земной страдальческой жизни. Свойство болѣзни, которую онъ превозмогъ, и вѣчнаго здравія, къ которому онъ стремился, онъ разъяснилъ въ 29-гл. и въ другихъ мѣстахъ Федона; эта же мысль въ посл. Римл. 4, 24.

LXVII. Такова, Ехеградъ, была кончина (τελευτή) нашего товарища — друга, который, мы могли бы сказать, из тогдашнихъ лицъ, о которыхъ мы получили свѣдѣніе, былъ самымъ лучшимъ и вообще разумнѣйшимъ и справедливейшимъ человѣкомъ⁴⁾.

[Faint, mostly illegible text in a foreign language, likely Greek or Latin, continuing the narrative or commentary.]

⁴⁾ Основаніе къ установкѣ такого свѣтлаго взгляда на учителя нравственности Сократа можно усматривать въ концѣ Memorabilia Ксенофонта. 12. 20. 32.